

А.Г.Белова

ХИМЬЯРИТСКИЙ ЯЗЫК

АРЕАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
К ИСТОРИИ
АРАБСКОГО
ЯЗЫКА

1999

15

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

А.Г.Белова

ХИМЬЯРИТСКИЙ ЯЗЫК

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
К ИСТОРИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1996

ББК 81.2
Б43

Ответственный редактор

Г. Ш. ШАРБАТОВ

Редактор издательства

С. В. ВЕСНИНА

4602020000-05
Б 013(02)-96 Без объявления

ББК 81.2

ISBN 5-02-017705-9

© А.Г.Белова, 1996
© Издательская фирма
«Восточная литература»
РАИ, 1996

«Химьяритский язык обширен. Химьяритский — не здесь и не там: он рассеян по всему Йемену. И тот, кто хочет его собрать, должен объездить все его края. Здесь найдет слово, там — грамматическую форму. Затем он составит словарь, которому удивится мир».

Кади из Адена

«Боюсь, что это благое желание кади никогда не осуществится»

[Heinrich von Maltzan, 1871, с. 197]

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной работы явилась результатом исследования белых пятен в истории арабского языка и арабских диалектов. Ее актуальность определяется настоятельной необходимостью определить и установить недостающие звенья в реконструкции древних периодов развития и функционирования древнеарабского, или протоарабского, языка, установить степень его диалектной расчлененности вплоть до выделения самостоятельных групп диалектов, генетически далее отстоящих от непосредственного предка.

Актуальной задачей современной семитологии является также уточнение генетической и типологической классификации южно-аравийских и эфиосемитских языков.

Более детальное изучение основных морфологических категорий и форм в древних диалектах и языках, установление изоморфов и изоглосс некоторых грамматических форм и способов направлено на выявление центров их возникновения и распространения, очагов более древнего, доарабского и, возможно, досемитского субстрата в языках Аравийского п-ова.

Решение вопроса о географическом распределении языков и диалектов на территории Аравийского п-ова, в Южной Аравии в доисламский период является также важным звеном в более четком определении исторического происхождения их носителей и соответственно истории отдаленных периодов в данном регионе.

1. ДОИСЛАМСКИЙ ПЕРИОД

В ИСТОРИИ АРАБСКОГО И ЮЖНОАРАВИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

История сложения и развития арабского языка, процесса, который происходил на территории Аравии в доисламский период, до настоящего времени остается малодоступной исследователю.

Прежде всего сохранение белых пятен в доисламской истории арабского языка связано с отсутствием достаточного количества непосредственных письменных материалов и памятников языка первых веков нашей эры и более древних периодов.

Языковые данные отдельных функциональных сфер устойчивого жанра (доисламской поэзии, сакральных текстов жрецов и прорицателей, кратких наскальных надписей) свидетельствуют о том, что в последние века перед исламом на базе племенных диалектов Аравийского п-ова и прилегающих районов складывается достаточно унифицированный язык с развитой системой форм словоизменения и словообразования и нередуцированной (сравнительно с современными арабскими диалектами) фонологической системой. Вместе с тем эпиграфические материалы Северной и Южной Аравии, относящиеся к векам рубежа нашей эры, свидетельствуют о существовании нескольких групп диалектов (племенных или территориальных), которые можно разграничить по некоторым грамматическим признакам, отраженным в консонантной записи эпиграфических текстов (см. работу, посвященную языку эпиграфических текстов Северной Аравии [Белова, 1994]). Географически эти материалы (за исключением текстов из Qaryat al-Faw) отражают северную и северо-западную периферию арабоязычного ареала Аравийского п-ова. Самудско-лихьянские и сафские тексты свидетельствуют о преемственности графики южноарабского происхождения, а набатейские тексты того же исторического периода подверглись влиянию арамейской культуры и письменности.

Сравнение языка сафской эпиграфики с языком набатейских текстов, содержащих арабизмы, позволяет выделить по меньшей мере две группы доисламских арабских диалектов: диалекты с препозиционным артиклем *h / hn-* и относительным местоимением *d-* и диалекты с препозиционным артиклем *'al-*. Язык текста из Qaryat al-Faw представляет систему отмеченных показателей: препозиционный артикль *'l-* и постпозиционное окончание *-m* в именах без артикля.

Функционирование и интеграция *h / hn-*диалектов отразились только в эпиграфических памятниках, но они не оставили каких-либо рефлексов ни в собственно арабском языке более позднего периода, ни в арабских племенных диалектах. Особенности этих языков не упоминаются даже самыми ранними средневековыми арабскими филологами.

Группа древних *'al-*диалектов представляется непосредственной основой развития собственно арабского раннеклассического языка. Однако материалы по соответствующим ранним периодам функционирования *'al-*диалектов представлены до настоящего времени еще более ограниченными текстами, чем материалы *h/hn-*диалектов. К основным из этих текстов можно отнести надписи ан-Намары, Зебеда, Карйат ал-Фау и краткую надпись из района Умм-Лайла (Северный Йемен) [Müller W. W., 1977, с. 733], язык которых

имеет четкие признаки, характерные именно для североарабского языка (васлирование и ассимиляция артикля 'al- ; морфонология недостаточных глаголов; слоговая структура имени 'bn 'сын', являющаяся специфической для североарабского).

Ограниченность и недостаточность указанных и иных доступных нам текстов побуждают обратиться к другим источникам, которые могли бы предоставить данные о языках и диалектах Аравии доисламского периода.

Эти источники направляют поиск к южной периферии арабоязычного континуума, который захватывает территорию Йемена и — шире — территорию всей Южной Аравии и накладывается на ареал распространения древних эпиграфических и современных южноаравийских языков.

Эпиграфические языки (сабейский, минейский, катабанский, хадремаутский, период функционирования — с VIII в. до н. э. до середины I тысячелетия н. э.) разграничиваются на основе ряда морфологических и лексических признаков (система слитных местоимений 3-го л., префиксы каузатива, имперфекта и др.). До настоящего времени арабоязычный континуум в Южной Аравии накладывается на ареал распространения и функционирования другой группы южноаравийских языков — мехри, шахри, сокотри и их диалектов.

Проникновение арабоязычного населения на территорию Южной Аравии, по мнению ряда ученых, началось задолго до распространения ислама. В частности, Дж. Гарбини относит первую волну протоарабского, достигнувшую юга Аравии, к концу II — середине I тысячелетия до н. э. (см. [Garbini, 1984, с.111, 145—149], также [Dietz, 1979, с.40, 60—61]). Более позднее распространение североарабского в Южной Аравии нашло отражение в языке местной эпиграфики и в исторических источниках [Бауэр, 1966, с. 34—36; Пиотровский, 1985, с.18—20, 23—26; Rabin, 1951, с.79—80, 168], особенно в VI в. н. э. [Лундин, 1961, с.123—126].

На вопрос, с какими местными языками могли контактировать в этом регионе арабоязычные племена в течение I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры, можно ответить только предположительно. Это могли быть предки современных южноаравийских языков (мехри, шахри, сокотри и др.) и языки, известные по древней южноаравийской эпиграфике. На вопрос, с какими языками Южной Аравии могло контактировать арабоязычное население в период распространения ислама и в первые века ислама, пока что, в настоящее время, могут ответить арабские источники по истории и географии Йемена. Сравнительный анализ данных раннесредневековых авторов и сопоставление их с данными современных арабских диалектов Южной Аравии, с данными других семитских языков позволяют сделать первый шаг в решении нашей задачи: воссоздать на указанных материалах своеобразный язык, функционировавший на территории Йемена и, возможно, в Южной Аравии еще в первые века ислама.

2. ИСТОЧНИКИ

В работе использованы сочинения арабоязычных авторов X—XV вв., опубликованные современными арабскими и западноевропейскими учеными, в которых содержатся: а) описания особенностей языков и диалектов современных им жителей Йемена; б) собственно тексты и отдельные фразы на химьяритском языке; в) местная, йеменская (или «химьяритская») лексика с ее переводом на арабский язык и толкованием значений.

2.1. Первичные источники

Основные материалы почерпнуты из исторических и географических сочинений йеменского ученого Абу Мухаммада ал-Хасана ибн ал-Хаика ал-Хамдани (ум. в 970 г. н. э.) «Китаб ал-Иклил» (далее сокр. — Икл.) и «Китаб сифат джазирати л-'араб» (далее сокр. — Сифат). Именно в книгах «ал-Иклил» автор приводит наибольшее количество известных нам текстов и фраз на химьяритском языке с их переводом и объяснением отдельных слов и форм. Издатели книг (см. библиографию) приводят также варианты текстов из разных рукописей. Кроме того, благодаря работе Д.Х. Мюллера [Müller D.H., 1877] известен текст еще одной рукописи «ал-Иклил», т. VIII, не вошедшей в арабское издание и сохранившей наибольшее количество неарабских элементов в языке текстов. Сопоставление вариантов записи химьяритских текстов по разным рукописям помогает идентификации и проверке многих слов, форм и синтаксических конструкций. Часть текстов и языковых комментариев ал-Хамдани позже вошла в сочинения йеменского автора Нашуана ибн Са'ида ал-Химьяри (ум. в 1117 г.) по истории и генеалогии йеменских династий (далее сокр. — Н/Ш).

Ссылки ал-Хамдани на информантов свидетельствуют о том, что среди них были люди не только химьяритского происхождения, но сохранившие традицию чтения эпиграфических текстов «муснадов» (Сифат, 55; Икл. VIII, 96—97, 103, 135—139, 181—182; X, 16—17, 19, 20, 21, 111—112) по-химьяритски и знавшие устный химьяритский язык (Икл. VIII, 49, 56—57; X, 14; Сифат, 134—135, 136).

Небольшой стихотворный отрывок и химьяритскую фразу приводит филолог X в. Абу Али Исмаил ал-Кали (901—967) в сочинении «Китаб ал-Амали» (см. библиографию) с лексическими комментариями. Позже стихотворный отрывок и комментарии к химьяритской лексике включаются в упомянутое сочинение ан-Нашуана (Н/Ш, 17) с некоторыми фонетическими вариациями.

В работе использована также йеменская лексика и химьяритские фразы из сочинения автора XI в. ар-Рази «Та'рих мадинат Сан'а». Контекст свидетельствует о том, что автор или его инфор-

манты могли непосредственно слышать химьяритскую речь от ее носителей [ар-Рази, 239—240; Rossi, 1937, с. 261—262].

К непосредственным источникам можно отнести также недавно опубликованное сочинение йеменского правителя XIII в. из династии расулидов ал-Малика ал-Ашрафа [Saliba, 1985; Muller W.W., 1988], который сообщает систему названий месяцев в химьяритском сельскохозяйственном календаре и химьяритскую фразу, переданные ему современниками.

Как непосредственный источник по местной ономастике и топонимике можно рассмотреть географическое сочинение автора XIV в. Ибн ал-Муджау'ира «Та'рих ал-мустабир», описывающее районы Йемена, где некоторые названия и имена собственные могут представлять химьяритский и более ранний субстраты.

2. 2. Вторичные источники

Вторичными источниками являются для нас труды арабоязычных авторов, включившие отдельные сведения о древних языках и диалектах Южной Аравии, тексты, фразы и лексику, почерпнутые из: а) упомянутых выше сочинений, авторы которых имели непосредственных информантов и отмечали собственные наблюдения; б) сочинений и сообщений ранних авторов, оригиналы которых не сохранились: такова, например, фраза, передаваемая со слов арабского филолога Абу Амра ибн ал-Ала (689—770), составителя антологии доисламской поэзии (С/Д : *hur*).

Из сочинений этого рода использованы лексические материалы, приводимые в труде историка ат-Табари (839—923) «Та'рих ар-русул ал-'умам ўа л-мулўк» (далее сокр. — Таб.); лексика и тексты из географического словаря Йакута (XII—XIII вв.) «Китаб му'джем ал-булдан» (далее сокр. — Йакут); некоторые собственные лингвистические наблюдения известного арабского путешественника и географа X в. ал-Мукаддаси; материалы из сочинения историка Ибн Хаджара ал-'Аскалани (1373—1449) «Ал-ис'ба фи тамйизи с-сах'ба». Используются также толковые словари арабского языка «Лис'ан ал-'араб», «Т'адж ал-'Арўс», «ал-Музхир».

Большое значение для предлагаемого исследования имеют также работы современных арабских филологов, посвященные истории арабского языка, арабских диалектов и собственно йеменской лексике, сохранившейся в записи средневековых арабских авторов и в современных арабских диалектах: Обширный и документированный материал представлен в труде Хашима ат-Таана о древнейеменском субстрате в арабском языке, в фундаментальном словаре Дауда Саллума и Джамила Саида по региональной и племенной диалектной лексике, собранной из обширного наследия арабской лексикографии (далее сокр. — С/Д); в работе о сабейском субстрате в классическом арабском историка и филолога Махмуда ал-Гула, в последнем труде Хади ал-Хилали.

Ценные материалы по древним арабским диалектам Северной и Южной Аравии почерпнуты также из общих работ современных арабских филологов по истории арабского языка и арабских диалектов: Джавада Али, Ахмада Хусайна Шараф ад-Дина, Бакра Йа'куба, Наххада ал-Мусы, Ахмада Алам ад-Дина ал-Гинди и Дауда Саллума.

В большинстве из указанных работ наряду с материалом из древнеарабских диалектов отмечены особенности местной йеменской лексики, фонетики, некоторых грамматических форм, а также собственно химьяритский материал.

Источниками для сравнительного анализа явились для нас также материалы современных диалектов Йемена и — шире — Южной Аравии в работах арабских филологов Мурада Камила и Ахмада Хусайна Шараф ад-Дина; диалектные записи и записи фольклора различных районов Северного и Южного Йемена отечественных арабистов А. Агарышева и А. Санчеса, А. Каримова, Н. Гиясова, М.А. Родионова, а также материалы, собранные и опубликованные западноевропейскими учеными и экспедициями от конца прошлого века и до середины 80-х годов текущего столетия.

3. ХИМЬЯРИТЫ И ХИМЬЯРИТСКИЙ ЯЗЫК.

ТЕРМИН, ГИПОТЕЗЫ, ПРОБЛЕМЫ

Собственное наименование «химьяритский» язык принято нами в работе от арабской традиции. Вместе с тем следует отметить, что наименование и понятие «химьяритский» в различных источниках и научной литературе по Южной Аравии в разные исторические периоды этого региона понимались и употреблялись по-разному.

Ниже мы приводим краткий обзор историко-географических и культурно-этнических контекстов применения термина «химьяр, химьяритский» в источниках и научных работах.

3.1. Химьяриты — племя, этнос в истории Южной Аравии

Южноаравийские эпиграфические тексты впервые упоминают название «химьяриты» (*-hmyr*) во II—I вв. до н. э. Историки интерпретируют его как название племени (или племенного объединения, небольшого государства того периода) [Лундин, 1961, с. 17; Грязневич, 1978, с. 25, 26; Кобищанов, 1980, с. 17; Пиотровский, 1985, с. 7, 61]. В источниках и исторических работах можно отметить противопоставление названия «химьяриты» как названия этноса (или, в других контекстах, как название племени) названию других этнических групп или племен Южной Аравии и сопредельных государств: химьяриты как племя или народ противопоставляются сабейцам и хамданидам (Грязневич, с. 25, 26), арабам На-

грана, темнокожим жителям Тихамы, жителям Хадрамаута, жителям Аксума — абиссинцам [Кобищанов, 1980, с. 17, 21, 78]. Во II—III вв. н. э. и позднее они противопоставляются арабам из племенного союза Кинда [Пиотровский, 1985, с. 60—61]; в эпиграфике VI в. в составе армии химьяритского государства упоминаются химьяриты и бедуйские племена центральной Аравии [Лундин, 1961, с. 23—24]. В то же время еще до середины VI в. можно предположить сохранение этнического (или политического) понятия «сабейцы», судя по надписи 518 г. н. э.: *tmnn / bn / m'dn / d qsmll / sb'yn* 'Тамим, сын Ма'дана зу Касамлат, сабеец' [Лундин, 1961, с. 125—126; Пиотровский, 1985, с. 55—57], в которой автор, носящий североарабское имя, называет себя сабейцем.

Арабские источники, повествующие об истории Йемена начала VII в. (время распространения ислама), упоминают химьяритов при перечислении местных племен, с одной стороны, и при перечислении социальных групп местного населения — с другой, ср., например: «хамдан, ухмур, 'араб, хала'ит, мавали» [Пиотровский, 1985, с. 58] — «хамданиды, химьяриты, арабы, "смешанные", "клиенты"». Более поздние комментаторы текста дают подробное племенное разделение «ухмур» [Пиотровский, 1985, с. 58]. Название ухмур закрепляется за жителями Йемена, позднее — за сельским, оседлым населением [Пиотровский, 1985, с. 58, 67].

Следует подчеркнуть, что в арабских источниках наряду с именем собственным *ḥimyarī* 'Химьяр' появляется наименование химьяритов в форме множественного числа имени нарицательного *'uḥmur*; ср. также две формы ЭЮА *SAB hbr̄r d rydn w msyrt ḥmyr* 'появился Райдан и военные силы Химьяра' [Beeston, 1984, с. 44] и *SAB whmw ḥmrn f'syw l-hmw wkm* 'а что до этих химьяритов, то они послали им подмогу' [Biella, 1982: *ḥmr*] (о форме *'uḥmur* см. также [Пиотровский, 1985, с. 58]). Для обозначения конкретных лиц химьяритского происхождения или принадлежности можно отметить также и форму суффиксального множественного числа от имени относительного на -iyū- : *murāsālatu l-hamdāniyyūna wa l-ḥimyarīyyūna* (Таб. I, 1861) 'переговоры хамданидов и химьяритов'. Ср. у того же автора в контексте перечисления племен: *wa sarat madhīḡu wa ḥimyarī wa hamdānu wa ḥulafā'u-hum sub'an...* (Таб. I, 2495) 'и составили Мазхидж, Химьяр, Хамдан и их союзники седьмую часть...'.

При описании исторических событий доисламского периода арабские авторы различают химьяритов и арабов, ср. *...fa-hābat-hu ḥimyarī wa l-'arabū haybatan šadīdatan* (Таб. I, 881) '... и очень боялись (букв. сильной боязнью) его (одного из йеменских правителей. — А.Б.) химьяриты и арабы'.

Христианские (византийские) источники также противопоставляют химьяритов другим, современным им народам, см., например: «кроме обвиняли персов и всюду провозглашали их виновниками войны, говоря, что они подстрекали к отпадению хомеритов — это было индийское племя, подчиненное ромеям...» (цит. по [Кобища-

нов, 1980, с. 105]). В данном тексте важно не сомнительное указание на происхождение химьяритов, но их четкое противопоставление ромеям и персам. В другом контексте химьяриты противопоставлены абиссинцам [The Book of Himyarites, с. LXII, 49b; с. CXXXVIII].

В первые века ислама химьяриты часто отождествляются арабскими авторами с жителями Йемена в целом (ср., например, замечание [ал-Гинди, с. 399]); особенно — с жителями Йемена в доисламский период (ср. также [Пиотровский, 1985, с. 68]).

Как отмечают историки Южной Аравии, в результате процесса арабизации Йемена и распространения северноарабского языка среди его жителей к арабам стали относить всех, кто говорит по-арабски, название же «химьяр» сохранилось лишь за одним из племен [Пиотровский, 1985, с. 68]. В VIII—IX вв. изменяются и географические названия: химьяритское нагорье *Sarw himyar* называется уже *Sarw Madhiḡ* [Пиотровский, 1985, с. 62]. Однако ал-Хамдани в описании Аравийского п-ова еще упоминает район *Sarw himyar* (Сифат, 134, 135). Далее ал-Хамдани употребляет название *himyar, al-himyarīyya* только применительно к характеристикам местных языков (см. ниже). Процесс арабизации химьяритов можно отметить в легенде, приведенной ат-Табари: *wa ḥallafa bi-t-tubbatī tṇay 'ašara 'alfa fārisīn min himyara fa hum 'ahlu t-tubbatī wa hum al-yawma yaz'amūna 'anna-hum 'arabun wa ḥulqu-hum wa 'alwānu-hum ḥulqu l-'arabi wa 'alwān-ḥā* (Таб. I, 686) 'и оставил он (тубба' 'правитель'. — А.Б.) в Тибете 12 тыс. всадников из химьяритов, и они стали жителями Тибета. В настоящее время они считают себя арабами, их характер и их внешний вид — характер и вид арабов'.

3.2. Химьяр — государство.

Химьяритская династия правителей Йемена

Под властью правителей химьяритского происхождения в Южной Аравии к концу IV в. складывается государство Химьяр (как Зу Райдан известно со II в. н. э.), объединившее в течение IV—V вв. большую часть ее земледельческих районов [Луидин, 1961, с. 18]. Это государство (царство) подобно сабейскому [Грязневич, 1978, с. 8, 12] и считается великой державой своего времени, как Византия, Иран [Пиотровский, 1985, с. 52; Кобищанов, 1980, с. 7—13]. Столицей химьяритского государства был город Зафар — *zafār-(i)*, в 50 км к югу от г. Сан'а.

Все время существования Химьяритского государства им правила химьяритская династия (IV—VI вв. н. э.) [Луидин, 1961, с. 17; Грязневич, 1978, с. 27; Кобищанов, 1980, с. 23]. Соответственно этот период в истории Южной Аравии также называется химьяритским.

Географическое понятие Химьяритского государства, Химьяра, в VI в.: юго-западные территории Аравийского п-ова с районами Тихамы, Адена и Хадрамаута, с внутренними районами нагорий, включающими такие города, как Сан'а, Мариб, Награн (Наджран) [Лундин, 1961, с. 134].

В мусульманский период к «химьяритским» районам относились Замар (*ḡamār-i*), Ру'айн (*ru'ayn*), ас-Сахул — территории центрального Йемена [Пиотровский, 1985, с. 41].

В религиозном отношении химьяриты не представляли в доисламский период единой общины, среди химьяритов (этнических или жителей Химьяритского государства?) были иудеи, христиане [Кобищанов, 1980, с. 17, 25—39].

3.3. Химьяритские надписи, химьяритские тексты

Эпиграфические тексты, выполненные сабейским шрифтом и на сабейском языке в эпоху правления химьяритских царей и по их распоряжению, часто называются историками «химьяритскими» (см., например [Лундин, 1958, с. 23; Кобищанов, 1980, с. 11]) или «сабейско-химьяритскими» [Кобищанов, 1980, с. 76]. Письмо (или шрифт) и язык этих надписей также называются «химьяритскими» [Лундин, 1958, с. 24; Кобищанов, 1980, с. 33]. Те изменения в сабейском языке этих надписей VI в., которые отмечаются исследователями, связаны с проникновением влияния североарабского [Лундин, 1958, с. 31—32, 125]. В этом же смысле можно понять восприятие арабами образа «химьяритского» письма, например в стихах хузейлитского поэта Абу Зу'айба : *ka-raḡmi d-dawāti yaḡribu-hā l-kātibu l-ḥimyariyyu* [Lewin, 1978, с. 367] 'подобно начертанию перьями, которые заостряет химьяритский писец'.

3.4. Язык химьяритов

Итак, в доисламский период как сабейские, так и византийские и эфиопские источники, а вслед за ними и историки этого периода говорят только о химьяритах как о реальном народе, противопоставленном другим известным и соседним народам того времени. О каком-либо особом языке химьяритов, который бы отличался от языка сабейской эпиграфики, сведения отсутствуют. Первые упоминания о собственно химьяритском языке и его особенностях, как уже говорилось выше, появляются в арабоязычных источниках по Йемену мусульманского периода. Письменные памятники собственно химьяритского языка доисламского периода отсутствуют.

На каком же языке говорили химьяриты в VI в., в предисламский период?

Из доисламских¹ источников можно извлечь лишь косвенные данные, свидетельствующие о некоторых внешних, экстралингвистических, особенностях языковой ситуации в Южной Аравии и контактирующих с нею государств и народов. Вкратце они сводятся к следующим:

(1) Поэма одного из химьяритских правителей, Сайфа Зу-Йазана, посвященная Хосрову, переводится для него на персидский (по сообщению арабского историка ат-Табари, см. [Лундин, 1958, с. 122—123]).

(2) Язык химьяритов не понимают абиссинцы в Аксуме: «...когда химьяриты-христиане увидели ...что не могут сказать абиссинцам на их языке "Мы — христиане", они начертали на руках своих изображение креста ...и те (абиссинцы) их не тронули» [The Book of the Himyarites, с. CXXXVIII, 49b].

Приведенное сообщение косвенным образом может свидетельствовать о том, что химьяритский язык того периода не может быть так близок древнему геэзу, чтобы считать его тексты — муснады, приводимые арабскими источниками, «испорченным геэзом» (по мнению Галеви, см. [Müller W.W., 1988, с. 20]).

Примечание. Следует обратить внимание на субъективное восприятие химьяритского языка северными арабами в более поздний период средневековья: непонятные фразы ассоциировались у них с «абиссинским языком»; такова история, связанная с химьяритской фразой, приведенной в рукописи XIII в. [Saliba, 1985, с. 716]. Арабоязычный образованный человек (*min al-fuṣṣḥā*), услышав непонятную ему фразу в Йемене, думал, что ее произнес «абиссинец», пока не узнал, что тот был химьяритом. Ср. также оценку диалектов Йемена в сочинении ас-Суйути (XV в.): в число племенных диалектов и языков, которые не рекомендуются как образцовые (для арабских грамматистов и филологов), включаются диалекты «жителей Йемена из-за их смешения [их языка с языками] Индии и Абиссинии» [Ал-Музхир].

(3) Переговоры арабских посланцев с химьяритскими правителями в VI в., согласно отдельным сообщениям исторических источников, проходили при помощи переводчика, ср., например, сообщение ат-Табари о переговорах Абд ал-Муталлиба (деда Мухаммада) с химьяритским царем Абрахой: «...когда увидел его Абраха... усадил рядом с собой, а затем сказал своему переводчику: "Спроси его, каково его дело к царю". И сказал ему это переводчик...» (Таб. I, 939). Дальнейший диалог курейшита и химьяритского царя также ведется через переводчика (однако в других случаях описания арабско-химьяритских встреч упоминаний о переводчиках нет).

Позднее, в VII в., язык химьяритов был непонятен арабскому посланцу Мухаммада к химьяритским правителям. Так, в инструкции арабскому гонцу, отправленному с посланием Мухаммада в Йемен, говорится о том, что, «если эти правители по прочтении послания заговорят между собой на другом языке, он должен настоять на том, чтобы ему перевели их слова» [Kremer, 1867, с. 37].

Итак, язык химьяритов чужд и непонятен византийцам, сирийцам, персам, абиссинцам и северным арабам. Скорее всего, язык химьяритов может соответствовать одному из древних эпиграфических языков Южной Аравии, в частности сабейскому (или позднесабейскому?), поскольку народы — носители этих языков в течение нескольких веков населяют Южную Аравию и участвуют в истории сабейского государства и сабейцев, окончательно сменяя их на исторической арене в V — VI вв. н. э.

Данные арабских средневековых источников о химьяритском языке, как будет показано ниже, действительно свидетельствуют во многих отношениях в пользу большой генетической близости химьяритского к сабейскому. Однако те же источники дают свидетельства, подтверждаемые субстратными явлениями современных йеменских диалектов, об особенностях химьяритского, грамматических и лексических, которые не позволяют отождествить его с сабейским и другими эпиграфическими языками Южной Аравии.

Оценивая положение и функциональную характеристику химьяритского языка в предысламский период, мы можем присоединиться к мнению К.Ландберга, посвятившего более сорока лет изучению древних и современных диалектов Южной Аравии: «Я уверен, что подобно тому, как набатейцы говорили по-арабски, но писали по-арамейски, химьяриты говорили по-химьяритски, но писали по-сабейски» (Land.Nđr., 719).

Один из первых ученых, обративших внимание на сообщения ал-Хамдани о химьяритских «муснадах», Д. Мюллер, на основе предварительного анализа некоторых текстов рассматривает их как образцы «какого-то нового южноарабского диалекта, представляющего во многих отношениях соответствия древнему химьяритскому» [Müller D.H., 1877, с. 20]. Несмотря на традиционное смешение терминологии и понятия (под древним химьяритским имеется в виду сабейский), Д.Мюллер достаточно точно характеризует отношение «языка муснадов» к сабейскому эпиграфическому.

4. ХИМЬЯРИТСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО НОСИТЕЛИ

Самые ранние из указанных выше арабоязычных авторов, описывая особенности современной им Южной Аравии, в частности Йемена, среди различных племенных диалектов и названий местных арабских племен упоминают язык, который в отличие от арабского (фусха) и племенных диалектов они называют «химьяритским» (*luġatu l-ḥimyar, al-ḥimyariyyatu*), и его носителей, которых они называют «химьяритами» (*ḥimyarū*). Как уже говорилось, некоторые из информантов и носителей химьяритского языка были современниками арабских авторов.

Характеристика химьяритов по языку и оценка его по отношению к «правильному» арабскому (фусха) приводится у ал-Хамдани (Икл. II, 246) и повторяется Иакутом (Иакут II, 341—342): *wa*

himyaru l-ğawt huwa himyaru l-ʾadnā wa manāzilū-hum bi-l-yaman bi-mawdaʾin yuqālu la-hu «himyar» ġarbiyya šanʾā wa hum ʾahlu ġuṭ-matīn wa luknatīn fī l-kalāmi l-himyarīyyi... wa ilā himyara bni l-ğawtī hāda yansibu ʾaktaru hādīhi-l-luġati l-himyarīyyati 'Химьяр ал-Гаус — самые захудалые химьяриты, места их обитания — в Йемене, в районе, который называется «Химьяр», западнее Сан'ы. Их химьяритская речь непонятна и косноязычна. Поэтому жители Сан'ы, желая назвать косноязычным кого-либо из окрестностей города, говорят: «он химьярит», имея в виду его происхождение из рода Химьяр ал-Гаус, но не из рода Химьяр ал-'Акбар (старшего) или Химьяра ибн Сабā ал-'Асгар (младшего), так как они знают, что у последних <имеется> правильный язык и поэзия. И к этому Химьяру ибн ал-Гаус восходит большая часть этого химьяритского языка'. Подобную характеристику ал-Хамдани повторяет в своем географическом сочинении: *sarw himyar wa ġa'dat laysu bi-fuṣahā wa fī kalāmi-him šay'un min at-tahmīr...* (Сифат, 134—135) 'Сарв Химьяр и Джа'да не говорят правильно, в их речи — нечто от химьяритского'. Далее автор подробно перечисляет районы и населенные пункты Йемена, где распространен химьяритский язык или его влияние отражается на «правильном» арабском языке жителей.

Более поздние авторы также последовательно используют понятие «химьяритский язык» при объяснении йеменской диалектной лексики и отдельных предложений (ан-Нашуан, ал-Ашраф).

С первых веков распространения ислама, с развитием арабоязычной научной литературы арабские авторы — современники носителей химьяритского языка в Йемене — сравнивали этот язык с арабским. Некоторые высказывания и наблюдения самых ранних мусульманских филологов дошли до нас, записанные более поздними авторами. Так, известному арабскому филологу, составителю антологии доисламской поэзии Абу Амру ибн ал-Ала (689—770), принадлежит одно из первых замечаний о химьяритском языке: «Нет никакой связи химьяритского с нашим языком, а по происхождению арабы севера и арабы юга восходят к разным племенам» (цит. по [Гиясов, 1987, с. 20]). Подобное же высказывание встречается и у другого автора: *mā lisānu himyara wa ʾaqāṣi l-yamani lisānu-nā wa lā ʾarabiyyatu-hum ʾarabiyyatu-nā* [ал-Гинди, с. 399] 'Язык Химьяра и йеменских окраин (имеются в виду Махра и Дофар. — А.Б.) — не наш язык, а их арабский — не наш арабский'; в нем сделано развитое впоследствии у арабских филологов наблюдение о местных различиях арабских диалектов, не говоря уже о таких языках, как химьяритский, которые не включаются даже в категорию «искаженного, испорченного арабского языка».

В арабском языке появляется отмененный глагол от этнонима *ḥm(y)r* : *ḥammara r-raġulu ʾidā takallama bi-l-himyarīyyi* (или *ḥam-yara / tahamyara*) «химьярничает» человек, если говорит по-химьяритски. И далее поясняется: *la-hum ʾalfāzun wa luġātun tuḥālifu lu-ġātī sāʾiri l-ʾarab* (С/Д) 'у них (химьяритов. — А.Б.) слова и языки, которые отличаются от языков остальных арабов'.

4.1. «Языковая ситуация» в раннесредневековой Южной Аравии

Наиболее подробное географическое и социальное распределение языков и диалектов на территории Южной Аравии с оценкой степени их близости к «правильному» арабскому языку или же степени их непонятности и искажения дается в «Сифат ал-джазира» ал-Хамдани:

«Жители аш-Шихра и ал-Ас'а не говорят правильно; [в] Махре [говорят] непонятно (*ġutm*), походя на неарабов; в Хадрамауте — не говорят правильно, хотя и встречаются среди них с правильным языком, самые правильные из них по языку — Кинда, Хамдан и часть из ас-Садафа; [жители] Сарв Мазхидж, Мариба, Байхана и Хариба говорят правильно, с плохим языком среди них немного; ...в Лакхеде, Абйане и Дасине — правильнее, а амириты из Кинда и 'аў'адиты — правильнее их; язык жителей Адена — не чисто арабский, смешанный (*muwallada*), плохой, некоторые из них непонятливы и тупы, за исключением образованных; бану Маджид, бану Уакид и ал-Аш'ар — с неплохим языком; у нижних ал-Ма'афир язык непонятный (*ġutm*), а верхние ал-Ма'афир — лучше; Сарв Химьяр и Джа'да не говорят правильно, в их речи нечто от химьяритского влияния (*taħmīr*); [язык] средних ас-Сакāsик в ал-Калā' — трудный, похож по сложности, подобно химьяритскому языку, на [язык] верхних [ас-Сакāsик], в [языке] которых — трудности; [язык] Сахлана, Джайшана, Уараха, Хадира, ас-Сухайба и Бадра близок к языку Сарв Химьяра; ...[язык] Йахдиба и Ру'айна правильнее, чем [язык] Джублана, а в языке Джублана — неясность выражения; ...[язык] от Хакл Катаб до Замара — чистый химьяритский, малопонятный (*al-himyariyyatu l-quhḥātu l-muta'aqqida*); ...в Харазе, ал-'Ухрудже, Шуттаме, Мадихе, ал-Ухбубе, ал-Джахадибе, Шараф 'Акйане, ат-Тарафе, Уади'а, ал-Му'аллиле — [язык] смешанный — нечто среднее между правильным и непонятным по выражению (*luknat*), в нем — нечто от малопонятного химьяритского (*al-himyariyyati l-muta'aqqida*), особенно у оседлых земледельцев (*ḥadūriyya*) из этих племен (*qabā'il*) (об оседлых сельских жителях и представителях *qabā'il* см. [Пиотровский, 1985, с. 64]); в областях ал-Аш'ар, 'Акк, Хакам б. Са'ад из центральной Тихамы и ее земель язык неплох, за исключением [языка] тех, кто живет в селах; у [представителей] Хамдана, в его верхних районах из [племенного союза] Хашид, [язык] смешанный (*ḥallīṭā*), например у [племен] 'узар, хин'уам, заджур, и непонятный (*ġutm*), как, например, у некоторых из кудам и из ал-джабар; в нагорных районах Хамдана, в ал-Баўне, — арабский смешан с химьяритским, за пределами нагорного Хамдана [имеются те], кто говорит правильно; ...в Хайване говорят правильно (*fusahā*), но среди них много химьяритского до Са'ды; в краю Суфйан б. 'Архаб говорят правильно... за исключением того, что заменяют «ал»-артикл на «мим»; ал-Аш'ар, 'Акк, некоторые

из [племени] хакам б. Са'д (см. [Пиотровский, 1985, с. 65, 143]) из жителей Тихамы, 'Узар Матира, Нихм, Мурхиба, Зайбан, жители ар-Рахбы из [племени] Балхарис говорят правильно; ...жители ал-Джауфа говорят правильно, за исключением тех из них, кто смешался с подселенцами из Тихамы; северные Нихм, Ну'ман Мурхиба, южные Бану 'Алиййан, Суфйан и Шакир говорят правильно; в районе Вәди'а Бану Харб произносят все свои слова с «имәлә»; Бану Са'д говорят правильнее; от Замара до Сан'ы — нечто среднее...; что же до Сан'ы, то среди ее населения — остатки чистого арабского языка и немного примеси от речи Химьяра; в городе Сан'а — различные языки и говоры, в каждом ее районе — [свой] язык, а тот, кто близ Ша'уба (*ša'ūb*), отличается от всех; Шибам 'Акйан, ал-Масани' и Тухла (*tuhlā*) — чистый химьяритский [язык]; Хаулан, [живущие в] Са'де, говорят правильно, а жители ее равнины и низины — непонятно (*gutm*)...» (Сифат, 134—136). Районы и племена, расположенные далее к Центральной Аравии и Хиджазу, оцениваются как «говорящие правильно»: Хиджаз, Нижний Неджд, до Сирии, до земель Мудар и Раби'а — *al-faṣāḥatu*, «правильный арабский», за исключением сельских поселений (Сифат, 134—136).

Анализируя этот текст ал-Хамдани, где перечислены «языки Аравии в совокупности без разделения и без смешения» (Сифат, 136), следует обратить внимание на достаточно последовательную характеристику местных языков и говоров. Эталоном для автора является «правильный арабский» (*al-faṣāḥatu*), который не имеет дополнительной характеристики. Его крайней противоположностью являются «чистый химьяритский» (*ḥimyarīyya maḥḍa* — в Шибаме 'Акйане, ал-Масани' и Тухле или *ḥimyarīyyatu l-qihḥatu l-muta'āq-qida* — в районах Хакл Катаба и Замара). Отдельно отмечен язык Махры — непонятный (*gutm*) и чужой (*ʿaḡam*). Между двумя противоположными «чистыми» языками в Южной Аравии существует градация говоров местного населения:

а) по степени «правильности», т.е. по степени соответствия «правильному» арабскому, которая, очевидно, отражает существование различных местных и племенных диалектов северо-арабского языка; хотя ал-Хамдани не указывает, что именно он кладет в основу отклонения от «правильного языка», можно утверждать, что все диалекты, определенные на базе корня *fsh* в формах степеней сравнения, отнесены автором Сифат к арабским;

б) по степени влияния химьяритского языка, которая, по-видимому, отражает пласт североарабского языка, принятый химьяроязычным населением, в котором «примесь химьяритского» является местным субстратом;

в) кроме того, отмечено, что «смешанные языки характерны для таких крупных центров международной торговли и культурно-политических связей, как Аден (порт) и Сан'а (столица Йемена).

При градации местных говоров по степени понятности—непонятности и большей близости к химьяритскому к по-

следним двум категориям ал-Хамдани в ряде мест относит говоры сельского, оседлого населения, противопоставляя их арабоязычному городскому или племенному населению (ср. [Пиотровский, 1985, гл. 4; гл. 5, с. 72—77]).

В реальной и, по-видимому, достаточно точной картине языковой ситуации на территории Южной Аравии, составленной ал-Хамдани, обратим внимание на то, что из всех других языков собственное название имеет только химьяритский. В то же время из текста очевидно существование еще некоторых чуждых языков, например в Махре и Шихре; по-видимому, какой-то особый говор существовал и в Тихаме, особенно в ее сельских районах. В Тихаме «правильно» говорили только образованные из племени Хакам, напротив, местный язык (язык подселенцев из Тихамы) оказывал «искажающее» влияние на арабоязычных жителей ал-Джауфа. Арабский филолог ас-Суйути (1445—1505), перечисляя племена и народы, языки которых не следует брать за основу филологам и грамматистам, включает в их состав жителей Йемена «из-за смешения их с индийцами и абиссинцами» (*li-muḥālaṭati-him li-l-hindi wa l-ḥabaša*) [ал-Музхир I, 313], не упоминая химьяритов и химьяритского.

В целом, анализируя этот текст, можно сделать следующий вывод: химьяритский язык (в отличие от других «непонятных» языков) представлял для арабоязычного автора совершенно определенный, неарабский, язык, который можно было обнаружить в ряде районов в «чистом» виде и особенности которого были достаточно очевидны и характерны, чтобы обнаружить «примесь» химьяритского или его влияние в арабских диалектах Йемена.

Более косвенный вывод, вытекающий из данного текста, состоит в том, что химьяритский язык существовал в устной форме.

Вопрос об отношении химьяритского языка к южноаравийским эпиграфическим языкам и наличии у него своих письменных памятников рассматривается на основе другого сочинения ал-Хамдани — «Китаб ал-Иклил».

4.2. Химьяритский язык и язык южноаравийской эпиграфики

4.2.1. «Муснады». Название надписи на стеле, посвятителной таблички, известно уже из позднесабейской лексики в форме *ms³nd/msnd*. Южноаравийское происхождение этой лексемы очевидно из ее фонемного состава: фонема *s³* в северноарабском отсутствует и уже в позднесабейский период в эпиграфике отмечены перебивки *s³/s* (ср. [Лундин, 1961, с. 125; Бауэр, 1966, с. 36]). В позднесабейских текстах *s³* используется также для передачи простого *s* в заимствованиях. Форма *msnd/musnad* — мн. ч. *masānid* — как субстратная лексема культурного круга принимается арабоязычным населением Йемена и заимствуется в северноарабский

язык, сохраняя, по-видимому, первичную вокалическую и слоговую структуру лексемы сабейского периода. Большая часть субстратной культурной и традиционной лексики Южной Аравии также сохраняет в йеменских арабских диалектах и в классическом арабском вокалический состав и слоговую структуру (см. [Белова (б/г)]).

Впервые, насколько нам известно, в арабоязычной литературе муснады упоминаются в сочинениях по истории Йемена, т. е. у ал-Хамдани, историка ат-Табари и впоследствии — до нашего времени в значении:

1) надписи химьяритов, высеченные на каменных плитах, на металлических дощечках (называемых «золотыми», но в действительности — бронзовых); 2) письмо, шрифт, которым выполнены надписи. Так, например, у ат-Табари в повествовании о йеменском правителе Йāsире 'Ан'аме, который приказал изготовить медного (или бронзового — *nuḥās*) идола: *wa kutiba fī ṣadri-hi bi-l-musnadi ḥāda ṣ-ṣanam li-yāsir 'an'am al-ḥimyarīyū* (Таб. I, 674) 'и было написано муснадом на его груди «этот идол [принадлежит] Йāsиру 'Ан'аму ал-Химьяри»'.

В первом значении, т. е. «надпись, текст надписи», употребляет этот термин в своем сочинении ал-Хамдани, передавая рассказы йеменских информантов о найденных в гробницах муснадах с надгробными текстами или о найденных камнях с надписями строительного содержания. Так, перечисляя содержание десяти томов своего сочинения, ал-Хамдани сообщает, что восьмой том посвящен «описанию химьяритских крепостей, городов, гробниц и сохранившимся образцам поэзии Алкамы, элегиям, муснадам и прочему» [Müller D.H., 1877, I, с. 8—9]. В данном контексте термин *masānid* в форме множественного числа употребляется в том же значении, что и перечисленные наименования литературных текстов (стихи, элегии и пр.). Далее автор употребляет этот термин уже для обозначения собственно особого письма, шрифта: «девятый том [посвящен] пословицам и мудрым изречениям химьяритов на химьяритском языке и буквам муснада (*ḥurūf al-musnad*)», где *musnad* — уже родовое понятие — употреблен в форме единственного числа [Müller D.H., 1877, I, с. 8—9].

Первое значение — «текст, надпись» — встречается также у ал-Хамдани: *wa qara'tu mitla-hu fī musnadi 'amirān bi l-bawn* (Икл. VIII, 83) 'и я прочел подобное же в муснаде из Амрана в ал-Бауне' или *wa fī musnadīn min masānidi-hā* (Икл. VIII, 42) 'в одном из их муснадов'; и также в контексте *katabat fī naqṣi masānidi l-yaman* (Икл. VIII, 49) 'они написали в высеченных муснадах Йемена'; *al-madkūru fī masānidi nā'it* (Икл. X, 6) 'упомянутый в муснадах На'ита'.

Во втором значении «письмо, шрифт» ал-Хамдани употребляет это слово в словосочетании *ḥurūfu l-musnad* (в одной из глав восьмого тома, посвященной описанию самого шрифта и его принципов).

4.2.2. «Муснад» и «забūr». В более поздних сочинениях у ан-Нашūана муснад уже объясняется как *ḥaṭṭu ḥimyara* «письмо химьяритов» (Н/Ш, 52).

Позднее, в словаре Йакута (XII—XIII вв.), в разделе о языках Аравии муснад отождествляется с химьяритским языком: *fa-l-musnadu kalāmu ḥimyara l-yawma wa-z-zabūru (zubūru) kalāmu ba'di 'ahli l-yamani wa ḥadramawta...* (Йакут III, 636) «муснад — язык химьяритов сегодня, забūr (зубūr) — язык некоторых жителей Йемена и Хадрамаута...» У Йакута название южноаравийских надписей, название письма отождествляется уже с языком химьяритов, которые были, по-видимому, единственными в Йемене мусульманского периода, с кем ассоциировались древние тексты и письмена. Следует обратить внимание в цитированном выше примере на слова «забūr/зубūr» как обозначение языка некоторых жителей Йемена и Хадрамаута. В арабских словарях имеются корни *ḍbr/zbr* в двух значениях: «писать», «говорить»; именные формы *ḍibr-* (мн. ч. *ḍubūr-*), *zabūr-* (мн. ч. *zubur*), *zabūr-*, *mazbūr* «написанное», «надпись». В определенной форме (с артиклем) лексема *az-zabūr* может обозначать также «псалмы Давида». Расхождение *ḍ* / *z* в первом коренном обусловлено различием диалектных произношений: *ḍbr* — на юге Аравийского п-ова, *zbr* — на севере (Land. Hdr., 190). Значение «писать» восходит в арабской лексикографии к объяснению ал-Кали предложения *'ana 'a'rifu taḍbiratī 'ayy kitābī* [ал-Кали II, с. 174] «я знаю свое письмо» (т. е. «я умею писать»). В сабейском и других ЭЮА такое значение корня *ḍbr* / *zbr* не отмечено.

К. Ландберг, ссылаясь на ат-Табари (Таб. I, 739), считает, что термины *musnad* и *zabūr* отражают два разных вида письма, использовавшиеся в Йемене (Land. Hdr., 596). В значении «письмена, надписи» форма *zubur-* (мн. ч.) встречается в доисламской поэзии у Лабида (560—660): *wa ḡalā s-suyūlu 'ani ṭ-tulūli ka'anna-hā zuburun tuḡiddu mutūna-ha 'aqlāmu-hā* [аз-Заузани, с. 220] «и обнаружил потомки следы покинутых жилищ, как будто они (эти следы. — А.Б.) — надписи, тексты которых возобновлены тростниковыми перьями».

Таким образом, очевидно, что арабская традиция связывает *musnad* и *ḍ/zabūr* с двумя различными письменностями Йемена и, следовательно, с двумя разными языками.

Существовал ли в Южной Аравии или Йемене иной шрифт, нежели эпиграфический сабейский? Возможно, что для северных арабов поводом для утверждения о наличии двух видов письма послужили две разные лексемы, имеющие одно значение «письмо, надпись». С другой стороны, название *ḍ/zabūr* могло использоваться для обозначения другого вида шрифта, например курсивного письма документов, отличного по форме от монументального «муснада». В настоящее время эта возможность подтверждается открытием в Северном Йемене курсивного письма на палках, пальмовых черенках, керамике и в граффити.

«Муснад» — название, оставшееся в химьяритском языке и арабских диалектах Йемена в качестве позднесабейского (или химьяритского) субстрата. Записи ал-Хамдани свидетельствуют, что его современники, знатоки «муснада», только «читают» его, но нет упоминаний о том, что они им пишут (о знатоках муснадов см. ниже). Напротив, *ḍbr / zbr* в химьяритском (в сабейском словаре в этом значении не отмечен) означает просто «писать», позже — «читать написанное», откуда все «написанное» — *ḍibr / zubūr-* и не связано с определенным видом шрифта. В этом значении оно употребляется в арабских диалектах Южной Аравии до настоящего времени. Второе значение *ḍbr / zbr* «говорить», по-видимому, более раннее, имеет рефлекс с метатезой согласных в эфиосемитских: тна *zrb* «говорить»; «спрашивать» (Schr., 418).

4.2.3. Язык муснадов. В эпоху ал-Хамдани его современниками и информантами были не только химьяриты, химьяритоязычное население Йемена, но и люди, умевшие читать муснады. О них он упоминает в обоих своих сочинениях. Так, в йеменских городах Замар, ал-Джанад (Ганад), Джайшан упоминаются ученые и факихи (законоведы): *miḥlu bni qurrati sāhibi l-musnadi wa 'abdi r-raḥmāni bni 'abdi llāhi qār'i l-masānid* (Сифат, 55) «например, Ибн Курра, знаток муснада, и Абд ар-Рахман б. Абдаллах, чтец муснадов»; через цепочку передатчиков ал-Хамдани сообщает об «одном человеке из химьяритов, который рассказывал о похоронах химьярита знатного происхождения» и замечал при этом, что *wa kuntu 'aqra'u ḡayyidan al-kiṭāba bi-l-musnadi* (Икл. VIII, 137) «я хорошо читал написанное муснадом». Читали муснады также информанты ал-Хамдани Ибн Абу ал-Араби аш-Шихаби, Мухаммад б. Ахмад ал-Аусани (Икл. VIII, 42, 83), Маслама б. Йусуф б. Маслама ал-Хайуани [Müller D.H., 1877, с. 24—25] и др.

На основании объяснений информантов сам автор, ал-Хамдани, также познакомился с буквами муснада, особенностями его орфографии и посвятил этому специальный раздел своего труда *bābi ḥurūfi l-musnadi wa ḥuwa kitābu ḥimyarā* (Икл. VIII, 130) «глава о буквах муснада — письма химьяритов» и привел некоторые буквы сабейского шрифта. Одновременно он сообщает о больших различиях химьяритских муснадов из-за того, что каждая отдельная буква имела четыре-пять различных начертаний подобно арабским буквам (Икл. VIII, 73); [Müller D.H., 1877, с. 31—32].

Отмечает ал-Хамдани и некоторые особенности орфографии муснадов: «они опускают алиф, если он в середине [слова], например алиф в [слове] *ḥamdān*, алиф в [слове] *riyām*, и пишут *ḡmṭ, ḥmdn*. Этому же следуют переписчики священных текстов (*maṣāḥif*) в таких словах, как *ar-raḥmān, 'insān*, но обязательно отмечают *ḍammata-hu* (его даammu) последней из букв и *wāw* после (местоимения 3-го л. мн.ч.), например *'u-ḥmṭ*; ...и разделяют чертой каждую из двух строк, и отделяют одно слово от другого в строке чертой...» [Müller D.H., 1877, с. 31—32]; «...а также про-

пускают безгласный *al-wāw as-sākina*, если он между буквами, например *tab'ūt*, а также *'al-yā' as-sākina*, например *šmlyl*; и *al-'alif as-sākina*, например: *hl'l*, *bl'l*, *'m'l'*» (Икл. X, 16—17).

Замечания ал-Хамдани об особенностях орфографии и правил написания муснадов совпадают с таковыми в южноаравийской эпиграфике [Бауэр, 1966, с. 26, 41; Beeston, 1984, с. 6—7].

Вопрос о том, какой язык передает ал-Хамдани, транслитерируя в своих сочинениях муснады или их пересказ, связан, по нашему мнению, с тем, к какому источнику восходит приводимый им тот или иной муснад.

Первый исследователь сочинения ал-Хамдани с данной точки зрения, Д.Х. Мюллер, выделяет группу муснадов, которые, по его мнению, могут отражать реальные эпиграфические тексты Южной Аравии, аналогичные известным в научной литературе и по публикациям [Müller D.H., 1877, с. 22—23].

На основании замечаний и комментариев Д.Х. Мюллера и структурного сопоставления записи некоторых муснадов ал-Хамдани мы выделяем группу текстов, содержащих имена собственные, имена местных божеств и сообщения о сооружениях и строительстве. Предполагаем, что знание сабейского алфавита и общий консонантно-корневой состав некоторых лексем (общий между сабейским, химьяритским и североарабским) позволяли информантам ал-Хамдани и ему самому достаточно точно передать транслитерацию и толкование этих муснадов. Ср., например: «рассказал мне Мухаммад б. Ахмад ал-'Аусани, что он прочел в муснаде из 'Амрана, в ал-Бауне, стране Хамдана *'lhn w nhfn 'bn' bata' bn hmdn/šhḥ[hṣn]w/qsr/ḥdq'n bnyn* (Икл. X, 16—17) 'Алхан и Нахфан, сыновья Бата', сына Хамдана, отремонтировали замок Хадакан строением, где *ḥṣn — qasr-, bnyn — bunyan*».

В транслитерации муснада, по-видимому, автор поясняет слово *ḥṣn* североарабским *qasr* 'замок', 'крепость' и дает арабизованную передачу *bn* 'два сына' с васловым алифом. Или «В муснаде из На'ита» — *'wslt rqšn (rfšn) wbnw-h bnw hmdn ḥy'ttr y' 'wy'rm [qw'l]š'byn sy slb'n dh'sdm w b-'l-hm t'lb ry'm* (Икл. X, 18—19) — ал-Хамдани передает имена собственные *'wslt rqšn*, названия племен *hmdn*, *ḥ'sd-m*, имя местного лунного божества Та'лаб Рийам [Южная Аравия, 1978, с.15], бога *attar*, термины родства *bnw* 'сыновья', социальный термин *š'byn* 'два ша'ба (общины)' [Пиотровский, 1985, с. 53]. Остальная часть текста, содержащая непонятные информанту или переписчику лексемы и формы, передается в искаженном виде, с различными вариантами транслитерации; ср. (Икл. X, 18—19) и [Müller D.H., 1877, с.24—25]. Местная традиция записи имен собственных, сохранившаяся к эпохе ал-Хамдани, способствовала правильным расшифровке и произношению этих частей муснада; ср. также муснады в (Икл. X, 1, 111, 112); [Müller D.H., 1877, с. 26, 29, 31]; (Икл. VIII, 21).

Консонантное письмо, передающее общесемитские, общерабские корни и формы, могло быть прочитано и понято знатоками

муснада. Таковы, например, корни *bn* 'сын', *hfd* 'строить', 'возводить', *mlk* 'царь', 'правитель', *qwl / ' qyl* 'кайл', 'правитель', *hgr* 'город' и т.п. Остальная часть реальных муснадов, которые отражали тексты, выполненные сабейским шрифтом, передавались неточно или в соответствии с местной устной химьяритской традицией.

В целом можно утверждать, что язык подлинных муснадов, попавших в сочинения ал-Хамдани, является не химьяритским, а одним из языков ЭЮА, скорее всего — сабейским.

4.2.4. Муснады и устная химьяритская традиция. Вторая группа «муснадов» (см. «Образцы», 2—4) отличается от первой как по структуре, так и по содержанию. Структурно тексты второго—четвертого «муснадов» построены как повествование от 1-го лица, четвертый «муснад» (и ряд других, не приведенных в «Образцах») имеет рифмованные строки. По содержанию «муснады» второй—четвертый представляют собой истории с поучительными сентенциями из жизни легендарных правителей Йемена или мифических лиц. Часть «муснадов» приводится ал-Хамдани на химьяритском языке с пояснением по-арабски, большая часть — только в пересказе по-арабски, ср., например, историю о гробнице Ханзалы б. Сауфана, переданную со слов цепочки информантов от «одного очевидца», наткнувшегося в одной из пещер на гробницу: «и вот — сидит человек, на нем джубба из шерсти, а на руке — перстень, на котором написано: "Я — Ханзала б. Сауфан, посланник Аллаха", а над головой его — надпись: "Послал меня Аллах к химьяритам и арабам, живущим в Йемене, а они обвинили меня во лжи и убили"» (Икл. VIII, 139). Язык «муснадов» второго—четвертого, который мы рассматриваем как химьяритский, по всем своим особенностям идентичен языку устных химьяритских пословиц и поговорок, приводимых ал-Хамдани в различных местах его сочинений (см. «Образцы»: «Молитва химьярита», пословицы по поводу случая в Зафаре, по поводу главной задачи кайла — ирригационной системы), а также языку отдельных выражений химьяритов, приведенных в сочинениях ар-Рази, ибн Хаджара, Абу Амра ибн ал-Ала, Малика ал-Ашрафа и других авторов.

Именно вторую группу текстов мы рассматриваем как тексты, переданные на собственно химьяритском языке. Каково их отношение к «муснадам» как эпиграфическим текстам?

Вторая группа текстов отражает химьяритский фольклор. Время его зарождения, несомненно, уходит в глубину истории народов Южной Аравии. Достоинно внимания также беглое упоминание о возможном существовании богатого фольклора в Южной Аравии VI в. и «песен, нигде в книгах не записанных» [Пигулевская, 1951, с. 257 — 258; Лундин, 1961, с. 123]. Но в эпоху ал-Хамдани (X в.) и ан-Нашуана (XII в.) исторические предания о химьяритском прошлом, о химьяритских царях и героях еще существовали; многие отрывки представляют стихи или риф-

мованную прозу, которая передается уже в арабизованной форме (Н/Ш, 17, 25, 27, 30, 34, 49, 50—51, 60, 67; 68, 73; 75, 78, 100, 108, 113). Сомнение в подлинности стихотворного авторства йеменских правителей и их самих [Лундин, 1961, с. 123] не исключает самого факта существования устной народной поэзии у химьяритского населения Йемена.

В представлениях о более древней истории Южной Аравии устные предания могли быть связаны с «муснадами» — древними текстами, которые после VI в. уже не создавались, но в которых еще можно было разобрать имена древних богов, царей и названия племен. Поэтому источниками устных преданий и легенд стали в эпоху ал-Хамдани (а может быть, и значительно раньше) таинственные тексты, которые в изобилии попадались современникам ал-Хамдани и ему самому на территории Йемена. Непонятные части эпиграфических текстов заменялись устными преданиями, легендами, стихами на живом химьяритском языке.

Несомненная лексическая, грамматическая и фонологическая близость химьяритского языка к языкам эпиграфическим позволяла знатокам муснадов X в. приписывать эпиграфические тексты далеким предкам химьяритов VI и более ранних веков нашей эры.

4.2.5. Подлинность муснадов. Историческая достоверность «муснадов» как реальных эпиграфических текстов была неоднократно подвергнута сомнению Х. Рабином [Rabin, 1951; EI], одним из первых обративших внимание на сочинения ал-Хамдани и ан-Нашъуна как источники по истории языков Южной Аравии. Однако Х. Рабин недооценил значение сведений источников. Появление и публикация новых данных по древним и современным диалектам и языкам Южной Аравии позволяют провести сравнительный анализ и идентификацию языковых данных, приведенных в ранних источниках.

Более детальный анализ текстов муснадов, приводимых ал-Хамдани, и их контекста позволяет нам выделить два вида сообщаемых им сведений и языковых материалов.

Сопоставление муснадов ал-Хамдани с традицией построения текста южноаравийской эпиграфики показывает:

1) «Муснады» ал-Хамдани, которые представляют сообщения о сооружении какого-либо объекта, по своей структуре близки к традиционным южноаравийским надписям (ср. [Бауэр, 1966, с. 12—13]) и отражают тексты подлинных эпиграфических памятников, читаемых современниками и информантами ал-Хамдани.

2) «Муснады» ал-Хамдани, которые отражают устные предания местного населения, возможно только химьяритского, сохранявшиеся и передаваемые на химьяритском языке со ссылкой на древние письменные тексты, отличаются от традиционных южноаравийских надписей по своей структуре.

4.3. Собственно химьяритский язык

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в данной работе понятие и термин «химьяритский» в применении к языку вводятся в строго узком смысле. В этом отношении терминология средневековых арабских источников ближе к нашему пониманию, является более точной и последовательной, так как, действительно, кроме как к самим химьяритам и их языку, больше ни к каким другим народам, цивилизациям и языкам не применялась.

4.3.1. Напротив, в западноевропейской и отечественной исторической литературе наименование «химьяритский» связывается с периодом возникновения и развития в Южной Аравии химьяритского государства (IV—VI вв.), возглавляемого выходцами из племени Химьяр. Поэтому в сабейстике все так называемые позднесабейские (что значительно точнее) тексты часто называют «химьяритскими» (корпус текстов — *Himyaritica*) (см., например, [Ruschmans J.]), а их язык — «химьяритский», хотя язык этих текстов — сабейский или один из других эпиграфических.

В этом же смысле использует термин «химьяритский» в применении к надписям и текстам ал-Хамдани Д.Х. Мюллер [Müller D.H., 1877]. В «муснадах» ал-Хамдани он ищет только соответствия памятникам сабейской эпиграфики, реконструирует «муснады» по правилам структуры сабейского текста. Как уже говорилось выше, это, безусловно, справедливо в применении к «муснадам» первой группы; вместе с тем язык «муснадов» второй группы Д.Х. Мюллер определяет как «какой-то другой южноарабский диалект, во многих отношениях близкий древнему химьяритскому» [Müller D.H., 1877, с. 20]. Иными словами, название «химьяритский», по западной традиции, автор относит к древним эпиграфическим, в отличие от «нового неизвестного диалекта», хотя в трудах ал-Хамдани именно последний именуется «химьяритским».

Так же противопоставляется «настоящий химьяритский» в значении «сабейский» всем отклонениям от него (сабейского) у А. Кремера при анализе одного из вариантов текста № 4 (гл. V данной работы) [Kremer, 1866, с. 96]. Нерасчлененно использует термин «химьяритский» и Н. Фарис в применении как к текстам «муснадов», так и к буквам сабейского алфавита [Faris, 1938, с. 73].

4.3.2. Нерасчлененное представление о едином сабейско-химьяритском языке может возникнуть также на основе наименования «йеменский» (ср., например, очень содержательную работу Х. ат-Та'ана «Влияние древнейеменских языков на арабский»), хотя этот термин является более широким и географически включает все языки, существовавшие на территории Йемена. Термин «йеменский» в приложении к особым языковым формам и лексике, отличным от северноарабских, восходит к арабской лексикографической традиции, которая в одних случаях делала помету *lugatu himyar* 'по-химьяритски', в других — *li 'ahli l-yaman, fi lugati 'ahli l-*

yaman, li-ba'di 'ahli l-yaman 'как говорят в Йемене, как говорят некоторые жители Йемена' (С/Д). «Йеменская» традиция продолжается и в недавней работе И. ас-Селуи «Йеменская лексика в трудах ал-Хамдани и Нашуана» [Selwi, 1987], в которой можно выделить значительный пласт собственно химьяритской лексики наряду с более общим пластом сабейско-химьяритским и, еще более широким, — южно-семитским.

4.3.3. Как собственно химьяритский рассматривается «диалект племени Химьяра» Х. Рабином [Rabin, 1951, с. 42—50; EI: *'arabiiia*], однако этот диалект относится им к «архаичному западноарабскому диалектному типу, находящемуся под сильным влиянием южноаравийских» [Там же].

Так же оценивается «химьяритский диалект» как «арабский диалект, сильно измененный под влиянием субстрата» исследователем современных йеменских диалектов В. Димом [Diet, 1979, с. 57—58]. Эта оценка скорее может быть отнесена к некоторым современным арабским диалектам Йемена, под которыми обнаруживается значительный химьяритский субстрат (см. [Белова, 1994]).

Как «химьяритский диалект» (без отнесенности к арабскому или ЭЮА) именуется язык химьяритов у Дж. Салибы, исследователя йеменской средневековой рукописи XIII в. [Saliba, 1985].

Генетические и ареальные отношения собственно химьяритского к северноарабскому и ЭЮА являются предметом дальнейшего анализа, в результате которого можно будет поставить вопрос об идентификации и классификации химьяритского языка. Главным в последних упомянутых работах является то, что понятие «химьяритский» начинает вычленяться из совокупности соседних с ним и современных ему языков и из более древних эпиграфических языков.

4.3.4. Лингвистическое наименование «химьяритский» язык принято нами по арабской традиции. Его следует отличать от исторического понятия «химьяритский», принятого в сабеистике по отношению к химьяритскому периоду и по отношению к позднесабейским текстам, принадлежавшим химьяритам, но использовавшим сабейский язык.

В данной работе химьяритский язык рассматривается как самостоятельный язык, отличающийся от соседствующих с ним арабских диалектов, от эпиграфических южноаравийских, от языка сафской и самудско-лихьянской эпиграфики. Консонантное письмо эпиграфических памятников и их ограниченное количество не позволяют установить полную морфологическую систему изучаемых языков. В этих условиях в качестве признаков, различающих языки, принимается совокупность эксплицитных морфологических признаков: система показателей состояния и связанная с ней система относительных местоимений; падежная система; перфектные формы 1-го и 2-го лица; формы императива; глагол бытия и глагол-связка *hl*; отрицание *dw*.

4.3. Собственно химьяритский язык

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в данной работе понятие и термин «химьяритский» в применении к языку вводятся в строго узком смысле. В этом отношении терминология средневековых арабских источников ближе к нашему пониманию, является более точной и последовательной, так как, действительно, кроме как к самим химьяритам и их языку, больше ни к каким другим народам, цивилизациям и языкам не применялась.

4.3.1. Напротив, в западноевропейской и отечественной исторической литературе наименование «химьяритский» связывается с периодом возникновения и развития в Южной Аравии химьяритского государства (IV—VI вв.), возглавляемого выходцами из племени Химьяр. Поэтому в сабеистике все так называемые позднесабейские (что значительно точнее) тексты часто называют «химьяритскими» (корпус текстов — *Himyaritica*) (см., например, [Ruschmans J.]), а их язык — «химьяритский», хотя язык этих текстов — сабейский или один из других эпиграфических.

В этом же смысле использует термин «химьяритский» в применении к надписям и текстам ал-Хамдани Д.Х. Мюллер [Müller D.H., 1877]. В «муснадах» ал-Хамдани он ищет только соответствия памятникам сабейской эпиграфики, реконструирует «муснады» по правилам структуры сабейского текста. Как уже говорилось выше, это, безусловно, справедливо в применении к «муснадам» первой группы; вместе с тем язык «муснадов» второй группы Д.Х. Мюллер определяет как «какой-то другой южноарабский диалект, во многих отношениях близкий древнему химьяритскому» [Müller D.H., 1877, с. 20]. Иными словами, название «химьяритский», по западной традиции, автор относит к древним эпиграфическим, в отличие от «нового неизвестного диалекта», хотя в трудах ал-Хамдани именно последний именуется «химьяритским».

Так же противопоставляется «настоящий химьяритский» в значении «сабейский» всем отклонениям от него (сабейского) у А. Кримера при анализе одного из вариантов текста № 4 (гл. V данной работы) [Kremer, 1866, с. 96]. Нерасчлененно использует термин «химьяритский» и Н. Фарис в применении как к текстам «муснадов», так и к буквам сабейского алфавита [Faris, 1938, с. 73].

4.3.2. Нерасчлененное представление о едином сабейско-химьяритском языке может возникнуть также на основе наименования «йеменский» (ср., например, очень содержательную работу Х. ат-Та'ана «Влияние древнейеменских языков на арабский»), хотя этот термин является более широким и географически включает все языки, существовавшие на территории Йемена. Термин «йеменский» в приложении к особым языковым формам и лексике, отличным от северноарабских, восходит к арабской лексикографической традиции, которая в одних случаях делала помету *luḡatu himyar* 'по-химьяритски', в других — *li 'ahli l-yaman, fī luḡati 'ahli l-*

yaman, li-ba'di 'ahli l-yaman 'как говорят в Йемене, как говорят некоторые жители Йемена' (С/Д). «Йеменская» традиция продолжается и в недавней работе И. ас-Селўи «Йеменская лексика в трудах ал-Хамдани и Нашўана» [Selwi, 1987], в которой можно выделить значительный пласт собственно химьяритской лексики наряду с более общим пластом сабейско-химьяритским и, еще более широким, — южно- семитским.

4.3.3. Как собственно химьяритский рассматривается «диалект племени Химьяра» Х. Рабином [Rabin, 1951, с. 42—50; EI: 'arabiiia], однако этот диалект относится им к «архаичному западноарабскому диалектному типу, находящемуся под сильным влиянием южноаравийских» [Там же].

Так же оценивается «химьяритский диалект» как «арабский диалект, сильно измененный под влиянием субстрата» исследователем современных йеменских диалектов В. Димом [Diet, 1979, с. 57—58]. Эта оценка скорее может быть отнесена к некоторым современным арабским диалектам Йемена, под которыми обнаруживается значительный химьяритский субстрат (см. [Белова, 1994]).

Как «химьяритский диалект» (без отнесенности к арабскому или ЭЮА) именуется язык химьяритов у Дж. Салибы, исследователя йеменской средневековой рукописи XIII в. [Saliba, 1985].

Генетические и ареальные отношения собственно химьяритского к северноарабскому и ЭЮА являются предметом дальнейшего анализа, в результате которого можно будет поставить вопрос об идентификации и классификации химьяритского языка. Главным в последних упомянутых работах является то, что понятие «химьяритский» начинает вычленяться из совокупности соседних с ним и современных ему языков и из более древних эпиграфических языков.

4.3.4. Лингвистическое наименование «химьяритский» язык принято нами по арабской традиции. Его следует отличать от исторического понятия «химьяритский», принятого в сабейстике по отношению к химьяритскому периоду и по отношению к позднесабейским текстам, принадлежавшим химьяритам, но использовавшим сабейский язык.

В данной работе химьяритский язык рассматривается как самостоятельный язык, отличающийся от соседствующих с ним арабских диалектов, от эпиграфических южноаравийских, от языка сафской и самудско-лихьянской эпиграфики. Консонантное письмо эпиграфических памятников и их ограниченное количество не позволяют установить полную морфологическую систему изучаемых языков. В этих условиях в качестве признаков, различающих языки, принимается совокупность эксплицитных морфологических признаков: система показателей состояния и связанная с нею система относительных местоимений; падежная система; перфектные формы 1-го и 2-го лица; формы императива; глагол бытия и глагол-связка *hl*; отрицание *dw*.

Дальнейший детальный и сравнительный анализ химьяритского материала должен показать, что по всей совокупности основных признаков и по некоторым другим особенностям, которые образуют изоморфы и изоглоссы с ближайшими по месту и времени семитскими языками — ЭЮА, геэз, современные эфиосемитские и южноаравийские арабские диалекты (а также для общей картины привлечены и другие семитские языки), — химьяритский имеет собственную морфологическую систему и особый пласт лексики.

Определение этого языка как «архаичного западноарабского диалекта» [Rabin, 1951, с. 42—50], как позднесабейского или ранней формы геэза (последнее — предположение Г.М. Бауэра) может иметь значение для дальнейшего установления генезиса и истории этого языка. Но его отличия от всех известных и развитых форм упомянутых языков дают право считать его именно тем языком, каким он представляется по имеющимся материалам, т.е. собственно химьяритским.

Территорией распространения химьяритского языка является Йемен и, возможно, прилегающие районы Южной Аравии. Период функционирования химьяритского языка уточнить сложнее: некоторые характерные «химьяризмы» (например, частица отрицания *d'*) отмечены в памятниках позднесабейского периода (VI в. н.э.) [Beeston, 1985, с. 48—52; Schneider, 1974, с. 767—788]. Исчезает ли собственно химьяритский в средние века, оставляя субстрат в арабских диалектах Йемена (см. [Белова, 1994]), или же сохраняется до настоящего времени в некоторых районах Йемена, наименее доступных исследователям, с наложившимся арабским суперстратом? На этот вопрос могут ответить только будущие полевые диалектологические исследования на территории современного Йемена.

5. ХИМЬЯРИТСКИЙ — ЯЗЫК ИЛИ ДИАЛЕКТ?

Терминологическая проблема наименования химьяритского «языком» или «диалектом» для нашего исследования не является принципиальной. Как будет показано ниже, химьяритский имеет достаточное количество морфологических и лексических признаков, отличающих его от северноарабского, от геэза, от ЭЮА (ал-Хамдани отличал его также от языков Махры и Шихра), чтобы «получить статус языка».

Более того, наименование его «диалектом» сразу влечет за собой новую генетическую проблему: если «диалект», то какого языка? Собственно диалектами северноарабского языка можно именовать только современные арабские диалекты Йемена, имеющие в своей основе сильный химьяритский субстрат, однако «распыленный» по различным элементам (грамматическим и лексическим) и в разной степени сохранившийся.

Для того чтобы считать химьяритский «диалектом» древнего эфиосемитского, раннего геэза, в настоящее время нет достаточных оснований, несмотря на довольно большой пласт ареальной лексики, общей химьяритскому и геэзу в той же степени, что и эпиграфическим южноаравийским. Наличие глагола бытия и существования *hl* в химьяритском является пока единственным элементом, связывающим его с эфиосемитскими и отделяющим от языков Южной и Северной Аравии. В любом случае одного элемента пока недостаточно для отнесения химьяритского к «эфиосемитскому диалекту». Субъективное восприятие северными арабами непонятого им химьяритского как непонятого «абиссинского» также не является аргументом в пользу более тесного генетического сближения химьяритского и эфиосемитских. В то же время нельзя исключить существование между химьяритским и эфиосемитскими значительных ареальных связей в силу известных исторических условий, связывавших Южную Аравию с Абиссинией на протяжении столетий. Однако ареальные связи не являются генетическими.

Наиболее близкое родство с исторической и логической точек зрения, скорее всего, можно ожидать между химьяритским и языками южноаравийской эпиграфики: территориальное соседство, исторически засвидетельствованное сосуществование химьяритов и сабейцев, историческая преемственность на политической арене и в устных преданиях, в племенной генеалогии. Вместе с тем химьяритский имеет ряд грамматических особенностей (артикл, частица отрицания, дейктические показатели и особая лексика), позволяющих назвать его языком на том же основании, на котором сабейский, минейский, катабанский также именуются языками. Иными словами, наименование химьяритского по отношению к данной группе южноаравийских эпиграфических является достаточно условным, но традиционным.

Соотношение химьяритского с сабейским по времени: сосуществовали оба языка или химьяритский — более поздняя стадия сабейского? Для ответа на этот вопрос следует еще раз вернуться к предположению К. Ландберга: сабейский мог функционировать как язык официальный, в письменной форме, химьяритский же — в устной форме (активно функционируя в V—VI вв. в период правления химьяритской династии). Явился ли химьяритский более поздней формой сабейского, сменив его классическую форму в устной сфере, или же был иным племенным диалектом, вытеснившим сабейский по историческим причинам, в настоящее время сказать трудно. Судя по сообщениям арабских источников, восходящим к наиболее ранним информантам первых веков ислама, химьяритский язык уже не противопоставлялся в ту эпоху какому-либо другому древнему местному языку. Воспоминания о каких-либо других древних устных языках, которые можно было бы отождествить с эпиграфическими, в памяти йеменских арабов и химьяритов не сохранились. Однако краткое упоминание Йакута о

языках «муснад» и «забур», возможно, достойно внимания и дальнейшего специального исследования.

Суммируя высказанные выше соображения, мы оставляем за химьяритским наименованием «язык» в противопоставление его другим древним и современным семитским языкам и современным йеменским диалектам арабского языка.

6. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Традиционный обзор литературы в данной работе отсутствует в связи с тем, что было сказано выше в обзоре источников и их интерпретации предшествовавшими исследователями. Все сведения о текстах и о лексике рассматривались арабскими и западноевропейскими учеными нерасчлененно: большой слой «йеменской» лексики и морфологические особенности йеменских диалектов трактовались как древнейеменское наследие, восходящее как к эпиграфическим языкам Южной Аравии, так и к древним племенным диалектам, функционировавшим на территории Йемена в доисламский период (см. работы Ахмада Хусайна Шараф ад-Дина, Ахмада ал-Гинди, Джавада Али, Саллума Дауда, Хашима ат-Та'ана, Махмуда ал-Гула, Камила Мурада, Ибрахима ас-Сел'уи и др.). Вместе с тем нельзя переоценить то значение, которое имеют труды арабских филологов, проделавших колоссальную работу по скрупулезному анализу материалов, собранных средневековыми учеными и лексикографами, отметивших в арабском словаре большой пласт «йеменской» лексики, привязав ее к определенным племенам и районам Йемена и выделив в ней те лексемы и формы, которые арабская филологическая традиция помечала как собственно химьяритские: работа М. ал-Гула «Место языка древнейеменской эпиграфики в наследии арабского классического языка» (1985); работа Хашима ат-Та'ана «Влияние древнейеменских языков на арабский» (1968); «Словарь племенной и территориальной лексики» Дауда Саллума и Саида Джамила (1978); «Йеменская лексика из сочинений ал-Хамдани и ан-Наш'уана в сопоставлении с лексикой семитских языков» Ибрахима ас-Сел'уи (1987). Без этих исследований был бы невозможен первый опыт выделения и идентификации языковых особенностей химьяритского языка как реального языка, исторически засвидетельствованного ранними источниками.

Большое значение в настоящем исследовании придется также материалам современной йеменской диалектологии, в которых обнаруживается химьяритский субстрат в большей или меньшей степени как в области лексики, так и грамматики. Уже с середины XIX в. появляются первые записи йеменских диалектов западноевропейскими учеными. Нами использованы фундаментальные труды К. Ландберга, в течение сорока лет собиравшего и записывавшего диалекты Дасины и Хадрамаута (Land. Dat., Land. Hdr.); большой материал для сравнения представляют диалектные записи и иссле-

дования Э. Росси, проведенные в 30-е годы нашего века в городе Сан'а и прилегающих районах. Именно Э. Росси предпринял первый опыт по сопоставлению местной йеменской лексики с сельскохозяйственной и культурной лексикой эпиграфических южноаравийских текстов [Rossi, 1940]; наиболее существенной основой для нашего сравнительного исследования служат диалектные материалы последних десятилетий, собранные в наименее изученных районах Йемена по широкой программе диалектологических экспедиций В. Димом и П. Беншtedтом [Diem, 1973; Behnstedt, 1985, 1986, 1988, 1992 — Glossar].

Следует отметить также значительный вклад в изучение йеменских диалектов, внесенный отечественными арабистами А. Агарышевым и А. Санчесом, М. Родионовым, собравшими и обработавшими фольклорные материалы из Йемена и Хадрамаута, и специальные диалектологические исследования по Северному и Южному Йемену А. Каримова и Н. Гиясова (1973 г. и 1987 г. соответственно).

Более ранние диалектные материалы начала и первой половины XX в. имеют для нашей работы большое значение как источники некоторых исчезающих или уже исчезнувших к настоящему времени грамматических форм и лексики. Последние диалектные материалы отличаются более точной, адекватной фиксацией, привязкой к территории и информанту, установлением четких изоформ, изоморфов и изоглосс на территории Йемена.

7. МЕТОДИКА

В основу исследования положен филологический метод использования письменных источников: анализ данных и сопоставление текстов по различным известным публикациям рукописных вариантов; анализ контекста, в котором обнаружены те или иные языковые факты; проверка данных по наиболее авторитетным лексикографическим арабским трудам. Для проверки и подтверждения привлекаются косвенные данные арабоязычных источников по древним арабским диалектам и языкам неарабских племен.

Химьяритский материал сопоставляется и идентифицируется с материалом современных йеменских диалектов, сохраняющих значительный химьяритский субстрат. Так, именно такие древние сообщения арабских источников, как частица отрицания *dw*, глагол бытия и существования *hl*, форма перфекта на *-k*, артикль *'am-* и др., подтверждаются реликтами, сохранившимися в ряде современных йеменских диалектов.

Следующим этапом исследования является применение сравнительного метода. Сравнение химьяритского материала с соответствующими грамматическими формами и синтаксическими конструкциями в семитских языках позволяет установить место химьяритского в семитской ветви афразийских языков. Отсутствие

в семитских языках некоторых морфологических и особенно лексических соответствий химьяритскому позволяет поставить вопрос о существовании в Южной Аравии более древнего, несемитского субстрата.

Ограниченный фактический материал позволяет в ряде разделов лишь гипотетически реконструировать химьяритские формы.

Глава I

ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГИЯ

1. КОНСОНАНТИЗМ

При описании консонантной системы химьяритского языка мы имеем возможность учесть только три категории данных: а) замечания арабских авторов (X—XII вв.) о произношении некоторых фонем; б) запись в арабской графике некоторых фонем, характер которых можно установить в сравнении с другими семитскими языками; в) ряд фонетических особенностей современных йеменских диалектов, которые можно объяснить как субстратные явления, отражающие изофоны, охватывающие юг и юго-запад Аравийского п-ова и районы распространения эфиосемитских языков.

В описание консонантной системы включается одновременно характеристика некоторых просодических, комбинаторных явлений, а также нерегулярных чередований, характерных для предполагаемого ареала распространения химьяритского и близких ему языков и диалектов.

1.1. Губные

а) Лабиальный смычный *b* отмечается во всех позициях химьяритско-йеменского корнеслова: *bi/bulsun* 'чечевица', ср. араб. *buls* 'чечевица', геэз *bälās* 'фиговое дерево, его плод'; 'сикомора' (Н/Ш, 7); [Murad Kamil, 1963, с. 84];

gubbār 'облеченный властью' ср. араб. *ġabbār* 'сильный', 'могущественный', 'угнетатель', харс. *gabbār* 'вассал', 'подданный', те *gabér* 'слуга', 'раб';

dahab — мера площади или зерна в Йемене, ср. саб. *dhb* [Rossi] 'аллювиальная долина', 'аллювиальная земля, искусственно орошаемая'.

Из нерегулярных чередований можно отметить *b/m*, характерное для многих семитских языков [Майзель, 1983, с. 150—151; Юшманов, 1985, 8]. Ср. также межсемитское чередование: хим. *širāb* 'сбор осеннего урожая' — араб. *šrm*, мсд. *širām* 'собирать урожай'; ср. саб. *šrb* 'период сбора урожая', геэз, тна *šrb* 'рубить', 'тесать' [Майзель, 1983, с. 159]. В современных йеменских диалектах: *man dāra 'aḥilāh šarab al-fagr* 'кто посест козни, пожнет нужду' [Goitein, 1934, № 1176].

б) В качестве рефлекса прасемитского ^{*)}*p* можно отметить внутреннее чередование *b/f* в химьяритском в третьей позиции; *šūḥbat/šūḥab* 'струйка молока, текущая из вымени'; хим. *šihāf* 'молоко', ср. араб. хадр. *šuhb* 'струя молока', мехри *šhof*, сок. *šhof* 'молоко'; шахри *šhof* 'пить' (см. также [СИФКЯ, 121: *šhp]). В современных йеменских диалектах отмечается пара *bārah / fārah* 'корова'. Ср. др.-евр. *pārā* [Behnstedt, 1986, с. 115].

Нерегулярность общеафразийских рефлексов **p* отмечается [АИЯ, с. 15].

в) Нерегулярное чередование *f / t*, отмеченное в Йемене, характерно также и для арабских диалектов, например: *fār / tār* 'кипеть', *fiḥim / tiḥim* 'понимать' (ср. обратное развитие по аналогии *am-fidi < at-tady* 'грудь', *falāfah < talātah* 'три'), может являться рефлексом прасемитского **p* (ср. [Майзель, 1983, с. 168, примеч. 61: араб. *fwr < сем. *pwr / *npr*]). Нерегулярное чередование *f / t* — *fūm / tūm*; хадр. *uṭm* 'отверстие', 'устье' (Land. Hdr., 520) и *fum* 'рот', 'устье'; *hrt / hrf* 'обрабатывать землю'; *ilm / flm* 'зазубривать' (Land. Hdr., 538, 678); также др.-евр. *gūr / араб. ġūt* [Майзель, 1983, с. 168] — может свидетельствовать о том, что губно-губное произношение *f < *p* сохранялось (наряду с губно-зубным *f < *f*) в тех корнях, которые восходили к прасем. **p*, и давало чередование с согласным соответствующего ряда *t*.

1.2. Дентальные

Среди дентальных *t—d—ṭ* в химьяритском можно отметить лишь чередование *t / d*, которое, по-видимому, является позиционным, так как отмечено для *t* в ауслауте: *amarraṭ* (Н/Ш, 77) 'сильный', 'длинный' — араб. *umarrad* 'сильный', 'длинный'; *qsd* 'лук' (Икл. II, 143) — араб. *quṣṭān / quṣṭāniyyu / quṣṭāniyyat / qas-talāniyyat*, однако в эфиосемитских и в западносемитских в этих словах в третьей позиции — простой *-t*: геэз *qas(ə)t / qastām*, амх. *qest*, араб. *qašt-ā*, др.-евр. *qešet*. В современных диалектах Йемена отмечается тенденция *t > d* в средней позиции: ср. *rasaṭ / rasad* (мет.) *< sṭr* 'писать' [Rossi]; *sadha* (*< saṭha*) 'поверхность' [Али б. Заид, с. 126], *amḍār* 'дожди' (*< amṭār*) [Али б. Заид, № 44],

также *al-maḍar* (< *maṭar*) 'дождь' [Али б. Заид, № 52], '*ind maḍla' suhail* 'при восходе Канопуса' [Али б. Заид, № 132] (< *maṭla'*) и т. п. Также для более раннего периода к числу «йеменских» особенностей относится пример на переход *t* в *d* в лексеме *ḥḍb* 'дрова' (< *ḥḍb*), ср. араб. *ḥaṭab*, геэз *ḥaṭəb* 'дрова'.

Спорадические чередования *d* / *t* и *t* / *d* отмечены для семитских языков, в том числе и как внутриарабское явление [Майзель, 1983, с. 154—156]. Вместе с тем следует обратить внимание на общую фонетическую систему химьяритского, в которой фонема, передаваемая в арабской графике как *d* (ض) (примеры см. далее), характеризуется еще раннесредневековыми арабскими филологами как латерал (Land. Ḥḍr. I, 637); для арабских диалектов, распространенных в районах Дасины и в районах расселения современных мехрийцев, также является характерным латеральное произношение араб. *d* (ض): «как *t* славянское, голландское и верхнебаварское» (Land. Ḥḍr. I, 637). Учитывая, что в собственно химьяритском и в химьяритском субстрате Йемена, а также в южноаравийском адстрате *d* (ض) является латералом, чередование *t* / *d* можно рассматривать не как фонематическое, но как фонетическое, не нарушающее оппозицию дентального эмфатика (*t* / *d*), иррелевантного к глухости—звонкости, и эмфатического латерала *d̤*. См. также замечания Н. В. Юшманова о древнеарабском произношении ض как *d* [Юшманов, 1985, с. 29, § 4г]; см. также у Субхи Салиха: «жители Йемена произносят *maṭar* как *maḍar*, *amṭār* — как *amḍār*» [ас-Салих, с. 50—106]. Средневековые арабские филологи описывали особенности химьяритской фонетики в тот период, когда классический арабский *d* уже утратил исконный латеральный характер [Юшманов, 1985, с. 29, § 4г], а *t* (ط) стал иррелевантен к глухости/звонкости и скорее стал глухим эмфатиком. Поэтому звонкий ط в химьяритском и в йеменских диалектах они могли передать как ض, т. е. *d* — звонкий эмфатический дентал. Возможно, что запись *qsd* в сочинении ал-Хамдани также является неточным отражением *t* > *d*.

1.3. Сибилянты

По одному примеру из химьяритского текста, передаваемому ал-Хамдани (Икл. VIII, 135); [Müller D.H., 1877, с. 20], можно предположить, что в химьяритском в отличие от арабского сохраняется третий сибилянт: ср. *uṣṭm ly...* 'чтобы купил мне...' и саб., кат. *s²m* 'купить', др.-евр. *šwm*, сок. *šiom* 'оценивать'; араб. *swm* VIII п. 'определить цену предмету, предназначенному на продажу', хар. *sēma*, юж. аргоб. *assame* 'продавать', 'торговать'.

Имеется пример на нерегулярное чередование *t* > *s*; так можно интерпретировать слово, которое приводится как «химьяризм» в

Тп
 Коране: *masnūn* (15 : 26, 28, 33) — в тексте *wa ḥalaqnā l-insi min salsālin min ḥamāin masnūn* 'и сотворили Мы человека звонкой глины (т.е. твердой как обожженная керамика), из темной глины пахучей' (в переводе И.Ю. Крачковского «из глины облеченной в форму» [Коран, 1963, с. 205]). Арабский комментарий к *masnūn* — *mutaḡayyiru-r-rā'ḥa* 'с переменным, меняющимся запахом'. Такое же толкование химьяризму приводит и в словаре Д.Саллума: *al-masnūn* — *al-mintin bi-luḡati ḥim* 'вонючий, зловонный — по-химьяритски'. Следует подчеркнуть, что определяемое *ḥamāin* (Т/Х) 'черная глина' также является химьяризмом.

В арабском языке слово *masnūn* со значением 'пахучий', 'вонючий' является изолированной лексемой. Однако она может представлять рефлекс о.-сем. корня *ṣn 'запах', 'вонь'; ср. араб. 'душно пахнуть (о мясе)', *ṭantal(at)* 'протухшее яйцо'.

Явление *t > s* в химьяритском можно предположить по записи союза *sw* (саб. *ṭw*) 'пока не' в предложении из текста XII [Saliba, 1985, с. 716]. Однако современные йеменские диалекты сохраняют исконную фонему *t* в общеарабских и южноарабских корнях, ср., например: *dite* 'весенний урожай', *ṭalūt* 'второй' [Rossi, 1937, с. 242]. В северных районах Йемена также отмечено функционирование союза и предлога *taw* 'перед', 'до тех пор, пока не' [Rossi, 1940] с сохранением фонемы *t*. Последовательно передается *t* в химьяритских именах собственных, ср., например в сочинении ал-Хамдани *ḏw mrtid* — Зу Мураcid.

Возможно, указанное выше явление, *t > s*, отражает местный или индивидуальное произношение йеменского химьярита или представляет собой искаженную передачу арабоязычным информантом незнакомого иноязычного слова.

1.4. Латеральные *š, l, d*

О сохранении латерального произношения исконных семитских латералов в химьяритском могут свидетельствовать некоторые примеры, приводимые средневековыми авторами. В них отражены: а) или чередование близких фонем одного латерального ряда; б) или восприятие латерального произношения *š / d* как звука более близких к *l*, чем к северноарабским *š / d* в X—XII вв. например: *w smy ḥd'l-mṣyd mṣyd šhm*; *q'l : yryd b-šhm lhm'n*. *lhm : l-t'm l-m'ty l-h l-ṣyd mtl l-sqr* (Икл. X, 26) 'и называется охотничья засада **miṣyad šahm*; и объяснил он [информант Хамдани]: хотел он словом **šahm* сказать *lahm*, <а значит> — «съедобная добыча, приносимая какой-либо охотником птицей типа сокола»; или *wa ba'du 'ahli-l-yamani yaqūlu nā'idā harraka-hu wa ba'du-hum yaqūlu nāša-hu bi-š-štn mi* (Н/Ш, 107) 'а некоторые жители Йемена говорят *nāda-hu*, ес.

подвинул (передвинул) что-то, а другие говорят *nāša-hu* с «шином» с точками'.

Так же передается в арабских источниках йеменско-химьяритское наименование шакала: *yūqālu 'anna l-'illawd bi-d-dād mu'gamatan* — 'ibn 'āwī bi luḡat himiyar (Н/Ш, 75) 'говорят, что 'illawd с «дāдом» с точкой — «шакал» на языке Химьяра'; ср. *d'b bi-luḡati himiyar 'illawš wa hiya muḥālifa li-l-kālāmi-l-'arab li'anna š-šināt kullu-hā qabla-l-lām* [Лисан] '«шакал» на языке Химьяра — 'illawš, или «волк» — а это <слово> противоречит арабскому языку, так как все «шйны» должны быть перед «лāмом»; третий пример приведен в работе Камила Мурада [Murad Kamil, 1963, с. 76, 77: *wa l-hawl huwa ḥawdu-z-zirā'at* 'а ḥawl ... это ḥawd az-zirā'a (сельскохозяйственный водоем)']. Ср. также *flh / fdh*: КЛАЯ и сев.-бед. диал. *fah*, мн.ч. *fulūh*; но в Хадрамауте *faḍh*, мн.ч. *fudūh* [к востоку от Хадрамаута произносится как *futūh* (Land. Hḡr., 304), где оба корня контаминированы].

В ряду приведенных примеров следует указать также на латерализацию аффрикаты-эмфатика *z < *t*, в результате которой в Йемене сосуществуют два корня *qyz / qyl*; ср. о.-сем. «лето, зной»: саб. *qyz / qš* 'летний сезон', 'летний урожай', саф. *qz / qyz* 'проводить где-л. лето', араб. *qayz* 'лето', 'разгар лета', а также др.-евр. *qaiš*, сир. *qayt-ā*, манд. *g'yt-*, ирак. диал. *gē(i)d*, хим. *qayz- / qayd-*, (Land. Daḡ., 1445) [Saliba, 1985, с. 715] 'летний месяц', 'июнь', йем. *qayd / qiyad* [Rossi] 'период последних дождей', 'летний сбор урожая', хадр. *qyl* 'укрываться в тени в знойный полдень'; 'принимать полуденную трапезу', *qiyāl* 'полуденная трапеза', аден. *qyl(i)* 'сиеста'.

По-видимому, нерегулярные чередования, отражающие смешение двух старых латеральных фонем, отразились в дублетах северноаравской лексики, ср., например: *šarr- / darr-* 'вред', 'ущерб', *mašā / madā* 'проходить', 'идти пешком', *šallat yadu-hu* 'рука его отсохла' — *dll* 'утратиться', 'потеряться', 'исчезнуть', 'погибнуть' [Fischer, 1956, с. 59—60].

1.5. Среднеязычный *k*

Палатализация *k > š / č* в местоименной клитике 2-го л. ед. ч. ж.р. отмечается для говоров Йемена, в том числе в некоторых преданиях эта фонетическая особенность приписывалась Мухаммаду, так, в хадисе Айши: *fa-inna-hu 'amtu-ğ fa'inna-hu yurīdu 'amtu-ki ...fa 'abdala kāfa-l-ḥiṭābi ḡtan. wa hiya luḡatu qawmin min-al-yaman* (С/Д) 'ведь он — твой (ж.р.) дядя (по отцу). А он хотел сказать 'amtu-ki... но заменил «kāф» второго лица на «джīm». А это — язык некоторых жителей Йемена'.

В некоторых источниках даются примеры и на переход *k > š* в местоименной клитике 2-го л. ед. ч. м. р: *tubdalu-l-kāfu muṭlaqan*

7n

Коране: *masnūn* (15 : 26, 28, 33) — в тексте *wa ḥalaqnā l-insāna min salsālin min ḥamāin masnūn* 'и сотворили Мы человека из звонкой глины (т.е. твердой как обожженная керамика), из темной глины пахучей' (в переводе И.Ю. Крачковского «из глины, облеченной в форму» [Коран, 1963, с. 205]). Арабский комментарий к *masnūn* — *mutaḡayyiru-r-rā'iḥa* 'с переменным, меняющимся запахом'. Такое же толкование химьяризму приводится и в словаре Д.Саллума: *al-masnūn* — *al-mintin bi-luḡati ḥimyar* 'вонючий, зловонный — по-химьяритски'. Следует подчеркнуть, что определяемое *ḥamāin* (Т/Х) 'черная глина' также является химьяризмом.

В арабском языке слово *masnūn* со значением 'пахучий', 'вонючий' является изолированной лексемой. Однако она может представлять рефлекс о.-сем. корня **ʕn* 'запах', 'вонь'; ср. араб. *ʔn* 'дурно пахнуть (о мясе)', *ʔantal(at)* 'протухшее яйцо'.

Явление *t > s* в химьяритском можно предположить по записи союза *sw* (саб. *ʔw*) 'пока не' в предложении из текста XIII в. [Saliba, 1985, с. 716]. Однако современные йеменские диалекты сохраняют исконную фонему *t* в общеарабских и южноарабских корнях, ср., например: *dite* 'весенний урожай', *ʔalūt* 'вторник' [Rossi, 1937, с. 242]. В северных районах Йемена также отмечено функционирование союза и предлога *ʔaw* 'перед', 'до тех пор, пока не' [Rossi, 1940] с сохранением фонемы *t*. Последовательно передается *t* в химьяритских именах собственных, ср., например, в сочинении ал-Хамдани *dw mʔrd* — Зу Мурасид.

Возможно, указанное выше явление, *t > s*, отражает местное или индивидуальное произношение йеменского химьярита или же представляет собой искаженную передачу арабоязычным информантом незнакомого иноязычного слова.

1.4. Латеральные *š, l, d*

О сохранении латерального произношения исконных семитских латералов в химьяритском могут свидетельствовать некоторые примеры, приводимые средневековыми авторами. В них отражается: а) или чередование близких фонем одного латерального ряда; б) или восприятие латерального произношения *š / d* как звуков, более близких к *l*, чем к северноарабским *š / d* в X—XII вв. Ср., например: *w smy ḥdʔl-mʔsyd mʔsyd šhm*; *qʔl : ʔryd b-šhm lhmʔn wʔl-lhm : ʔl-tʔm ʔl-mʔty l-h ʔl-šyd mʔl ʔl-šqr* (Икл. X, 26) 'и называется эта охотничья засада **mʔsyad šahm*; и объяснил он [информант ал-Хамдани]: хотел он словом **šahm* сказать *lahm*, <а это значит> — «съедобная добыча, приносимая какой-либо охотничьей птицей типа сокола»; или *wa baʔdu ʔahli-l-yamani yaqūlu nāḏa-hu ʔidā ḥarraka-hu wa baʔdu-hum yaqūlu nāša-hu bi-š-šīn muḡata* (Н/Ш, 107) 'а некоторые жители Йемена говорят *nāḏa-hu*, если он

подвинул (передвинул) что-то, а другие говорят *nāša-hu* с «шином» с точками».

Так же передается в арабских источниках йеменско-химьяритское наименование шакала: *yuqālu 'anna l-illawd bi-d-dād mu'ğatatan* — 'ibn 'āwī bi luğat ħimiyar (H/Ш, 75) 'говорят, что 'illawd с «дāдом» с точкой — «шакал» на языке Химьяра'; ср. *d'b bi-luğati ħimiyar 'illawš wa ħiya muḥālifa li-l-kalāmi-l-'arab li'anna š-šināt kullu-hā qabla-l-lām* [Лисан] '«шакал» на языке Химьяра — 'illawš, или «волк» — а это <слово> противоречит арабскому языку, так как все «шйны» должны быть перед «лāмом»; третий пример приведен в работе Камила Мурада [Murad Kamil, 1963, с. 76, 77: *wa l-ḥawl ħiwa ḥawdu-z-zirā'at 'a ḥawl ... это ḥawd az-zirā'a* (сельскохозяйственный водоем)']. Ср. также *flḥ / fdḥ*: КЛЯЯ и сев.-бед. диал. *falḥ*, мн.ч. *fulūḥ*; но в Хадрамауте *fadh*, мн.ч. *fudūḥ* [к востоку от Хадрамаута произносится как *futūḥ* (Land. Hḡr., 304), где оба корня контаминированы].

В ряду приведенных примеров следует указать также на латерализацию аффрикаты-эмфатика *z < *t*, в результате которой в Йемене сосуществуют два корня *qyz / qyl*; ср. о.-сем. «лето, зной»: саб. *qyz / qš* 'летний сезон', 'летний урожай', саф. *qz / qyz* 'проводить где-л. лето', араб. *qayz-* 'лето', 'разгар лета', а также др.-евр. *qais*, сир. *qayt-ā*, манд. *g'yt-*, ирак. диал. *gē(i)d*, хим. *qayz- / qayd-*, (Land. Daī., 1445) [Saliba, 1985, с. 715] 'летний месяц', 'июнь', йем. *qayd / qiyad* [Rossi] 'период последних дождей', 'летний сбор урожая', хадр. *qyl* 'укрываться в тени в знойный полдень'; 'принимать полуденную трапезу', *qiyāl* 'полуденная трапеза', аден. *qyl(i)* 'сиеста'.

По-видимому, нерегулярные чередования, отражающие смешение двух старых латеральных фонем, отразились в дублетах североарабской лексики, ср., например: *šarr-* / *darr-* 'вред', 'ущерб', *mašā / madā* 'проходить', 'идти пешком', *šallat yadu-hu* 'рука его отсохла' — *dll* 'утратиться', 'потеряться', 'исчезнуть', 'погибнуть' [Fischer, 1956, с. 59—60].

1.5. Среднеязычный *k*

Палатализация *k > š / č* в местоименной клитике 2-го л. ед. ч. ж.р. отмечается для говоров Йемена, в том числе в некоторых преданиях эта фонетическая особенность приписывалась Мухаммаду, так, в хадисе Айши: *fa-inna-hu 'amtu-ğ fa'inna-hu yurīdu 'amtu-ki ...fa 'abdala kāfa-l-ḥiṭābi ġītan. wa ħiya luğatu qawmin min-al-yaman* (С/Д) 'ведь он — твой (ж.р.) дядя (по отцу). А он хотел сказать 'amtu-ki... но заменил «kāф» второго лица на «джим». А это — язык некоторых жителей Йемена».

В некоторых источниках даются примеры и на переход *k > š* в местоименной клитике 2-го л. ед. ч. м. р: *tubdalu-l-kāfu muṭlaqan*

šīnan fī luḡati-l-yaman. Sumi'a 'ahadu-hum fī 'arafa yaqūl «labbay-ša»... 'ayy labbayka (Land. Dat., 2547—2548) «в языке Йемена «кәф» полностью заменяется на «шйн». Так, слышали, как один из них в Арафе говорил *labbay-ša*, т.е. *labbay-ka* «вот я перед тобой, я к твоим услугам»».

В центральных диалектах Йемена отмечается огубление $k > k^w$, по-видимому, в позиции перед гласным: *širk^wa* (< *širka*) «компания», *mistik^wa* (< *mistika*) [Murad Kamil, 1963, с. 86].

1.6. Заднеязычные *g, q

О произношении фонемы, передаваемой в арабских текстах как $\check{g}$ (< сем. *g), можно судить по некоторым описаниям арабских авторов. Они сравнивают эту химьяритско-йеменскую фонему то с k , то с h (или q). Ср., например: *wa 'ahlu 'adan... yaḡ'alūna-l-ḡīma kāfan wa yaqūlūna li raḡab rakab* [al-Mokaddasi III, с. 96] «жители Адена... произносят «джим» как «кәф» и говорят вместо «раджаб» — «ракаб» (название месяца. — А.Б.)»; или *wa taqlubū himyaru l-ḡīma kāfan... li-ḡamāl kamāl* (Т/Х, 25) «и превращают химьяриты «джим» в «кәф»... вместо *ḡamāl* «красота» говорят *kamāl*»; ср. также запись химьяритской лексемы, по-видимому чуждой арабоязычным современникам, в трех вариантах ~ *ḡahmat / haḡmat / kaḡmat* «глаз» — в арабских словарях; или ср. ...*wa fihi <'aqīq> 'amwālun li-'ālī-l-huṣāti mina-l-ḡa'āwīm bi-l-ḡīm wa fī himyara-l-h^wm bi-l-h^wāi* (Сифат, 166) «...в нем < Акике — название местности в Йемене. — А.Б. > владения рода ал-Хасат из ал-Джа'аима с «джимом», а по-химьяритски — ал-Ха'авим с «хә»». Ср. соответствие в геэзе -g [Старинин, 1967, с. 23].

Расхождения в описании произношения фонемы *g могут свидетельствовать о том, что арабские авторы раннего средневековья не могли подобрать в своем языке подходящей буквы для передачи звука, чуждого арабской фонетической системе.

Спорадически отмечается $q > k$ как признак химьяритского, однако это фонетическое явление отражает позиционное чередование. Ср. пример *yā rakīk* (Т/Х, 21—22) «о презренный раб» (вместо *yā raqīq*), где переход $q > k$ может быть обусловлен позицией перед гласным переднего ряда и после него.

В центральных диалектах Йемена отмечается переход $q > \check{g}$ и далее огубление $\check{g} > \check{g}^w$: *ḡurḡ^wa* (< *ḡurqa*) «огонь, жар»; «пожар» [Murad Kamil, 1963, с. 86].

Возможно, что йеменско-химьяритская лексема *ḡawṣan / ḡawṣan* «грудь»; «латы», «броня» (Н/Ш, 21), вошедшая в указанной форме в арабский лексикон, отражает огубленный вариант корня $g\check{s}$ -n, ср. араб. *ḡuṣ-t* «грудь и живот вместе».

1.7. Увулярные $\dot{g}$, $\dot{h}$

Переход $/\dot{g}/ > /'/$ отмечается как особенность речи некоторых жителей Йемена: «говорят $'a\dot{s}'\bar{a}$ вместо $'a\dot{s}\dot{g}\bar{a}$ *bi-l-'ayn ḡayri muḡamatin*» (Н/Ш, 63), т.е. произносят «'айн» без точки вместо «ḡайна» с точкой. Ср. спорадическое явление перехода $/\dot{g}/ > /'/$ в эпиграфических текстах [Бауэр, 1966, с. 37—38] и полный переход $/\dot{g}/ > /'/$ в геззе [Старинин, 1967, с. 21—23].

В диалектах Дасины ср.: $'ayl$ ($< \dot{g}ayl$) 'поток воды' (Land. Dat., 877), $'anam$ ($< \dot{g}anam$) (Land. Dat. II, 875) 'овцы'.

Отмечается также позиционное оглушение $\dot{g} > \dot{h}$ [Murad Kamil, 1963, с. 86].

1.8. Фарингальные

Относительно фарингальных $/'/$, $/h/$ имеются только отдельные замечания арабских авторов по поводу некоторых отличий в произношении жителей Йемена, например, глагол zlh объясняется как $zalaḥa ḡulda-hu bi-n-nāri$ — $luḡatun yaṁāniyyatun fī zala' / zalaḡ$ (Н/Ш, 46) ' zlh «обжечь кожу на огне» — по-йеменски вместо zl' / zlg' '. Ср. араб. zl' 'жесть что-л. на огне', zlg' 'гореть пламенем', 'огонь', тогда как zlh 'пробовать что-л. на вкус'.

1.9. Ларингальные $/'/$, h

В химьяритском (Икл. II, 138—139), как и в йеменских диалектах (Т/Х, 28), отмечается $/'/ > h$: $'inna > hinna$, $'ayuuhāt > hayuuhāt$, $'arāqa > harāqa$. Так же, как форма $harāqa$ в качестве реликта сохранилась в классическом арабском [Юшманов, 1985, с. 44, примеч.], в йеменском диалекте Дасины отмечается форма $hārā-ni bir-riyya$ (Land. Dat., 1237) 'он рассказал мне эту историю', ср. обычную форму глагола $raḡwa lī bi-r-riyya$ в том же значении. Ср. в майнском эпиграфическом $/hl/ < /'l/$ в относительном местонаимении [Бауэр, 1966, с. 37—38] (чередование $/'/$ и $/h/$ отмечено в Коране как признак диалекта племени Тайй [Corriente, 1978, с. 77]).

Чередование $/'/$ и $/h/$ в определенных формах и словах рассматривается на синхронном уровне как аллофоническое, однако сосуществование парных синонимичных форм свидетельствует об их одновременном происхождении, а сравнительный материал по каузативам свидетельствует о форме на h - как более древней для химьяритского.

Более общее фонетическое явление, характерное для многих арабских диалектов, а также отмеченное и в эпиграфических текстах [Бауэр, 1966, с. 36], — переход $/'/$ в начальной позиции в $/w/$: $'asi > wasi$ 'утешитель'; $'ataytu-hu > wataytu-h$ (Т/Х, 21).

2. ВОКАЛИЗМ И ПОЛУГЛАСНЫЕ

2.1. Долгие гласные

Наиболее характерной особенностью химьяритского является историческое $\bar{o} < *awa$ в таких формах, как *ḥayōt* 'жизнь', *ṣalōt* 'молитва', *naḡōt* 'спасение' и т.п. Ср. сохранение мекканского произношения в написании этих слов в Коране [Юшманов, 1985, с. 35]; в арабских источниках: *inna 'ahla-l-yaman yaqūlūna l-ḥayōt bi-wāw qabla-hā qanḥatin fa ḥādīhi l-wāw badalun min 'alfin ḥayōt* [Лисан]: 'ведь жители Йемена произносят *ḥayōt* с «вавом» перед *-t-*, и этот «вав» вместо «алифа» в слове *ḥayāt*'; ср. двоякую передачу названия паука: *'ankabūt / 'ankabāt* (С/Д).

Возможно, что переход $\bar{a} > \bar{o}$ отражает более широкое фонетическое, просодическое явление перехода ударного $\bar{a}$ в $\bar{o}$ в закрытом слоге. Так, в диалектах восточных районов Дасины К. Ландберг отмечает переход окончания мн.ч. ж.р. *-āt > -ōt* (*banōt* 'девушки', 'дочери'). Ср. окончание суффиксального мн.ч. на *-ōt* в мехри [Maltzan, 1871, с. 209; Gr. I, 442; Johnstone, 1977, с. XVIII] и, напротив, в эфиосемитских: геэз *-āt*, тна *-āt* (в языке те имеется только этимологическая форма мн. числа *ōt < *aw + āt* [Conti, 1940, § 119]).

Переход $\bar{a} > \bar{o}$ отмечается на территории Йемена и в открытом слоге: *sākin > sōkin* 'житель', *gā' (gō')* 'земля' (Land. Daṭ., 295—296), ср. также мехри *bōtel* 'ленивый' (сок. *bātel*, харс. *bētel*), но мн.ч. ж.р. *bātelōt* 'трусихи' [Johnstone], араб. *bāfil* 'пустой, никчемный'; 'бездельник'. О мехри см. также (Gr. I, 442).

2.2. Дифтонг **ay* > $\bar{a}$

Ряд примеров в арабских источниках свидетельствует о том, что в закрытом слоге дифтонг *ay* переходит в $\bar{a}$, ср., например, в предлоге наречного типа *ḥawālā* (араб. *ḥawālay*) в стихотворении, описывающем замок Науфана в области Хамдана: *...li-man ta-wārada ḥawlā nawfān* (Икл. VIII, 92—93) '...для того, кто проходит около Науфана'. Далее дается пояснение: *ḥawlā luḡatun li-ḥamdān wa man ḡāwara-hu. taqūlu «ḥalli baṭrā-ka wa ḥud dīnārā-ka» bi ma'nā «ḥalli baṭray-ka wa ḥud dīnārāy-ka»* (Икл. VIII, 92—93) '*ḥawlā* — на языке Хамдана и соседствующих с ним, <они> говорят: «отпусти своих двух верблюдов и возьми свои два динара» в значении двойственного числа для слов *baṭr* и *dīnār*'. Ср. в диалекте Хадрамаута: *u ḥawlālē-ha aṣyār...* (Land. Ḥḍr., 436) 'и вокруг него <колодца> деревья...'. Подобное явление отмечено и в йеменской поэзии: *fa šdud bi-maṭnā ḥaqabin ḥaqwā-hā* (Т/Х, 22) 'так обвяжи

двойной веревкой ее <верблюдицы> бока!', где *ḥaḡwā-hā* 'ес бока' — форма вин. пад.

Отражением этого явления служит известная форма в Коране *'in(na) ḥādāni la-sāḥirāni* (20 : 63) 'Конечно, это — два волшебника'. И.Ю. Крачковский в комментарии к переводу Корана объясняет эту форму как диалектную [Коран, 1963, с. 563, коммент. 15].

Указанное явление можно было бы рассматривать как морфологическое, т.е. как неизменяемость окончания дв.ч. *ā* по падежам. Однако такая форма типологически расходится с формами суффиксального дв. и мн. числа в арабских диалектах, которые при отсутствии падежных флексий имеют формы *-ēn / -īn* соответственно (но не **ān / ūn*). Следует обратить внимание также и на формы дв.ч. в эпиграфических текстах Южной Аравии: в позднесабейском *-n / -un* в абсолютном состоянии, *-u* в сопряженном состоянии в позиции им.пад. [Бауэр, 1966, с. 52—55].

О фонетическом характере перехода **ay > ā* могут в некоторой степени свидетельствовать фонетические явления в йеменских диалектах, ср. в диалекте Йарима: *kaf < kayf* 'как', *'an < 'ayn*, а также *tar < tawr* [Dietz, 1973, § 33].

2.3. Дифтонг *aw < *ā*

Обратное явление в древних диалектах Йемена отмечается для *ā* в паузальной позиции: так, со слов Ибн Дурайда — *wa samī'ū raḡulan yaḡūlu...* «*darab ra'sa-hu bi-l-'aṣaw*» *'ayy-bi-l-'asā* [ал-Джунаби, с. 30] 'и слышал я, как один человек говорил... «ударил его по голове палкой», где *'aṣaw* 'палка' соответствует араб. *'aṣā*'. Выходцы из племени Тайй произносят *ḥublaw* (вар. *ḥublay / ḥubla'*) в паузе, сообщает аз-Замахшари [Китаб ал-Муфассал, § 3], что соответствует форме *ḥublā* 'беременная' в арабском.

Характерным фонетическим признаком йеменских диалектов в древности является также падение полугласного *u* в интервокальной позиции: **iya- > ā*: вместо *tawṣiyat* — *tawṣāt* 'завет', 'завешание', вместо *ḡāriyat* — *ḡārāt* 'девушка', 'невольница', вместо *nāsiyat* — *nāsāt* 'прясть волос спереди', 'хохолок', вместо *bāḡiyat* — *bāḡāt* 'остаток' (М/Н, 65; С/Д, 326). Это же явление распространяется на перфектные формы в активе *baqā < baqiya* 'остаться', *laqā < laqiya* 'встретить', 'найти'; и в пассиве: *bunā < buniya* 'быть построенным', *ru'ā < ru'ya* 'быть увиденным' и т.п. (Gr. I, 619; М/Н, 65, 76).

Аналогичное явление отмечается для позиции **aya > a* в открытом слоге, ср. пример окончания в глагольной форме «усиленного» наклонения: *'aḥṣanna* вместо араб. *'aḥṣayanna* 'я боюсь' (М/Н, 85).

2.4. Замещение *w* / *y*

В химьяритском отмечается замещение среднеязычного губным *w*. Так, в описании замков района Хамдан приводится название «касп Байт Зувад» со следующим пояснением: *wa ḥimyarī taqlību zaydan fa taqīlu zuwadan* (Икл. VII, 92) 'химьяриты изменяют Зайда и произносят Зувад'. Это наблюдение соответствует замечанию по поводу другого слова: *al-kulwatu luḡatu 'ahli-yaman fi l-kulyati wa-ṣ-ṣawābu kulyat* (Н/Ш, 93) '*kulwat* — так произносят жители Йемена вместо *kulyat*, а правильно — *kulyat*'. Ср. формы этого имени в эпиграфических текстах *klwt*, как и в большинстве современных арабских диалектов (**kulwa*, мн.ч. *kalāwi*), однако в араб., др.-евр., сир. (арам.) *kly*, геэз *k^welit*, мн.ч. *k^welayā*, мехри *kelyit*, харс. *kelīt*, мн.ч. *kelāyten*.

О соответствии хим. *w* / араб. *y* может свидетельствовать и другой пример, приводимый как слова химьяритки: *ṭwb 'ayy ṭayyib* ([Лисан, 12, 363], цит. по [ал-Гинди, с. 399]) в значении 'хорошо', 'хороший'.

Недостаток йеменско-химьяритского материала не позволяет говорить о регулярных соответствиях *w* / *y* между химьяритским и арабским, однако следует обратить внимание на некоторые сабейские формы, где северноарабскому -*y*- в той же позиции соответствует -*w*-, например: саб. *tw* — саф. *tu*, КЛАЯ *mā'*, араб. диал. **may(y)*, но в Южном Йемене *mā'* — мн.ч. *tawāt* (Оман); эф.-сем. *tau*, зап.-сем. *tau(y)*; ср. также колебания в формах мн.ч. *bnw* / *bny* 'сыновья'. Ср. также указанные выше колебания в йеменских диалектах *ḥublaw* / *ḥublay* / *ḥubla*'.

«Йотовая» тенденция в слово- и формообразовании от корней с исконным медиальным -*w*- характерна как для западносемитских [ср., например, образование интенсива в араб. (сир.) *qaywet* < **qwm* 'сохранять', 'получать' (Gr.I, 606—607)], так и для северноарабского, ср. отмеченные наиболее древние написания в коранических рукописях как «имале»: *kyfryn* для *kāfirīn* 'неверные', *ṭyb* для *ṭāb* 'быть, стать хорошим, добрым' (Land. Dat., 301—302), тогда как *ṭūb* (*ṭwb*) в арабском — 'обожженный кирпич'.

3. УДАРЕНИЕ И ПРОСОДИЯ

Ограниченный материал химьяритского языка позволяет судить о его акцентуации и просодии лишь предположительно.

Первой отмеченной особенностью химьяритского является сохранение гласного (возможно, редуцированного) *v*: а) первом слоге глагольной основы императива, б) лексеме *bn* 'сын' (в отличие от 'васлового' гласного северноарабского и классического арабского *i-bn-*). Это подтверждается следующим описанием: *sarwu ḥimyar wa ḡā'da laysū bi-fusaḥā' wa fī kalāmi-him ṣay'un min at-tahmīr wa yaḡurrūna fī kalāmi-him wa yaḥdīfūna fa yaqūlūna* «*y*' *bn m* 'am' *fī*

«yā 'ibna l-'amm» wa «sima'» fī «i-sma'» (Сифат, 134) 'Сарв Химйар и Джа'да литературно (классически, правильно) не говорят. В их речи чувствуется влияние химьяритского: они в своих словах (речи) употребляют касру и пропускают буквы. Так, они говорят y'bn t'm вместо yā bna l-'amm «о сын дяди» и sima' вместо i-sma' «слушай»'.

Подтверждением функционирования формы императива без вспомогательного гласного может служить замечание К. Ландберга о существовании подобных форм в диалектах Дасины (Land. Dat., 1520; Land. Hdr., 215).

Подтверждением структуры *bin служат формы этого имени, функционирующие до настоящего времени в диалектах Дасины и Хадрамаута bin / bir (ber) (< юж.-арав., харс. ber, шахри ber, однако под арабским влиянием возникают формы ibr / iḅer); ср. также саб. bn / br, а также марок. и хассания (диалекты Магриба) bən. Этой же фонетической системе соответствует форма числительного в диалектах Дасины tenten birkat (Land. Dat., 71) 'два водоема' (ср. КЛАЗЯ 'itnāni / itnatāni).

Сохранение ударения на гласном основы в односложных словах послужило условием развития дальнейшей тенденции, захватившей двусложные основы со вторым долгим слогом: для многих районов Йемена отмечается падение первого безударного слога структуры /'V, т.е. даже с корневыми ларингалами и фарингалами, ср. bōy 'отец', ḥōy 'брат' [Dien, 1973, с. 61], bil 'верблюды' (< 'ibil), ḡl 'телята' (< 'uḡl), bu / bā 'отец', hel (< 'ahel) (Дасина). Ср. также в Дасине форму dīm 'шкура', 'кожа' (< 'adīm) (Land. Dat., 63—65), Bā Rās < 'abā Rās — название одного из родов (Land. Dat., 76).

Аналогичное явление характерно для диалекта хассания: bī 'отец', ḥi 'брат', tən 'сын', sāt 'имя' [Cohen, 1963, с. 206 и сл.]. Возможно, что химьяритская фраза, приводимая ал-Хамдани о надгробной надписи на могиле Зу Джухайла и Зу Ру'ана, отражает усеченную форму: ḥu yḥzn ldy mn dḥk mwt (Икл. II, 354) 'два брата (ḥu) Йахзана, которые от смеха умерли'.

3.1. Паузальные позиции

О существовании паузальных позиций и паузальных форм можно судить по примерам, приводимым ал-Хамдани и более поздними арабскими авторами. Так, ал-Асмаи, передавая рассказ об отличиях химьяритского языка от арабского, сообщает: ...qawlu-hu «'arabiyyat» yurūdu : «al-'arabiyyatu»; fa waqafa 'ala l-hā'i bi-t-tā'i wa kaḍālika luḡatu-hum (С/Д) '...когда он говорил 'arabiyyat, он имел в виду al-'arabiyyatu «арабский язык»; и он сделал паузу на конце, вместо hā поместив tā. Таков их язык'. Также приводятся примеры на произношение talḥat — Талха (имя собств.), šaḡarat 'дерево' (М/Н, 101). Окончание ж.р. ед.ч. на -at отмечается в северно-

йеменских диалектах и трактуется как субстратная форма [Dieck, 1979, § 17]. По-видимому, субстратным явлением можно считать формы и в диалекте племени Тайй (М/Н, 101).

3.2. Комбинаторные изменения

К отмеченным явлениям ассимиляции согласных можно отнести прогрессивное уподобление *-n-* переднеязычным *t / t̥*: а) *-nt- > tt*; б) *-n̥t- > tt*. Явление (а) можно заметить в записи химьяритского собственного имени: *wa 'uḥtu-hā bit(t)u wa'ir* (Сифах, 107—108) 'и сестра ее Бит Ва'ир', где *bit(t) wa'ir < bint wa'ir*; ср. саб., саф. *bnt / bt*, др.-евр. *bat*, уг. *bt*, самар. *bt / brt*; йем. диал.: Дас., Хадр. *bitt / bint*, например: *bitt ēhel Bā Rās em-'aulaqīeh* (Land. Dat., 76) 'дочь из рода Ба Рас, аулакитка'; сев.-йем. *bitteyn* 'две девушки' [Каримов, 1973, с. 106], саб. форму дв.ч. *bty*; из других арабских диалектов отметим суданский *bitt*. Явление (б), возможно, отразилось в неточной передаче у Нашуана: 'ну w '...ha [Müller D.H., 1877, с. 17] 'я и моя жена' с арабским переводом: 'anā wa mra'ī wa hiya «'al-'untatu» bi luḡati-him 'я и моя жена, а жена — «'al-'untatu» на их языке'. Ср. саб. 'n̥t / 'tt, кат. 'tt-š 'его жена', те 'esit, др.-евр. 'isā, самар. 'th, напротив КЛАЯ 'unīā, араб. диалекты Сирии, Судана 'intāya / unsa, геэз 'anəst.

4. МОРФОНОЛОГИЯ

4.1. Гласные окончания

В разделе «о буквах муснадов» ал-Хамдани, отмечая, что обозначение «алифом» долгой гласной *a* в них отсутствует, сообщает далее: *wa yuḥbilūna ḡammata 'aḡari l-ḡarfi wa wāwī 'lyhmw*. *Wā 'ammā l-lafz fa yaḡra'u-hu 'aḡlu makkata wa man šākilu-hum 'alā mā yaḡibu 'n yakūna maktūban wa liḡā tarā-hum yaḡra'ūna «'alay-humū wa lā ḡ-dāllīn»* (Икл. VIII, 134) 'Они сохраняют «дамму» на конце буквы и «вāv» в выражении 'lyhmw «над ними, на них». Что же до произношения, то жители Мекки и подобные им читают так, как должно быть написано. Поэтому видишь, как они читают 'alay-humū wa lā ḡ-dāllīn'. В этом описании можно выделить два замечания: а) отсутствие ассимиляции гласного в слитном местоимении -hum- 'они/их' после предлога 'alā (ср. араб. 'alay-him), б) произношение формы местоимения с гласным окончанием -humū. В Коране чтение этой фразы *ḡayri l-maḡdūbi 'alay-him wa lā ḡ-dāllīn*.

Относительно явления (а) можно предположить, что оно объясняется уже рассмотренным выше фонетическим явлением **ay* > *ā* в непаузальной позиции. В этих условиях вокалическая ассимиляция должна отсутствовать, т.е. 'alā-humu.

Явление (б) следует рассматривать как рефлекс старой формы слитного местоимения, которая является общей для североарабского (ср. замечание Н.В. Юшманова о сохранении древней формы *-tu* перед *wasloy* [Юшманов, 1985, с. 107, табл. XIX]) и для языка эпиграфических текстов Южной Аравии, ср. написание саб. *hṡw* в *'ṡt-hṡw* 'их жены' [Бауэр, 1966, с. 41] (но маин., кат., хадр. *-sm*), геэз *abū-hōtu* 'их отец', *albas-ōtu* 'он одел их' [Старинин, 1967, с. 47, 115, XXI (7)], однако в мехри — *-həṡ* / *-hṡm*, джиб. *səṡ*, тна *-ōm*.

Если произношение этой формы в устах современников ал-Хамдани отражает только традицию чтения, то все же может свидетельствовать о значении и функции знака *-w* в эпиграфике. О возможной реальной устной форме местоимения на *-u* свидетельствует сохранение аналогичной формы в геэзе.

4.2. Морфонология артикля (V)*m*-

Препозиционный артикль (V)*m* отмечен как в химьяритском, так и в древнейеменских и современных йеменских диалектах. Артикль имеет две особенности: 1) начальный гласный является протетическим и вasilруется в соответствующих позициях; 2) согласный *-m*- артикля не ассимилируется с последующими согласными.

4.2.1. Источники приводят описание первого явления: *wa l-'alifu 'alifu waṡlin tuktabu wa lā tuṡharu...* (С/Д) '«алиф» <артикля> (V)*m* — «алиф» *wasloy*ый, он пишется, но не произносится...'. Объективным свидетельством слухового восприятия этой формы могут служить некоторые случаи передачи непривычной формы арабскими авторами без обычного слитного написания артикля с определяемым именем: *'ala m-ṡamṡāmati m-sayf m-salāmu* (С/Д) 'да будет мир над мечом *ṡamṡāma*!' *ṡamṡāma(at)* 'дерзкий' — прозвище знаменитого меча Амра ибн Ма'адикариба, вождя племени мазхидж во времена исламизации Йемена [Пиотровский, 1985, с. 177]. Ср. также *y'bn m'm* 'о сын дяди!'.

В источниках описывается и второе явление: *'m takūnu li-t-taṡif nuqilat 'an ṡayyin wa 'an ḡimyara; wa qīla 'inna ḡadihi l-luḡata muḡtaṡṡatun bi-l-'asmā'i llaṡi lā taddaḡimu lāma t-taṡifi fī 'awwalihā naḡwa ḡulām wa kitāb...* (С/Д) '(V) *m* служит для определения, перешел от племени Тайй и Химьяра; говорят, что этот язык отличается именами, начало которых не ассимилируется с «*lām*ом» («*mīm*ом?») определения, как, например, <в именах> *ḡulām, kitāb*'. Ср. запись с огласовками стиха таййского поэта: *bim-sahmi wa m-salīma* (Н/Ш, 39) 'стрелой и камнем' с последующим пояснением: *wa ḡiya luḡatu ḡimyara yubdilūna min lāmi l- maṡifati mīman yuqūlūna (V)m-raḡulu wa m-mar'atu...* (Н/Ш, 39) 'а это — язык Химьяра, <они> заменяют «*lām*» определенного артикля «*mīm*ом», говорят: *m-raḡulu* и *m-mar'atu...*'.

В диалектах Йемена, где функционирует артикль (V)m-, отсутствует ассимиляция *m* последующему согласному, ср. *em-ni-swān* 'женщины', *em-lāni* 'второй' (Land. Dat., 63, 65, 85), *fi m-ṣiyān* 'в безопасности' (Land. Dat., 56).

В свободной начальной позиции вспомогательный гласный артикля в йеменских диалектах отмечается как *i(ə)* [Diem, 1973, с. 30]: *im-bait*; в нена начальной позиции вспомогательный гласный вассируется (Land. Dat., 56).

Глава II

МОРФОЛОГИЯ

1. МЕСТОИМЕННИЯ

1.1. Личные местоимения

Система личных местоимений восстанавливается на основе химьяритских текстов и некоторых замечаний арабоязычных авторов относительно особенностей произношения и форм йеменских диалектов, сосуществовавших с химьяритским.

1-е л. ед.ч.

1) 'n' : *qāla 'aṛābiyyun ḥimyarīyyun 'n' 'aṛf...* [ал-Кали II, с. 174] 'сказал один кочевник химьярит: «Я знаю...»'; 'n' *dub'ḡt bnt nwf* (Икл. VIII, 135) 'Я, Диблага, дочь Науфа...'; в сочетании с усиленно-подтвердительной частицей (из арабского?): 'nny 'n' 'l-qyl 'šrḥ (Икл. VIII, 20—21) 'поистине я, я, кайл Ил-Шарах...'

2) 'ny : 'ny *mrtd dw dny* | n 'ny w 'ntt [Müller D.H., 1877, с. 17] 'я, Мурасид Зу Дуньян, я и жена...', ср. также один из рукописных вариантов 'ny *ryd* [Faris, 1938, с. 85 (B)] 'я хочу...' или (?) 'поистине я хочу...'; или 'ny *dub'ḡt bnt nwf...* [Müller D.H., 1877, с. 20] 'Я, Диблага, дочь Науфа...'; 'ny *sm't bnt dy mrtd* [Müller D.H., 1877, с. 21] 'Я, Сам'а [Шам'а (Икл. VIII, 159)], дочь Зу Мурасида...'

В двух случаях форма 1-го л. ед.ч. 'ny соотносится с лицом женского пола. Химьяритскую форму 'ny можно сопоставить с некоторыми местоимениями 1-го лица в современных йеменских диалектах, которые составляют оппозицию по роду: 'ana (м.р.) — 'ani (ж.р.) [Behnstedt, 1985, с. 71]. Оппозиция по роду для форм местоимения 1-го л. ед.ч. характерна для всего Западного Йемена.

Общая для мужского и женского рода форма 'anī отмечена для двух крайних северо-западных точек Йемена и граничит с

областью распространения аналогичной формы, характерной для аравийских бедуинских диалектов (также — в Ираке).

В целом для юго-западных йеменских диалектов следует отметить наиболее полную парадигму личных местоимений с оппозицией по роду, за исключением местоимения 1-го л. мн.ч. общего рода.

Вместе с тем такая особенность, как оппозиция форм местоимения 1-го лица по роду, не отмечена в описаниях арабских авторов раннего средневековья ни для языка химьяритов, ни для племенных арабских диалектов Йемена. Ни в одном из известных семитских языков, в том числе в южноаравийских и эфиосемитских, оппозиция двух форм местоимения 1-го л. ед.ч. по роду не зафиксирована.

Вопрос о происхождении двух форм в Йемене может иметь предположительно два решения: 1) форма 'ну 'я', отмеченная в некоторых химьяритских текстах, могла быть принята за ошибочное, «неправильное» местное произношение, как и многие другие фонетические особенности, и не быть осознанной как форма, оппозиционная форме 'н' по роду. Ср. также возможное существование единичной формы общего рода *ani* в Центральном Йемене [Behnstedt, 1986, с. 146] и в восточноаравийских диалектах; 2) оппозиция форм является йеменской инновацией по аналогии с сохраняющейся оппозицией форм по роду 2-го и 3-го лица.

Написание слитных местоимений в химьяритских текстах в арабских источниках не отличается от арабских слитных местоимений в тех же позициях. Так, химьяриту приписываются слова: 'ly-k 'm-rū w 'ly-n' 'm-f'l [Ибн Хаджар, с. 183] 'На тебе — совет (мнение), а на нас — дело' (т.е. тебе положено советовать, выражать мнение, а нам — выполнять).

Местоименные клитики 1-го л. ед.ч. отражены в химьяритских текстах в приименной позиции и в предложной конструкции как -у: 'ity 'моя жена', hlyt-y [Müller D.H., 1877, с. 20] 'мои украшения'; banat li-ya 'ammāt-ī fi ma'rībīn 'aršan (Н/Ш, 8) 'воздвигла мне тетка моя в Марибе трон'.

1-е л. мн.ч.

В самостоятельной форме и как клитика отражено в текстах, как *nħn*, -n/-n': *nħn bnyn slħyn* (Икл. VIII, 49—56) '...мы построили Салхин'; *nħn w-bnw-n* (Икл. VIII, 56—57) 'мы и сыновья наши'; *m'n* [Saliba, 1985, с. 716] 'с нами'.

2-е л. ед.ч.

Отражено в текстах в форме 'nt : w'nt 'n-n'zr (Н/Ш, 100) 'а ты — зрящее око'.

Для ранних текстов засвидетельствована также особая форма местоимения 2-го л. ед. ч.: 'anka wahabka yurīdu 'anta wahabta (С/Д, 257) 'ты дал, т.е. вместо 'anta говорят 'anka'.

В современных йеменских диалектах наряду с формой основы местоимения 2-го л. ед.ч. м.р. *ant- представлена в р-не an-Nazīr/Ġabal Rāziḥ [Behnstedt, 1985, с. 72] (крайний северо-

запад Йемена) и основа 'ak, что может быть рефлексом ассимиляции: 'anka > *ank > 'ak.

Учитывая, что большинство семитских языков сохраняют единую морфему для местоимения 2-го л. ед.ч.: акк. 'atta, уг. 'at, др.-евр. 'atta, араб. 'antā, сир. 'att, 'anta, геэз 'anta, амх. 'entā, те 'entā, мехри het — йеменско-химьяритскую форму следует рассматривать как новообразование по аналогии с местоименными клитиками -ka/-ki и окончанием перфекта 2-го л. ед.ч., а возможно, и мн.ч., так как в одном из современных йеменских диалектов (Сев. Йемен, г.Саада) отмечены своеобразные формы *akkum* (м.р.) и *akkun* (ж.р.) [Behnstedt, 1986, с. 144]. Ср. аналогичные новообразования в диалекте Мардина (Турция): *antek* (м.р.)/ *aniki* (ж.р.) (Gr. I, 300), а также в языке тна: *nəssək^{ha}/nəssək^{hi}* [Conti, 1940, с. 30—34] < *nafse-ka/ki (Gr. I, 300).

Клитика 2-го л. ед.ч. м.р. представлена как -ka / -kā : ...yā la-ka mālan yā la-ka mālan (Н/Ш, 34) '...что за скот у тебя! что за скот у тебя!'; ...'Ilay-kā la-nadrīban bi-sayfi-nā qafay-kā (С/Д, 256) '...тебе, поистине, мы ударим нашим мечом по твоей шее!'. L φ

Клитика 2-го л. ед.ч. м.р. как особенность химьяритского в указанных источниках не упоминается.

Местоимение 2-го л. ед.ч. ж.р. в самостоятельной форме и самостоятельной позиции в химьяритских текстах не отмечено, равно как и клитика 2-го л. ед.ч. ж.р.

Вместе с тем наиболее заметной особенностью для арабских авторов средневековья представлялось в Йемене фонетическое явление, называемое *kaškaša / kaskasa*, т.е. произношение слитного местоимения 2-го л. ед.ч. ж.р. (а по некоторым данным, и мужского рода) с палатализацией *k > š / s*; по другой терминологии «йеменское *šanšan*» [Land. Dat., 2547—2548], см. пример: *tag'alu l-kāfa šīnan muṭlaqan 'labbay-ša, la-ši* (С/Д, 256) 'они произносят всегда «kāf» как «šīn», например: *labbay-ša* «я готов тебе услужить» (м.р.), *la-ši* «для тебя»'.

Клитика 2-го л. ед.ч. ж.р. имеет много примеров из раннесредневековых йеменских источников. Йеменское произношение отмечается как характерное и для речи пророка в хадисах, так и в его ответе Айше, попросившей у пророка разрешения для встречи с родственником: ...*fa inna-hu 'ammu-ḡi fa 'inna-hu yurīdu : 'ammu-ki min ar-riḡā'i fa 'abdala kāfa-l-ḡiṭābi ḡīman wa hiya luḡatu qawmīn min al-yamanī* (С/Д, 256) '...«ведь он — твой дядя», а он <пророк> хотел <сказать>: «твой дядя по кормилице», и он заменил «kāf» 2-го лица на «ḡīn». Это — язык некоторых жителей из Йемена'.

В современных йеменских диалектах явление палатализации или аффрикатизации (*k > š / ʕ*) в слитном местоимении 2-го л. ед.ч. ж.р. отмечено всеми исследователями [Rossi, 1939, § 28; Rossi, 1937, с. 235]. В. Дим выделяет его в городских диалектах Северного Йемена, а в сельских диалектах фиксирует формы -ki/-ik [Diem, 1973, с. 36]; это подтверждено наблюдениями А. Каримова: в диалекте Сан'ы — -š / -iš, в диалектах районов

Та'изза и Ходейды — *-k / -ik, -k / -ki* [Каримов, 1973, с. 147—149]. Лингвистический атлас показывает распределение слитных местоимений 2-го л. ед.ч. ж.р. следующим образом: Западный Йемен, вся прибрежная полоса с севера на юг — *-ik / -ki*, центральные и восточные районы Йемена — *-š / -č / -ć / -t* с отдельными вкраплениями *-ki* [Behnstedt, 1985, с. 84—85].

Современные арабские диалекты представляют следующее распределение (см. табл. 1) фонетических вариантов слитных местоимений 2-го л. ед.ч.

Таблица 1

Слитные местоимения 2-го л. ед.ч.
в арабских диалектах и семитских языках

Языки	Лицо, род	
	2-е л. м.р.	2-е л. ж.р.
Др.-евр.	<i>-k(ā)</i>	<i>-k(h)</i>
Арам. (библ.)	<i>-k</i>	<i>-k</i>
КЛАЯ	<i>-ka</i>	<i>-ki</i>
АДД		
оседлые	<i>-(a)k</i>	<i>-(i)k</i>
кочевые		
восточноаравийские	<i>-k</i>	<i>-č</i>
др.-араб.	?	<i>-(i)š</i>
Мудар, Раба, Оман	?	<i>-š/-s</i>
ЙДД		
южные и юго-западные	<i>-k/-ak</i>	<i>-ik/-ki</i>
северные и северо-восточные	<i>-k/-ak</i>	<i>-š/-iš/-ič</i>
Мехри	?	<i>-eš* / -ek</i>
Гезз	<i>ka</i>	<i>-kī</i>
Те	<i>kā</i>	<i>-kī</i>
Тна	<i>ka</i>	<i>-kī</i>
Амхарский и южные эфioseмитские	<i>-h</i>	<i>-š(i)</i>

* П р и м е ч а н и е. Форма *-eš* в мехри рассматривается как устаревшая [Maltzan, 1871, с. 201].

Отсутствие указаний на палатализацию *k* в химьяритском, равно как и на особенности его слитных местоимений 2-го л. ж.р. ед.ч., а также общая система распределения изоглоссы этой формы позволяют предположить, что клитика *iš / ič* является формой бедуинской, распространяющейся в Йемене с севера и востока, но не достигшая еще его крайнего юго-западного района (например, г. Та'изза, г. Ходейды [Каримов, 1973, с. 147—149]).

2-е л. мн.ч.

Местоимение 2-го л. мн.ч. м.р. в химьяритских текстах не отмечено. Клитика местоимения 2-го л. мн.ч. м.р. имеет форму

-kumu : ...bnu dī yazanin yasīru 'ilay-kumu... (Н/Ш, 25) '...сын Зу Язана идет к вам'. Местоимение 2-го л. мн.ч. ж.р. в химьяритских текстах ни в самостоятельной, ни в слитной формах не зафиксировано.

Современные йеменские диалекты, как указывалось выше, представлены общей формой самостоятельного местоимения 2-го л. мн.ч. для обоих родов на основе *antu (-m/-n) на западном побережье Йемена и имеют оппозицию по роду на остальной территории. Район an-Naẓīr / Ġabal Rāziḥ представляет оппозицию форм по роду на базе основы 'akkum — ж.р. 'akkun; слитные местоимения отмечены как -kum (м.р.), -kin (ж.р.) [Behnstedt, 1985, с. 76, 90].

3-е л. ед.ч.

Как самостоятельные формы в химьяритских текстах местоимения 3-го л. ед.ч. не отмечены. Средневековые арабские филологи выделяют удвоение w/u в языке племени хамдан : *hiwwa* (м.р.), *hiyya* (ж.р.) и слитную форму -h в паузальной позиции (Т/Х, 25).

В качестве особого признака древнейеменских диалектов (в том числе диалекта племени Тайй) источники отмечают паузальную форму слитного местоимения 3-го л. ед.ч. с передвижением гласного из местоименной клитики, вытесняющего гласное окончание глагольной формы: 'nnī 'aḥāfa-h 'ведь я боюсь ее', но waṭiqtu bi-h 'я полагался на нее' (М/Н, 105), где -hā > ah или > ih #. Подобное явление можно обнаружить в стихах, приписываемых выходцу из Йемена: *ma zāla šaybānu šadīdan habaṣ-uh # ḥatta 'atā-hu qirnu-hu fa waqaṣ-uh* (Н/Ш, 115) 'Шайбан непрерывно алкал его, пока не явился к нему его соперник и не свернул ему шею'; далее следует комментарий автора по поводу формы *waqaṣ-uh* : 'arāda «fa waqaṣa-hu» fa naqala harakata l-hā'i ilā s-ṣādi wa hiya luḡatun daṭṭatun li' qawmin min 'ahli l-yamani 'он хотел сказать «waqaṣa-hu», но перенес огласовку «hā» на «ṣād». Это — неправильный язык некоторых жителей Йемена'. Слитное местоимение 3-го л. ед.ч. ж.р. передается в химьяритских текстах как -h' : *bnun slḥyn whd-h'*... (Икл. VIII, 49) 'мы построили Салхин один [он]...'.

Современные йеменские диалекты представляют несколько форм самостоятельных местоимений 3-го л. ед.ч. м.р. и ж.р., распределенных в равной степени на территории страны, из которых формы *hiwwa* / *hiyya* сосредоточены главным образом в центре западных районов Йемена [Behnstedt, 1985, с. 74]. Слитные формы местоимения 3-го л. ед.ч. м.р. в позиции после согласного представлены вокалическими вариантами -Vh, за небольшим исключением. Слитные формы местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. представлены в позиции после согласного как -ha / -hā / -āh с вокалическими вариантами [Behnstedt, 1985, с. 86, 87].

3-е л. мн.ч.

Самостоятельные местоимения 3-го л. мн.ч. м.р. и ж.р. в химьяритских текстах и примерах не обнаружены. Имеется один

Таблица 2

Личные местоимения в семитских и афразийских языках

Число	Лицо, род	Язык					
		акк.	эбл.	уг.	др.-евр.	финик., моав.	др.-арам.
Ед.	1-е {м. ж.}	<i>anāku</i> (<i>'anūki</i>)	{ <i>an-na</i>	{ <i>an(k)</i> }	<i>'anokī</i> <i>'anī</i>	<i>'nk</i>	<i>nk(y)</i>
	2-е {м. ж.}	<i>attā</i> <i>attī</i>	<i>an-da</i> —	<i>'at</i> —	<i>'attā</i> <i>'att</i>		
	3-е {м. ж.}	<i>šū</i> <i>šī</i>	<i>su-wa</i> <i>sl-a</i>	<i>hw</i> <i>hy</i>	<i>hū</i> <i>hī</i>		
Дв.	2-е						
	3-е			(?) <i>hm</i>			
Мн.	1-е	<i>nīnu</i>			(<i>'ā</i>) <i>naḥnu</i>		
	2-е {м. ж.}	<i>attunu</i> <i>attīna</i>	<i>an-da-nu</i>		<i>'attem</i> <i>'atten(ā)</i>		
	3-е {м. ж.}	<i>šunu</i> <i>šīna</i>	<i>su-nu</i>	<i>hm</i>	<i>hem(mā)</i> <i>hen(na)</i>		

Продолжение табл. 2

Число	Лицо, род	Язык					
		арам. (ег.)	арам. (библ.)	сир.	араб.	ием. Д сев.-вост.	ием. Д юго-зап.
Ед.	1-е {м. ж.}		<i>'ānā</i>	<i>'enā</i>	<i>'anā</i>	<i>ana/anī</i>	<i>anā</i> <i>anī</i>
	2-е {м. ж.}	<i>'(a)nt</i> <i>'(a)nt(y)</i>	<i>'ant</i> <i>'antī</i>	<i>'at(t)</i> <i>'at(t)</i>	<i>'anta</i> <i>'anti</i>	<i>'ak/atta</i> <i>'ač/(t)nti(n)</i>	(t) <i>nta(k)</i> <i>ntī</i>
	3-е {м. ж.}		<i>hū</i> <i>hī</i>	<i>hū</i> <i>hī</i>	<i>huwa</i> <i>hiya</i>	<i>hu</i> <i>he</i>	<i>huwwa</i> <i>hiyya</i>
Дв.	2-е				<i>'antumā</i>		
	3-е				<i>humā</i>		
Мн.	1-е			(<i>'ena</i>) <i>ḥnan</i> , <i>ḥṣan</i>	<i>naḥnu</i>	<i>ḥna/anḥa</i>	(n) <i>ḥna</i>
	2-е {м. ж.}	<i>'ntm</i>	<i>'antūn</i> <i>'antōm</i>	<i>'attōn</i> <i>'attēn</i>	<i>'antum(ū)</i> <i>'antiunna</i>	{ <i>'akkum</i> , <i>antū</i> } { <i>'akkun</i> , <i>anteyn</i> }	(an) <i>ntū(n)</i> <i>antīnna</i>
	3-е {м. ж.}	<i>hm(w)</i>	<i>himmō</i> <i>hennōn</i> <i>hennēn</i>	<i>hum(ū)</i> <i>hunna</i>	<i>hum</i> { <i>ḥin(na)</i> , <i>han</i> }		<i>hun</i>

Продолжение табл. 2

Число	Лицо, род	Язык					
		хим.	саб.	ЭЮА	гезэ	тна	мехри
Ед.	1-е {м. ж.}	'n'/'ny			'ana	anè	hu/ho
	2-е {м. ж.}	'anka/'anta			'anta 'antf	antá/attá antí/attí	hēti/hī hent
	3-е {м. ж.}	huwwa/hw hlyya/hy	h'/hw(ɪ) h'/hy/hyt	sw(ɪ) syt	wə'ətū yə'əft	(ness)ù (ness)à	he/hi se/si
Дв.	2-е	hm'		smyt			
	3-е						
Мн.	1-е	n/n			nəina	nēhna (nēhənnā)	n(a)hā/ nah
	2-е {м. ж.}				'antəmmu 'antən əmunū	antūm antēn	tēn
	3-е {м. ж.}		hmυ hmt	s'mt —	wə'ətōmū, əmanū wə'əton	{(ness)əm, (ness)ən {(ness)ən, (nessai)ən	hem/hēm sen/sēn

Продолжение табл. 2

Число	Лицо, род	Язык					
		сок.	ег.	копт.	куш. (сом.)	берб.	хауса
Ед.	1-е {м. ж.}	ho/hóhon	i(nk)	ΔNOK	ana/ani	*nək' / nək	ni
	2-е {м. ж.}	ē/hē, 'ehen ʔ/hʔ inhen	nt-k nt-ɿ	NTOK NTO	ada/adl	*kay/kl/ku *kən/klm(ɪ)	kat ke
	3-е {м. ж.}	(y)he séhen	-f -s	NTOG NTOG	u ay	*nta, *nə(tu) *ntə, *nətta-t	shi lta
Дв.	2-е		n/[tn] snj				
	3-е						
Мн.	1-е	han	ln-n	ΔNON	anna	*nək'-nl/nuk-nl	mu
	2-е {м. ж.}		nt-ln	NTWTN		*kun-/knu-/kən- *kunt, *kuntl	ku
	3-е {м. ж.}		nt-sn	NTOOV	ay	*nltn-/nytn- *nlətn-ɿ(ɿ), *nulaətn-ɿ(ɿ)	su

Таблица 3

Местоименные клитики в семитских и афразийских языках

Число	Род, лицо	Язык							
		акк.	эбл.	уг.	др.-евр.	финик., моав.	ст.-арам.	арам. (ег.)	
Ед.	Sub.+	-ya/-i	-l/-a	-y	-T	-y/-T	-T		
	1-е Verb.+	-ni	-ni	-ni	-nT	-n	-nT		
	2-е {	м.	-ka	-ga	-k	-k(a)	-k	-k	
		ж.	-kl	—	-k	-k(h)	-ky	-hT	
	3-е {	м.	-š(u)	-su	-h	-hū/-ō	-h/-w/-ʾ	-eh/-hT	
		ж.	-š(a)	-sa	-h	-(h)ā/ -āh	-yʾ/-y/-ʾ	-ah	
Дв.	1-е			-ny		-nu (ū)			
	2-е			-km					
	3-е			-hm					
Мн.	1-е	-ni	-na/-nu	-n	-nū		-na/-n		
	2-е {	м.	-kunu	-gunu	-km	-kem		-kōn/-kōm	km
		ж.	-kina		-kn	-ken		-kēn	
	3-е {	м.	-šunu	-sunu	-hm	-(he)m	hom(hōm) (lm/hm)	-hōn/-hōm	hm
		ж.	-šina	-sina	-hn	-(he)n	-hn	-hēn	

Продолжение табл. 3

Число	Род, лицо	Язык				
		арам. (библ.)	сир.	н.-сир.	КЛАЯ	сев.-вост. йсм. Д
Ед.	1-е Sub.+	-T	(-y)	-l	-ya/-T	-na (м.р.)
	Verb.+	-nT	-n	-oḥ	-nT	-nl (ж.р.)
	2-е	м.	-k	-(a)k		-k/-ak
		ж.	-k	-(e)k(y)		-k/-ik/-kl
	3-е	м.	-w/-hl/-eh	-eh/-ū/-w		-hu
		ж.	-h	-(ā)h		-hā
Дв.	1-е				-kumā	
	2-е				-humā	
	3-е					
Мн.	1-е	-nā	-(a)n		-nā	-ḥna
	2-е	м.	-kōm	-kōn		-kum(u)
		ж.	-kēn	-kēn		-kunna
	3-е	м.	-hōm	-hōn		-hum(u)
	ж.	-hēn	-hēn		-hunna	-hum/-hun

Продолжение табл. 3

Число	Род, лицо	Язык				
		юго-зап. йем. Д.	хим.	саб.	ЭЮА	геэз
Ед.	1-е Sub.+ Verb.+	-y -nI	-y			-ya -nI
	2-е {м. ж.}	-k/-ak -š/-iš/-lč	-k -k/-š/-č			-ka -kI
	3-е {м. ж.}	-th -ha/-e(h)	-h -h'	-hw/-h -h	-sw/-s(ww) -s(yw)	-hū/-ō -(h)ā
Дв.	1-е					
	2-е			-hny	-smn	
	3-е					
Мн.	1-е	-na	-n/-n'			-na
	2-е {м. ж.}	-kum -kin/-kan				-kammū -kən
	3-е {м. ж.}	-hun -hin/-han	-hmw/-hm	-hmw/-hm	-sm	-hómu/ómu -hōn/-ōn

Продолжение табл. 3

Число	Род, лицо	Язык					
		тна	мехри	сок.	те	амх.	ер.
Ед.	1-е {Sub.+ Verb.+	-ē -nI	-T/-y -lye	-In/-ly		-ye -ny	-I/-wI
	2-е {м. ж.}	-kā -kI	-k -eš/-ek	-hen -k	-ka -kl	-h -š(I)	-k/-tw/-čw -č(n)/-t(n)
	3-е {м. ж.}	-ū/-ō/-'ō -ā/-'a	-h -s	-š -s		-u/-w/-t -wa/-at	-f/-sw -s/-st
Дв.	1-е			-kl			-n/
	2-е			-kl			-čn/
	3-е			-(h)l			-sn/
Мн.	1-е	-nā	-n	-(h)In		-ačn/-n(č)	-n
	2-е {м. ж.}	-kūm -kēn	-kem -ken	-kin		-achu	-čn
	3-е {м. ж.}	-ōm/-'ōm -ēn/-'ēn	-hem -sen	-hen -sen		-ačw	-sn

Чи- сло	Род, лицо	Язык		
		копт.	берб.	хауса
Ед.	1-е $\begin{cases} \text{Sub.}+ \\ \text{Verb.}+ \end{cases}$	-i	-i, -inu, -in, -ø	-na -ta
	2-е $\begin{cases} \text{м.} \\ \text{ж.} \end{cases}$	-k -ø	-(a)k, -(i)k, -ku, -ki и др. -(a)m, -(i)m; -(i)kam, -(i)kam	-ka -ki
	3-е $\begin{cases} \text{м.} \\ \text{ж.} \end{cases}$	-f -s	-(a)s, -is, -(V)t -lit, -st, -tæ и др.	-sa/-shi -ta
Дв.	1-е			
	2-е			
	3-е			
Мн.	1-е	-n	-aḥ, -aḥ, -anaḥ и др.	-mu
	2-е $\begin{cases} \text{м.} \\ \text{ж.} \end{cases}$	-in	-(i)kun, -(i)kən, -kīm(a) и др. -(i)kunət, -(i)kənət, -kamət и др.	-ku
	3-е $\begin{cases} \text{м.} \\ \text{ж.} \end{cases}$	-w	-(a)sən, -(a)tən -(a)sənt, -(a)tənt	-su

пример на *humā* — самостоятельное местоимение 3-го л. дв.ч.: *wə ḥing-al-miḥlu bi luḡati ḥim̄yara yaqūlūna «humā ḥingāni» 'ayy miṭlāni* (Н/Ш, 25—30) '*a ḥing* значит «подобный» на языке химьяра, они говорят «они оба (дв.ч.) *ḥingāni*», т.е. два подобия»; в форме *hm'* передается слитное местоимение 3-го л. дв.ч.: ...*šrh̄m w-ḥw-hm' w-bnw-hm' qywl šhr̄n...* (Икл. X, 19) «...Шарахам, и брат их обоих, и сыновья их обоих, кайли Шахрана...».

Слитное местоимение 3-го л. мн.ч. м.р. в ряде химьяритских примеров отмечено как *-hm* : ...*bnw hgr-hm* (Икл. X, 19) «...они построили их город...». Однако при описании букв «муснадов» и их чтении сообщается следующее: ...*w yibtnw dmt ḥr ḥr ḥrf w-w'w «ly-hmw»* (Икл. VIII, Глава о буквах муснада) «...они сохраняют даму в конце слова (буквы) и «wāw» в выражении *lḏ-hmw*» и далее — о произношении: *w'm ḥ-lfz fyqr'h ḥl mkt w-mn š'kl-hm ḥy m' yḡb 'n ukwn mktwb' w lḏ tr'-hm yqr'wn «ly-hmw»...* (Икл. VIII, там же) «...что же до произношения, то жители Мекки и подобные им читают это так, как написано, поэтому ты видишь, <что> они читают *ly-hmw...*».

В современных йеменских диалектах самостоятельное местоимение 3-го л. мн.ч. обоих родов представлено на базе двух основ **hVn* и *hVm*; сохраняется и оппозиция самостоятельного местоимения по роду: м.р. *hVm* — ж.р. *hVn* [Behnstedt, 1985, с. 77]. Отме-

чено соответствующее распределение слитных форм [Behnstedt, 1985, с. 89].

Личные местоимения и местоименные клитики, отмеченные непосредственно как химьяритские, можно сравнить с местоимениями йеменских диалектов и других семитских языков.

1.2. Указательные местоимения

В арабских источниках отмечается одна форма, объясняемая как указательное местоимение: *ḏu 'ismu 'iṣāratin 'ila l-wāḥidati l-tu'annatati l-ḥādirati wa ḏu luḡatu ḥimyara fi l-ladī* (Н/Ш, 39) '*ḏu* — указательное местоимение единственного числа женского рода близкого нахождения, и *ḏu* — по-химьяритски '*allādī* 'который'.

Таблица 4

Указательное местоимение (краткая основа ближнего значения)
в семитских языках

Род	Язык								
	хим.	Сан'а	Таизз	Ходейда Йем. Д	сев.-зап. араб.	сев.- араб.	ЭЮА	гезз	тна
М.	—	<u>ḏa</u>	<u>ḏa</u>	da	*ḏV	<u>ḏā</u>	<u>ḏn</u>	zə	ḏzū
Ж.	<u>ḏy</u>	<u>ḏi</u>	<u>ḏi</u>	di	*ṛV	<u>ḏī(tī)</u>	<u>ḏt</u>	zā	ḏzā

Продолжение табл. 4

Род	Язык					
	мехри	сок.	арам. (библ.)	сир.	финик.	др.-евр.
М.	<i>dôm(e)/tôme</i>	<i>de^h</i>	<i>dī, dā(nā)</i>	<i>hān(a)</i>	<i>z(')</i>	<i>zē</i>
Ж.	<i>dīm(e)/tīme</i>	<i>deš/diš</i>	<i>dā</i>	<i>hād(e)</i>		<i>zōt</i>

Примечание. Для западносемитских ср. реконструкцию К. Брокельмана: **ḏā* — ед.ч. м.р., **ḏī* — ед.ч. ж.р., **l* — мн.ч. общ. рода [Brockelmann, 1916, с. 101].

Табл. 4 показывает, что система указательных местоимений в химьяритском должна входить в изоглоссу тех систем в йеменских диалектах и семитских языках, где оппозиция по роду выражается противопоставлением гласных **ā* : **ī* в отличие от *ḏ(V)* : *t(V)*-систем. Вторая система представлена в некоторых диалектах Север-

ного и Восточного Йемена и сосуществует в северноарабском с системой $\underline{d}\bar{a}$ / $\underline{d}\bar{i}$. Исторически оппозицию $\underline{d} : t$ можно отметить уже для периода создания надписи из ан-Намары, ср. начало текста *ty' nfs mr'l qys...* 'Это (ж.р.) — могила Имруул-Кайса...'.¹

Таким образом, родовая оппозиция по гласному является общесемитской и отражена в химьяритском. Оппозиция $\underline{d} : t$ представляется арабской инновацией.

По консонантно-вокалическому составу указательное местоимение ед.ч. ж.р. *dy* составляет одну изоглоссу с рядом йеменских диалектов и древнейшими простейшими демонстративами северноарабского, но противопоставляется эпиграфическим южноаравийским, эфиосемитским и остальным семитским языкам.

1.3. Относительное местоимение

Как указывалось выше, в отрывке *dy luḡatu ḥimyarā fī lladī* (Н/Ш, 39) арабские авторы сопоставляют с араб. *'alladī* хим. *dy* как относительное местоимение. В имеющихся текстах это местоимение встречается дважды, оба раза записано как *dy* и относится к лицу мужского рода: *dw hl qyl' dy dw gr ḡyl'* (Икл. II, 352) 'не является кайлем тот, кто не провел оросительный канал' или *dw zḡr dy <dw> ḥmyr* (Икл. VIII, 32) 'не отправляйся в Зафар тот, кто не знает химьяритского'.

Источники не сообщают об изменении формы *dy* по роду и числу. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в диалекте племени Тайй той же эпохи и ареала некоторые арабские источники описывают почти полную парадигму формы по роду—числу: *dw bi ma'na lladī — dāt bi ma'na llātī — dawāt bi ma'na llātī* с примерами: 1) *dw fy s-samā'ī 'arṣu-hu...* 'тот, чей трон в небесах...'; 2) *as'alu-ka bi-l-karāmatī dāt(a) 'akrama-ka llāhu bi-hā* 'я прошу тебя о милости, которой почтил тебя Аллах'; 3) *'l-'aynuqa dawāt ra'aytu 'indī* 'верблюдиц, которых я видел у себя', — и по падежам: *dū/dī/dā* (М/Н, 67—68). Ср. также данные в (С/Д, 108).

Другие источники отмечают, напротив, одну форму *dw* для дв. и мн.ч. и для женского рода [Лисан]. Последнее характерно и для других поэтических примеров: *fn 'l-m" m" 'by w gddy w b'ry dw ḥfrt w dw twyt* (С/Д, 108) 'ведь эта вода — вода моего отца, моего деда и моего колодца, который я вырыл и который я облицевал изнутри камнем', где относительное местоимение *dw* не согласуется в роде (*bi'r* 'колодец' — имя ж.р.) и не имеет формы вин. пад. (*dā*). В данном случае можно допустить, что речь идет о разных поддиалектах племени или о разных периодах, к которым относятся эти примеры. Нельзя также исключить, что на таййской системе форм отразилось влияние арабского языка, который имеет такую же парадигму для имени *dw* в значении 'обладатель'.

Однако главное отличие между химьяритским *dy* и таййским *dw* — это отличие по вокализму. Химьяритская форма также

может занять определенное место в общесемитской системе (см. табл. 5).

Таблица 5

Относительное местоимение ед.ч. семитских языков

Форма относительного местоимения	Язык										
	др.-евр.	арам.	сир.	КЛАЯ	Тайй	сев.-вост. йем. Д	юго-зап. йем. Д	хим.	саб.	геэз	тна
	$\underline{z\bar{u}}/\underline{z\bar{e}}$ $\underline{\bar{s}e}/\underline{s\bar{e}}$	$\underline{z\bar{i}}/\underline{d\bar{i}}$	$\underline{d\bar{e}}$	$\underline{allad\bar{i}}$ $\underline{allat\bar{i}}$	$\underline{dw}$ $(*\underline{d\bar{u}})$	$\underline{alladi}$	$\underline{d\bar{i}}$	$\underline{dy}(*\underline{d\bar{i}})$	$\underline{d}$	$\underline{z\bar{a}}$	$\underline{z\bar{e}}$

Сравнение наиболее характерных признаков местоименных систем химьяритского и наиболее близких к нему языков и диалектов показывает, что особенно резко он отделяется от классического арабского и северо-восточных арабских диалектов, но образует единство с южносемитскими системами как по фонетическим соответствиям, так и по типологии парадигмы.

В одном из уже упомянутых выше химьяритских текстов приводится относительное местоимение в форме дв. числа: *hy yhzn ldy mn dhk mwt* (Икл. II, 354) 'два брата Йахзана, которые от смеха умерли'. Поскольку другие признаки «наложения арабской системы» на химьяритский текст отсутствуют, это позволяет форму *ldy* рассматривать как: а) арабизованную, б) отражающую какую-то особую форму дв. числа. Ср., например, указание о том, что для племени Бил-Харис бен Ка'аб (Западный Йемен) характерны формы относительного местоимения дв. числа '*lqd*'/'*lt*' [ал-Гинди I, с. 65]. Следует отметить также наиболее архаичные формы относительного местоимения, включенные в грамматику классического арабского языка [Caspari, 1881, с. 216—217]. Возможно, что текст отражает усвоение нового артикля, который соединяется со старым относительным местоимением *dy*. Орфография местоимения не позволяет обнаружить в нем признаки дв.ч. (ср. графическое различие в сабейском *d* : *dy* — м.р. и *dī* : *dy* — ж.р. [Бауэр, 1966, с. 92]).

Современные йеменские диалекты представляют две большие группы, характеризующиеся по признаку относительного местоимения: (1) *'*alladī*' с вариантами и (2) *dī/dī* с вариантами (юго-восточные и крайний северо-западный районы). У К. Ландберга имеется замечание о функционировании относительного местоимения

di в городских диалектах Марокко и Северного Туниса (Land. Dat., 414—415).

Использование относительного местоимения *di* отмечено в диалектах некоторых племен Дасины: *u di bā yišrob yišrob...* (Land. Dat., 91, 1372) 'и тот, кто приходит пить, пьет...'; в других диалектах Дасины можно обнаружить совмещенные формы: *ille di yibā' yišrab* (Land. Dat., 91, 1372) 'тот, кто приходит, пьет', где относительное местоимение состоит из сев.-араб. *ille* + *di* и имеет фонетический перерыв между двумя компонентами в отличие от единой формы *'alladi/illi*. Ср. также развитие формы относительного местоимения на основе *mā* по аналогии с североарабской в одном из йеменских диалектов (р-н ал-Хугарийе) *al-ma* 'то, что': *'alla-di (di)* [Diem, 1973, с. 119].

Относительное местоимение *dī/di* в йеменских диалектах не изменяется в зависимости от рода и числа [Rossi, 1940; Али б.Зайд, с. 132].

1.3.1. В функции относительного в химьяритских примерах можно отметить также местоимение *mn* (**man*) 'кто', 'тот, кто': *li man mulku zafār li-himyar yaḥār* (Н/Ш, 30) 'у кого владение Зафаром, [тот] в Химьяр вернется' [варианты поговорки той же структуры см. (Иакут III, 576—577)]; или *f mn sm' by* (Икл. VIII, 135), *fnn m' sm' by* [Müller D.H., 1877, с. 20] 'и тот, кто услышит обо мне'.

Таблица 6

Относительное местоимение в семитских языках

Число	Род	Язык								
		акк.	эбл.	амор.	уг.	др.-евр.	Тель Амарна	финик.	арам.	сир.
Ед.	м.	šū šī ša	šu še ša'	šū	d/dt	{zū/zē, še/sə	'šr	z/š	zī/dī	dā
	ж.	šāt šati	šadu	šī	d/dt					
Мн.	м.	šūt	—							
	ж.	šāt	šadu							
Дв.		ša								
(тог) кто'		mannu	man		my	mī		my	man (библ.)	man

Продолжение табл. 6

Число	Род	Язык			
		КЛАЯ		Тайй	хим. ЙДД
Ед.	м.	$\underline{d\bar{u}}$ (Nom.) (?) $\underline{d\bar{t}}$ (Gen.) (?) $\underline{d\bar{a}}$ (Akk.)	} 'alladī	{ $\underline{d\bar{u}}$ (Nom.) $\underline{d\bar{t}}$ (Gen.) $\underline{d\bar{a}}$ (Akk.)	$\underline{dy}(*d\bar{i})$ $\underline{di}/di/'alladi/'il(li)$
	ж.	$\underline{d\bar{a}t}$			
Мн.	м.	$\underline{daw\bar{u}}/'ul\bar{u}$	'alladīna('allāī)	— $\underline{daw\bar{a}t}$	
	ж.	$\underline{dawatu}'ul\bar{a}t\bar{u}$	'allātī ('allāī)		
Дв.		$\underline{dawa}$	'alladāni		(?) $\underline{ldy}$
		$\underline{dawata}$	'allatāni		
'кто'		$\underline{man}$ (м.р.) $\underline{manah}$	} (ж.р.) } $\underline{man}$	$\underline{mn}$	$\underline{man}$ ($\underline{mah\bar{u}}$) ($\underline{mah\bar{i}}$)
	'(тог)	$\underline{manat}$ $\underline{man\bar{u}na}/\underline{man\bar{i}na}$ (мн.ч. м.р.) $\underline{man\bar{a}t}$ (мн.ч. ж.р.)			

Продолжение табл. 6

Число	Род	Язык						
		саб.	кат.	мехри	сок.	геэз	тна	саф. Намара
Ед.	м.	$\underline{d}$	$\underline{dw}/\underline{dm}$	$\underline{da}/\underline{de}/\underline{di}$ (шахри $\underline{d}$)	$\underline{di}$	$\underline{z\bar{a}}$	$\underline{z\bar{a}}$	$\underline{d}$ $\underline{dw}$
	ж.	$\underline{d\bar{t}}(t)$	$\underline{d\bar{t}m}$			$\bar{a}nta$		
Мн.	м.	$\bar{l}w/'ly$		$\bar{l}a/\bar{l}e/\bar{l}i$	$\bar{l}e/\bar{l}i$	$\bar{a}lla$	$\underline{z\bar{a}}$ ($\bar{e}l$) $\bar{l}e'/\bar{l}$	
	ж.							
Дв.		$\underline{dy}$ $\underline{d\bar{t}y}$				$\bar{a}lla$		
'кто'		$\underline{mn}$	$\underline{mn}$	$\underline{m\bar{o}n}$ $\underline{mon}$		$\underline{mann\bar{u}}$	$\underline{men}$	$\underline{mn}$

В йеменских диалектах отмечается *man* как вопросительное местоимение наряду с новообразованием *māhi* (м.р.), *māhi* (ж.р.) [Diem, 1973, с. 25, 78, 84, 138—139, 140—141].

Место химьяритских относительных местоимений в семитской системе показано в табл. 6.

1.3.2. В одном из химьяритских текстов можно отметить использование неопределенного местоимения 'ym': w 'ym' 'ntt

[Müller D.H., 1877, с. 20] '...[если] какая-либо женщина...', ср. саб. *mn-mw* 'кто-либо', *'hnn/'hnm/'hnmw/'hnm* 'кто бы ни', 'какой бы ни', а также майн. *'hn/'yhn* и кат. *'yū' yūnmw* [Бауэр, 1966, с. 95].

2. ГЛАГОЛ

2.1. Перфект. Личные формы

Наиболее характерным признаком перфекта в химьяритских текстах являются формы 1-го л. ед.ч. с окончанием *-k(V)*: *'n 'l-qy' ly šrh ḥṣn-k ḡmd'n b-m-bhm't* (Икл. VIII, 20—21) 'я, кайл Илшарах, построил Гумдан на скалах'; или *'nu šm't bnt dy mr'īd kunku 'q' waḥamku 'uwwl ly 'n-qšm...* [Müller D.H., 1877, с. 21] 'я, Шам'а, дочь Зу Марасида, бывало, если хотела, доставлялась мне зеленень...'.
 Формы 2-го лица в текстах не отмечены, однако приводятся другими арабскими авторами как пример особенностей языка выходцев из Йемена. Так, одному из химьяритских поэтов приписываются строки: *wa 'anšada li raḡūlin min ḥimyara*: «...*īlāmā 'aṣaykā...*» (С/Д, 256) 'и он процитировал одного из химьяритов: ...«уже давно ты бунтовал»'; или, как передает ал-Асма'и со слов поэта ал-Фараздака: *ra'aytu 'aṭābiyyan bi-makkata... wa ḥuwa yaqūlu: 'anka wahabka zā'idan wa mazīdan...* (С/Д, 257) 'я видел одного бедуина в Мекке... который говорил: «ты дал прибавляя и с добавкой»... *yurīdu 'anta wahabta* желая сказать «ты дал». Эти же источники приводят примеры на форму 1-го лица ед.ч. со слов Абу Зайда: *sami'tu 'aṭābiyyan yaqūlu li l-'aḥari 'su'ku bi-ka ḡannan* (С/Д, 257) 'я слышал, как один бедуин говорил другому: «я плохо о тебе подумал...» — *yurīdu: su'tu bi-ka ḡannan* — желая сказать: «*su'tu bi-ka ḡannan*»'.

Примеры на формы перфекта 2-го л. мн.ч. в источниках отсутствуют, однако парадигмы йеменских диалектов, сохранивших субстратные формы перфекта, и некоторых южносемитских языков с перфектом на *-k* свидетельствуют о том, что форма 2-го л. ед.ч. обязательно соответствует форме 2-го л. мн.ч. (см. табл. 7 «Личные формы перфекта в семитских языках»).

Учитывая, что сдвиг к палатализации окончания 2-го л. ж.р. ед.ч. распространялся в Йемене с северо-востока, можно предположить, что в собственно химьяритской парадигме это окончание еще сохраняло исконную форму **-ki*, которая характерна для центральной части данной изоглоссы: геэз, тигринья и ряд юго-западных диалектов Йемена.

Сдвиг к палатализации представляет периферийную субизоглоссу как для эфиосемитских, так и для южноаравийских (мехри, сокотри); в северо-восточных йеменских диалектах с перфектом на *-t* и на *-k* окончание *-(i)š/č* может отражать как южноаравийский

субстрат, так и вторичное явление палатализации по аналогии с восточноаравийскими арабскими диалектами с местоименной кли-тикой 2-го л. ж.р. ед.ч. на *-iš/-ič*.

2.2. Имперфект. Личные формы

Особенности личных форм химьяритского имперфекта могут быть рассмотрены с двух точек зрения: (а) морфонологической, (б) морфологической.

(а) Гласная префикса *y-/t-* в химьяритском может быть установлена только на основании предположения о западном распространении (по отношению к территории Аравийского п-ова) «хиджазской» изоглоссы *ya-/ta-*: *'ala luḡati man qāla: ta'lamu wa ti'lamu bi l-kasri luḡatu qaysin wa tamīmin wa 'asadin wa rabī'atin wa*

Таблица 7

Личные формы перфекта в семитских языках

Число	Лицо, род	Язык						
		акк. (пер- ман- сив)	др.-евр.	арам.	КЛАЯ	сев.-вост. йем. Д.	юго-зап. йем. Д	хим.
Ед.	1-е	-ku	-tī	-t	-tu	-t(u)/-k(V)	-t(V)/ -k(u)	-k(V)
	2-е { м.р. ж.р.	-ta -ti	-ta -t(i)	-t(a) -t(i)	-ta -ti	-t(a)/ -k(a) -ti/ -(i)š/č	-t(a)/ -k(a) -ti/ -ik/-ki	-ka *-ki
	3-е { м.р. ж.р.	— -at	— -a	— -t	-a -at	— -(a)t	— -(a)t	— -t
Мн.	1-е	-ni	-nū	-n(a)	-nā	-nā	-nā	-nā
	2-е { м.р. ж.р.	} tunu	-tém -tén	-ton -ten	-tum(ū) -túnna	-tū(m)/ -kum -tin(na)/ -kin	-kū -kun, -kūn	—
	3-е { м.р. ж.р.		-ū -a	-u -a	-ū -na	-ū -an/-ayn	-ū -an/-ayn	-u —

Число	Лицо, род	Язык						
		ЭЮА	гезз	тна	мехри	сок.	гафат	соддо
Ед.	1-е	-k	-kū	-kū	-k	-k	-h ^w	-ki/k ^w
	2-е м.р.	-k	-ka	-kà	-k	-k	-äho	-ko/-kã
	ж.р.	-k	-kī	-ki	-eš	-š	-š	-šin/-š
	3-е м.р.	—	-a	—	—	—	-ä	-o/-ä
	ж.р.	-t	-at	-t	-et	-(V)	-atta	-ätti/-at
Мн.	1-е	—	-na	-nà	-en	-in	-nä	-no/-nä
	м.р.		-kemmū	-kūm	-kem	-kim	-ku ^{wm}	-kāmūn/ -kamu
	2-е ж.р.	-*km	-kén	-ken	-kənn	-kin	-h ^w en	-kaman/ -kama
	3-е м.р.	-w	-ū	-ù	-em	—	-i ^w m	-mun/-əm
	ж.р.	—	-ā	-à				-man/-ma

‘āmmati l-‘arabi wa ‘amma ‘ahlu l-ḥiǧāzi wa ‘aqwāmin min ‘aǧāzi hawāzina wa ‘azdi s-sarrāti wa ba‘di ḥudayl fa yaqūlūna ta‘lamu... (С/Д, 329) ‘о языке тех, кто говорит ta‘lamu и ti‘lamu : с «касрой» — язык племен Кайс, Тамим, Асад, Раби‘а и всего простонародья арабов. Что же до жителей Хиджаза, некоторых ответвлений племен Хавазин, Азад ас-Саррат и некоторых из Хузайла, то они говорят ta‘lamu’.

Слова химьяритки: *‘an yakbarā* (С/Д, Т/Х) ‘чтобы он стал большим’, записанные арабским филологом VII—VIII вв. Амром ибн ал-‘Алā, отражают префикс -ya. Гипотеза А.Блоха относительно того, что в древнеарабских диалектах распределение гласных имперфектного префикса ya/yi зависело, по закону Й.Барта, от гласной основы, предполагает более ранний период развития арабских диалектов [Bloch, 1967, с. 22—29].

В общесемитской перспективе a — гласный префикса — представляется прасемитским [Introduc., 1964, § 16, 58], тогда как i — гласный префикса — возник позже, что в восточноарабских диалектах может быть связано с более широким явлением вокалической ассимиляции гласного первого слога; ср. западноарабские диалекты *‘alay-kum*, *min-kum*, восточноарабские *‘alay-kim*, *min-kim*, Хиджаз *ḍaḥika*, Тамим *dihika* и т. п. [ас-Салих, с. 103].

(6) С морфологической точки зрения в некоторых химьяритских формах имперфекта можно отметить появление дополнительных суффиксов *-n/-m*.

В позиции после пожелательной частицы *l-* эти формы можно сопоставить с модальной формой «усиленного наклонения» в классическом арабском *-an(na)* (ср. [Белова, 1985, с. 42—43, § 4.6.9. — 4.6.11]) при косвенном повелении или пожелании: *fl yhznn* ‘и пусть тот опечалится’ или *l ukwnn mwt-h’ hnġ mwtu* (Икл. VIII, 135) ‘и пусть будет ее смерть подобна моей смерти’ (ср. саб. *l-yknnn hmw ’strn* [Бауэр, 1966, с. 75] ‘пусть будут эти надписи’).

Однако формы на *-n* обнаруживаются в свободной позиции: *’qsmn ’ngwm ’brby’...* (Икл. X, 14—15) ‘я заклинаю весенние звезды...’ или *w ’n sryf nhdy’n w ’n tmyt nbsn* [Müller D.H., 1877, с. 17] ‘и серебром мы обуваемся, и шелком одеваемся’. Имеются также менее ясные формы *’dn twrdn nwf’n* (Икл. VIII, 92—93) ‘так, если ты явишься в Науфан’ и т.п.

Как уже говорилось, имперфект с дополнительным суффиксом *-n(n)* представлен как модальная форма в классическом арабском. Окончание *-n* характерно также для имперфектных форм в эпиграфических южноаравийских текстах и обусловлено торжественным стилем предписаний и утверждений [Бауэр, 1966, с. 72—73]; (Gr. I, 555).

В отрывке, передающем письменный текст, приведены две формы в значении пожелания или приказа: *hyhlm w hq’m* (Икл. II, 354) ‘пусть они придут и приведут...’ (подробнее анализ указанных форм см. [Белова, 1987, с. 156]).

Один случай имперфекта с окончанием *-m* в форме 3-го л. мн.ч. м.р. отмечен в йеменских диалектах: *yušūllumūh* (< *šll*) [Dietz, 1973, с. 140—141] ‘они несут его’. Однако в приведенном окружении это окончание не имеет какой-либо определенной функциональной нагрузки.

По функции и значению пожелательная форма на *-m* может быть сопоставлена только с одной формой, отмеченной для аккадского вентива (направительного наклонения) на *-m*, ср. реконструкцию из ассимилированной формы **’a-trud-am-kum-šu* ‘я прислал (сюда) тебе его’ [Дьяконов, 1967, с. 304—305].

Как окончание мн.ч. суффикс *-m* отмечается в некоторых южноаравийских (мехри) и эфиосемитских языках (гафат, соддо) (см. табл. 8).

В целом имперфектные формы химьяритского входят в парадигму общесемитского типа. По окончанию модального характера *-n(n)* химьяритская парадигма входит в субизоглоссу с арабским и ЭЮА.

По огласовке имперфектного префикса химьяритский, по-видимому, следует отнести к субизоглоссе, охватывающей западно-арабские диалекты, преимущественно — на территории Хиджаза и южнее — по побережью Красного моря.

Таблица 8

Показатели форм имперфекта в семитских языках

Чи- сло	Лицо, род	Язык						
		акк.	др.-евр.	арам. (сир.)	КЛАЯ	сев.-вост. йем. Д	юго-зап. йем. Д	хим.
Ед.	1-е	a-	'e-	'e-	'a...u	'a-	'a-/ni-	'(V)...n
	м.р.	ta-	ti-	te-	ta...u	ti-	ta-	t(V)
	2-е							
	ж.р.	ta...ī	ti...i	te...īn	ta...īna	ti...i(n)	ta-	t(V)
	м.р.	i-	yi-	ne-	ya...u	yi-	ya-	y(V)...(n)
	3-е							
Мн.	ж.р.	ta-	ti-	te-	ta...u	ti-	ta-	t(V)-
	1-е	ni-	ni-	ne-	na...u	ni-	na-/ni...u	n(V)...n
	м.р.	ta...ā	ti...ū	te...ūn	ta...ūna	ti...ū	ta...ū	
	2-е							
	ж.р.	ta...ā	ti...nā	te...ān	ta...na	ti-	ta...ain	
	м.р.	i...ū	yi...ū	ne...ūn	ya...ūna	yi...u(m)	ya...u, ya...ū	y(V)...(m)
	3-е							
	ж.р.	i...ā	ti...nā	ne...ān	ya...na	yi...a(ḡ)n, yi...en	ta-, ya...ain	

2.3. Императив

Как уже говорилось в разделе морфонологии, повелительная форма от первичной трехгласной основы в химьяритском сохраняет гласный (или гласный типа шва) в пределах первого слога основы (**səma* 'слушай'). На этом основании форма химьяритского императива может быть включена в общесемитскую изоглоссу, в которую входят также арабские диалекты Южной Аравии (Дофар, Дасина) (Gr. I, 544—545; Land. Daf., 1520) и диалект хассания [Завадовский, 1981, с. 36], но из которой исключаются классический арабский и большинство арабских диалектов.

В источниках приведены два примера императива от глаголов *prīmae w-*: *tib* (Н/Ш, 113) 'сидись!' и *fa hab la-hu* (Т/Х) 'даруй ему!', свидетельствующие, что химьяритские формы входят в общесемитскую изоглоссу императива от глаголов *prīmae w-* (Introduc., 164—165) наравне с аналогичными глаголами в ЭЮА (*yā'n* — перф. *wā'*, см. [Бауэр, 1966, с. 77]).

Чи- сло	Лицо, род	Язык						
		ЭЮА	гезз	тна	мехри	сок.	гафат	соддо
Ед.	1-е	—	'e-	ě-	a-	'e-	ǝ-	ǎ...(u)
	м.р.	—	te-	tě-	te-	te-	tǝ-	tǎ...(u)
	2-е		te...T	te...i	te...i	te-	tǎ...i	tǎ...(in)
	ж.р.							
	м.р.	y...(n)	ye-	y-	i-	yl-	yǎ...i	yǎ...(u)
	3-е							
	ж.р.	t...(n)	te-	te-	te-	ti-	tǎ-	tǎ...(i)
Мн.	1-е	—	ne-	ně-	ne-	ni-	ǝnnǝ-	nǎ...(u)
	м.р.		te...u	tě...ù	ti...em	te-	{tǎ...i ^w m	tǎ...mun
	2-е		te...ā	tě...à	ti...enn	te...in		tǎ...man
	ж.р.							
	м.р.	y...w(n)	ye...ū	y...ù	i...em	y-	{yǎ...i ^w m	yǎ...mun
	3-е							
	м.р.	t...n	ye...ā	y...à	ti...enn	te...in		yǎ...man

В одном из йемских стихотворений, приводимых Нашуаном, обнаруживается форма императива ед.ч. ж.р. : *yā ġahmaṭī bakkī 'ala 'ummi mālikin* (Н/Ш, 17) 'о, глаз мой, оплачь Умм Малик!'

В арабских источниках, посвященных языковым особенностям жителей Йемена, обращается внимание на особую форму повеления *fa'ālī*, которая как несистемный реликт входит также в арабскую лексику и грамматику [Caspari, 1881, с. 58]: 1) *ḥadāri bi ma'nā ḥdar mabniyyun 'ala l-kašši qālū bnu dī yazanin yasīru 'ilay-kumi fa ḥadāri min-hu...* (Н/Ш, 25) '*ḥadāri* в значении *ḥdar* «остерегайся» с неизменяемым окончанием на -i («касру»)... сказали: «Бен Зу Язан идет к вам, остерегайтесь его!»; 2) при объяснении названия йеменского города *zafāri* : *wa zafāri kusirat li'annahā 'uġriyat maġrā mā summiya bi-l-'amri ka qawlika: qaṭāmi wa ḥadāmi li'anna-hum miṭālun : qawāli wa naḏāri...* (С/Д) '*a zafāri* оканчивается на -i («касру»), потому что это название образовано по типу того, что называется повелением (приказом), как,

например, ты скажешь: *qaṭāmi* («откуси»), *ḥadāmi* («спеши»), потому что они по примеру *qawāli* («скажи») и *nazāri* («подожди»)'. Форма *fa'ālī* возводится к древнейшей форме семитского инфинитива *fa'āl*, употребление которого в функции приказа, команды или усилителя личной глагольной формы (в Akk с окончанием на *-i/-a*) отмечено для аккадского и древнееврейского (Gr. I, 345—346, § 131).

В эфиосемитских форма *fa'ālī* функционирует как причастие активного залога или имя деятеля: геэз *harāsi* 'пахарь', 'крестьянин', *nagāši* 'царь', 'правитель' (Gr. I, 345—346), тна *sebari* 'разбивающий', *zamarī* 'поющий', 'певец' [Conti, 1940, с. 51].

В йеменских диалектах также можно обнаружить эту форму в функции повеления-предостережения: *yā ḥadārah yā rawā'i mīn aṣ-ṣuḥb gabl al-a'rās* [Али б.Зайд, №56] 'берегитесь (о, берегущийся?), опасайтесь (о, опасующийся?) друзей больше, чем невест!'.
 Парадигматическая форма императива в йеменских диалектах соответствует арабской *ilim* [Али б.Зайд, № 63] 'паши!', *wa ḥmil ḥadāh* [Али б.Зайд, № 71] 'и неси его обувь', *arḡa* [Али б.Зайд, № 83] 'поворачивай'.

2.4. Породы

Анализ химьяритских текстов и упоминаний арабскими авторами древнейеменских особенностей свидетельствует о том, что в химьяритском были представлены все основные породы, характерные для таких языков, как классический арабский, ЭЮА [Бауэр, 1966, с. 80—84] и эфиосемитский, ср., например, *ḥsn* — передавалась арабскими раннесредневековыми авторами с показателем геминации (Икл. VIII, 20—21); III п. *ta'āla 'ufātiḥ-ka* (Н/Ш, 81—82) 'приходи, я рассужу тебя' (об особом южнойеменском значении глагола *fih* — III п. см.: Гул М. Древнейеменская лексика в классическом арабском и Коране. — Доклад на симпозиуме по йеменской цивилизации. Аден, февраль 1975), V п. *išly* [Müller D.H., 1877, с. 25] 'собираться', VIII п. *f 'tqdk* [Müller D.H., 1877, с. 20a] 'и я заточил себя', X п. известна по йеменскому термину от корня *ḥmr/ḥmr* 'закабалить', 'превращать в раба' [Пиотровский, 1985, с. 85], ср. саб. *ḥmr/ḥmr* 'раб'.

Особо следует остановиться на показателе IV п. — каузатива. Упоминая фонетические особенности языка йеменцев, арабские авторы приводят ряд примеров на соответствие йеменского /h/ арабскому /' / (гл. I.1.9): *hrq* — '*arāqa* 'он разлил', *haraḥtu d-dāb-bata* — '*araḥtu-hā* 'я отогнал вьючное животное', *hanartu n-nāra* — '*anartu-hā* 'я зажег огонь' (С/Д, 313—314). Сюда следует добавить и такие йеменские формы, как *hrs* 'зарывать', 'хоронить' [Rossi, 1939—1940], ср. араб. *rss* 'зарывать', 'хоронить'; йем. *hrd*

‘разорвать ткань, одежду’, ср. араб. *rdđ* ‘разломать на большие куски, части’; йем. *hzf* ‘сдувать (о ветре)’ — араб. *zff* ‘дуть’, ‘веять потихоньку (о ветре)’, йем. *hld* ‘оттаскивать’, ‘тащить’ — араб. *ladđ* ‘находящийся в стороне, на расстоянии’. Следует обратить внимание, что многие переразложенные корни как трехслогные включаются в большие арабские словари, что отнюдь не означает, что они исконно арабские.

Фонетические замечания арабских авторов и примеры некоторых йеменских форм позволяют установить, что химьяритский каузатив имел показателем *h*- и соответственно входил в изоглоссу *h*-каузатива (см. табл. 9).

Таблица 9

Показатель каузатива в семитских языках

Врем.	Язык					
	акк.	др.-евр.	арам. (сир.)	КЛАЯ	ЙДД	хим.
Перф.	ša-	h-	'a-	'a-	'a-	*h-
Имперф.	uša-	ya-	na-	yi-	y(u)-	*yuhā-

Продолжение табл. 9

Врем.	Язык						
	саб.	кат.	хасс.	мехри	гезз	тна	саф.
Перф.	h-	s-	sa-	ha-	'a-	a-	'-/h-
Имперф.	yh-	ys-	isa-	—	ya-	ye-	—

Формы спряжения химьяритского каузатива можно реконструировать по парадигме одного из немногих каузативов, зафиксированных в арабских словарях, глагола *harāqa* ‘разлить’: имп. *yuhriqu* (более арабизованная форма) или *yuharīqu* (исконная форма), ср. в хас. спряжение каузатива на *-s* : *i-sagbāl* [Cohen, 1963, с. 130]; повел. *harīqu* ‘alay-him ‘лейте на них’. Соответственно формы причастий: акт. *muhriq* (<**muharīq*) ‘разливающий’ и пас. *muhraq*/*mahrāq*/*muharāq* ‘разливаемый’, ‘разлитый’ (ср. в хас. акт. прич. *msagbāl*, пас. *musagbal* [Cohen, 1963, с. 131; также Caspari, 1881, с. 125, примеч].

2.5. Пассив — безличная форма

О том, что пассив выражает безличное действие, можно судить по примеру, приводимому Нашуаном со слов Ибн Дурайда: *wa ba'du l-yamāniyyūna yaqūlūna huzifa 'idā 'ur'ida* (Н/Ш, 109) 'некоторые йеменцы говорят *huzifa*, когда гремит гром' (букв. 'когда громыхает'), ср. противопоставление причастию активного залога: *wa yusammūna r-ri'data hāzifan* (Н/Ш, 109) 'и называют гром *hāzif*' (букв. 'грохочущий').

В целом сохранение формы пассива отмечается и в современных диалектах Йемена, ср., например: *ḥad qūtil hina?* 'кто-то был убит здесь?' или *qad ḥūliqat el-awādim* 'когда люди были сотворены' (Land. Dat., 67, 220).

2.6. Некоторые особенности глагольной морфологии

Арабские источники приводят ряд перфектных форм глаголов состояния со средней гласной *-i-*: *daḥiṣ-* (Н/Ш, 36) 'одрябнуть', 'искрошиться (о кости)' (ср. КЛАЯ *dḥs* 'быть мясистым'), '*akib-* (Н/Ш, 74) 'быть пыльным, дымным', '*alit-* (Т/Х) 'не хватать', 'недоставать чего-л.'.

Перфектные формы, относимые к химьяритским или йеменским, входят, таким образом, в хиджазскую морфонологическую изоглоссу перфектных форм, имеющих вокализм *a—i* типа *daḥika* [ас-Салих, с. 103] в противоположность восточной изоглоссе, представленной примерами из арабского диалекта племени Тамим с вокализмом *i—i* типа *ḍiḥika* [ас-Салих, с. 103].

В одном из текстов, приписываемых химьяритам, обращает на себя внимание передача перфектной формы глагола *mediae w-*: *ḥu yḥzn ldy min dḥk mwt* (Икл. II, 354) 'Два брата Йахзана, которые от смеха умерли'. Передача формы *mwt* через *w* может свидетельствовать о вокализме глаголов *mediae w-*. Как уже указывалось выше (1.2.), северноарабскому *ā* в юго-западном районе Аравийского п-ова соответствует *ō* в этимологической позиции (т.е. как рефлекс корневого *-w-*).

Возможно, что это явление сохранялось не только в именных формах (типа *ḥayōb*), но и в глагольных формах с открытым слогом, что соответствует средней ступени реконструкции вокализма в «пустых» глаголах арабского языка: ср. реконструкцию Н.В. Юшманова *qāla/qulta* < **qōla* < **qawala* [Юшманов, 1985, § 156]. Среднюю ступень вокализма сохранили перфектные формы глаголов *mediae w-*: геэз *mōtu* — 3-е л. мн.ч. м.р., *motku* — 1-е л. ед.ч.; тиа *moṭè* — 3-е л. ед.ч. м.р., *moṭkù* — 1-е л. ед.ч. и в открытом слоге имперфектных форм (в закрытом слоге *-mut-*). Вместе с тем некоторые источники отмечают, что для племени Тайй характерна (в

отличие от других арабских диалектов и классического арабского) имперфектная форма от того же глагола *yamāt-* (М/Н, 66).

Одним из показательных глаголов для химьяритской морфологии «пустых» глаголов является глагол *hwr*, который приводится в арабском источнике в химьяритской форме: *wa ḥāra yaḥāru luḡatu ḥim̕yara fī ḥāra yaḥūru idā raḡa'a. wa fī ba'di masānidi-him : li-man mulku zaḡāri li-ḥim̕yara yaḥāru* (Н/Ш, 30) '*ḥāra yaḥāru* по-химьяритски означает *ḥāra yaḥūru* 'вернуться'. В одном из их (химьяритов. — А.Б.) муснадов: «Кто владеет Зафаром — в Химьяр возвращается» (следует учесть, что саб. *hwr* 'поселиться', 'жить в каком-либо населенном пункте', геэз — 'идти', 'возвращаться'). Эта форма химьяритского имперфекта противопоставляется арабской форме, ср. в Коране: *inna-hi zanna 'an lan yaḥūra* (84 : 14) 'Ведь он думал, что не вернется обратно'. В арабской традиции глагол *yaḥūr-* трактуется как одно слово из эфиопского *lan yaḥūra* — *lan yarḡa'a bi l-luḡati l-ḥabaša* (Land. Hdr., 559). Однако К. Ландберг считает этот глагол распространенным на юге Аравийского п-ова в степени достаточной, чтобы не считать его заимствованием (Land. Hdr., 559).

В данном разделе интерес представляет не происхождение глагола, но его формы в перфекте/имперфекте: форма имперфекта *yaḥār* представляется более архаичной, чем форма *yaḥūr-*. Возможно, что в химьяритском отразился тот этап морфологического развития пустых глаголов, где еще различались формы переходных и непереходных глаголов, ср. хим. *yamāt-/yaḥār-* с араб. *yamūt-/yaḥūr-* (по аналогии с переходными *yaqūl-/yazūr-*). Переходные этапы отмечены для древнейших форм аналогичных глаголов в геэзе *yeḡor* (субъюнкт.), позже — *yaḡur* (субъюнкт.) [Dillmann, 1907, с. 94—95, § 50, с. 181—182, § 93].

Передача в химьяритском тексте глагола *ḥuw'n* 'мы жили' [Müller D.H., 1877, с. 17] также может свидетельствовать об особой форме перфекта глагола *ḥuw*, отличной от формы перфекта в классическом арабском *ḥayīya/ḥayya* — 1-е л. мн.ч. *ḥayīna/ḥayayna* [Юшманов, 1985, с. 74]. Так, в геэзе корневой -w сохраняется в перфектной и имперфектной формах : *ḥaiwa* < *ḥayēwa* ; *yaḡyawa* [Dillmann, 1907, с. 94].

2.7. Глагол-связка *hl*

В заключение раздела о глагольных формах химьяритского языка необходимо особо остановиться на форме *hl*, которую мы относим по ряду изложенных ниже соображений к категории глагола. Лексема *hl* интерпретируется как глагол-связка в приведенной выше (II.1.3) химьяритской пословице *dw hl qyl' dy dw gr ḡyl'* (Икл. II, 352—353) 'не является кайлем тот, кто не провел оросительный канал'. Автор источника переводит оборот *dw hl qyl'* на арабский как *laysa bi-malikin*, т.е. отрицательным глаголом-связ-

кой, отрицательным глаголом бытия *laysa*, который в КЛАЯ изменяется по лицам по парадигме перфекта. С точки зрения структуры, пословица представляет две симметричные части. Во второй части отрицание *dw* предшествует глаголу *gr* (**garra*) в форме перфекта. Соответственно в первой части отрицание *dw* также должно предшествовать глаголу в форме перфекта. О глагольном характере данной формы может свидетельствовать и форма винительного падежа последующего имени *quʾ*.

В современных йеменских диалектах, в частности в Адене, сохраняется реликт глагола в форме *halla*. Он употребляется с одной неизменяемой основой и в строго определенном и ограниченном контексте «наличия/отсутствия», например: *halla u ma-hallú-š mǝhammad?* [Белова, 1987, с. 157] 'здесь ли находится Мухаммад или нет?' (см. также [Selwi, 1987, с. 215]).

Химьяритский глагол *hl* имеет соответствия в эфиосемитских языках: геэз *halläwä/hallo* 'быть', 'существовать', 'быть в наличии', те *halla* 'быть', тна 'allo, аргобба *halla*, харари *hal*, амх. *allä*, гураге *alä* в берберских можно отметить реконструкцию общеберберской основы **illa/illi* 'быть', 'существовать' [Айхенвальд, 1987, с. 19] (см. также [Кямилев, 1968, с. 45—46]). Из кушитских ср. сомали *ooli* 'находиться' (о неодушевленных предметах).

В ЭЮА глагол *hl* не отмечен. В современных южноаравийских (мехри, шахри, сокотри) прямого соответствия глаголу *hl* не обнаружено. Можно лишь предположить следы однокорневого глагола в обороте шахри *telün lō* 'ее у нас нет' (Gr. II, с. 113); ср. пассив глагола сокотри *halōuwi* 'быть положенным, принесенным' [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 45].

В самостоятельном значении «быть», «существовать», «находиться» употребляется в геэзе: ...*zahallō ma'kala gannāt* [Старинин, 1967, с. 113, 115] '...которое (дерево) находилось посреди сада' (ср. также [Dillmann, 1907, с. 499—500; Gr. II, с. 104, 157]). Перфектная основа в геэзе отмечена с парадигмой личных окончаний: *halawat* (3-е л. ед.ч. ж.р.) 'находилась', *həya halōki 'ana...* [Dillmann, 1907, с. 500] 'вот нахожусь я...' (1-е л. ед.ч.). Отмечается и форма повелительного наклонения: *hallu* (ед.ч. м.р.), *halləwi* (ед.ч. ж.р.) 'будь' [Leslau, 1941, с. 74—75]. В языке тна основа 'allo и в языке те основа *halla* имеют парадигму личных окончаний перфекта [Leslau, 1941, с. 75—75; Gr. I, с. 582].

Префиксальные формы от данной основы в эфиосемитских языках не отмечены. Однако в сомали соответствующий глагол имеет префиксальную парадигму: *aal* (1-е л. ед.ч.), *taal* (2-е л. ед.ч.), *taal* (2-е л. ед.ч.), *yaal* (3-е л. ед.ч. м.р.), *taal* (3-е л. ед.ч. ж.р.), *naal* (1-е л. мн.ч.), *taalliin* (2-е л. мн.ч.), *yaalliin* (3-е л. мн.ч.) и др.

Другой формой, связанной с глаголом *hl*, мы считаем форму в химьяритском примере... *hy hlm* (Икл. II, с. 354) '...явитесь непременно', известную арабским лексикографам из диалектов Хиджаза, племен Тамим, Бану Са'ад и передаваемую как *halumta* 'при-

ходите', 'идите сюда' и т.п. В диалектах Хиджаза эта форма отмечена как неизменяемая (по числу, роду, лицу), в диалекте племени Тамим эта основа имеет парадигму личных окончаний (М/Н, 69—70): *halumta* (2-е л. ед.ч. м.р.), *halumtī* (2-е л. ед.ч. ж.р.), *halumtā* (2-е л. дв.ч.), *halumtū* (2-е л. мн.ч. м.р.), *halumtina* (2-е л. мн.ч. ж.р.). Лексикографы приводят также эти формы с окончаниями усиленного наклонения.

В химьяритском тексте (см. IV.1) мы рассматриваем эту форму как имперфектную основу с окончанием *-t* (см. II.2.2).

В арабских диалектах эта форма была переразложена по аналогии с парадигмой арабского глагола.

Вторым вопросом, связанным с формой *hū hlm*, в указанном тексте является вопрос о ее конкретной реализации. Эта форма может быть императивом, так как ей соответствует императив глагола *'i'ū* 'приходите', 'прибудьте', 'явитесь!' в арабском переводе. В такой конструкции форма *hū* в препозиции может быть интерпретирована как адвербиально-императивная частица **haūa* в значении 'сюда!'. Другой интерпретацией конструкции *hū hlm* является прочтение ее как **h-yhlm* 'пусть они придут (явятся)!', где *h-* может быть частицей или побуждения, или будущего времени. Ср. в йеменских диалектах формы будущего времени с префиксами *ha-/a-* [Каримов, 1973, с. 57—58], а также в египетском диалекте; и формы пожелания в йеменских диалектах *haūa ta' šapanzil...* [Али б. Заид, с. 131] 'пойдем со мной, спустимся...'. В случае второй интерпретации форма *yhlm* может представлять имперфектную основу от глагола *hl*, что не отмечено в упомянутых эфиосемитских языках.

Глагол *hl* как глагол-связка, управляющий винительным падежом (*dw hl qy'*), имеет прямое соответствие функции этого глагола в геэзе, где отмечается, что он управляет винительным падежом именного сказуемого [Старинин, 1967, с. 102; Dillmann, 1907, с. 441—442]. Вместе с тем глагол *hl* в геэзе и других эфиосемитских языках может употребляться как вспомогательный для дифференциации временных и видовых значений имперфекта основного глагола [Dillmann, 1907, с. 170—171; Gr. II, с. 157].

Наличие глагола *hl* в химьяритском (в арабских диалектах эти формы представляют субстратное явление) свидетельствует о существовании своеобразной изоглоссы, объединяющей химьяритский язык с группой эфиосемитских языков. Вместе с тем основа **hl* как в химьяритском, так и в эфиосемитских языках занимает изолированное положение в их морфологической и лексической системах. Этот глагол имеет неполную парадигму личных и временных форм, характеризуется отсутствием производных форм, т.е. разветвленного корневого гнезда, выполняет специфическую функцию в синтаксических структурах. При этом следует принять во внимание, что лексическое значение глагола *hl*, его синтаксическая (глагол-связка) и морфологическая (вспомогательный глагол при имперфекте основного полнозначного глагола или при отглагольном

имени) функции представляются идентичными и параллельными значению и функции общесемитского глагола *kwn* в упомянутых языках и в аналогичных контекстах.

Все названные выше особенности глагола *hl* могут указывать на его субстратное, несемитское происхождение в рассмотренной группе языков. Как вторичный, «химьяритский», субстрат этот глагол попадает в древнеарабские диалекты, в том числе в тексты классического арабского языка, и сохраняется в современных диалектах Йемена.

Наличие рассматриваемого глагола в химьяритском языке, единственном на территории Южной Аравии, указывает на особые языковые контакты, существовавшие между ним и эфиосемитскими языками, поскольку в ЭЮА и в современных южноаравийских следах однокорневого глагола не обнаружено.

3. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

3.1. Имя действия

Имена действия от основы I породы приводятся в арабских источниках преимущественно в двух формах *fa'āl*- и *fi'āl*: *'argū l-falāḥa wa lāta ḥīna falāḥi* (Н/Ш, 82) 'я надеюсь на спасение, хотя сейчас не время для спасения', *fi safāḥatin* (7 : 65) 'в неразумии'; *wa ḥimyarū tusammā 'aylūla ḍa širābin li'anna-hu fi-hi širāmu z-zar'i: šaraba z-zar'a 'ayy šarama-hu* (Н/Ш, 60) 'химьяриты называют сентябрь «зу сираб», потому что в этом месяце — сбор посеянного : *šaraba z-zar'a* «срезать посеянное»' (ср. саб. *šrb* 'сезон жатвы'); или *kalām dū l-kalā' al-ḥimyarī* «*alayka 'am-ra'u wa'alay-nā 'am-fi'āl*» [ал-Джунаби, с. 30] 'слова Зу Кала' ал-Химйари «тебе советовать, а нам — делать»' (ср. КЛАЯ мсд. I п. *fa'l/fi'l*); как химьяритская, комментируется в Коране форма *garāman* (25 : 65) 'испытание', 'бедствие', 'неизбежное наказание' (С/Д); Мухаммаду приписываются следующие слова, отражающие йеменский характер его ответа: *laysa min 'am-birri 'am-šiyāmu fi 'am-safar* [ал-Джунаби, с. 30] 'не является благочестием соблюдать пост в пути' (в КЛАЯ две формы — *šawm / šiyām*). Следует обратить внимание в Коране на форму масдара от глагола *ḥṣd* 'собира́ть урожай', 'жать': *uawma ḥaṣādi-hi* (6 : 141) 'в день его урожая' при том, что в КЛАЯ отмечены формы *ḥaṣd*- и *ḥiṣād*-. Форма *ḥaṣād*- расходится с формой, характерной для Хиджаза (*ḥiṣād*-, *qiṭāf*- 'жатва', 'урожай'; 'сбор плодов') [ас-Салих, с. 101—103].

Ср. имена действия в основных семитских языках: акк. *qatāl*, др.-евр. *qāṭōl*, араб. (библ.) *miqṭal*, араб. (сир.) *meqṭal/qatāl*, но геэз *qatīl(o)*, тна *meqṭal* [Старинин, 1967, с. 83; Gr. I, 345—346, § 131; Brockelmann, 1916, с. 130, § 207; Introduc., 146—147; Conti, 1940, с. 51]. Принимая во внимание вокалическую диссимиляцию, характерную для раннеарабского **fa'āl* > *fi'āl* [Brockelmann, 1916,

с. 91], следует считать для имени действия *fi'āl* исходной формой *fa'āl* в арабском. В химьяритском, в древнейеменских диалектах форма *fa'āl* могла существовать не как предшествующий этап развития, но как реальная форма, общая с северносемитскими. Возможно, что химьяритско-йеменская форма отражает отсутствие того типа вокалической диссимиляции, который был характерен для северноарабских диалектов.

В диалектах Омана и Хадрамаута также следует отметить функционирование формы *fa'āl(at)*, ср., например: Оман *tobāḥ*, КЛАЯ *ṭabḥ*, *ṭibāḥat* 'готовить', 'стряпать'; *ḥabāz-*, КЛАЯ *ḥabz-*, *ḥibbāzat* 'печь хлеб'; *ḥalāb*, КЛАЯ *ḥilāb/ḥalb* 'доить'; диалекты Хадрамаута: *ṣarāb* 'сбор урожая', 'жатва'; *ḥanāzat*, КЛАЯ *ḥanaz/ḥunūz* 'неприятный запах', 'вонь'; *ḥarābat-*, КЛАЯ *ḥirāb(at)/ḥarābat* 'развал', 'развалина', *maṭāt* 'потягивание' (Land. Dat., 74—75).

Если исходить из реконструкции К.Брокельмана: **qatāl* — общесемитская форма инфинитива (Gr. I, 345), то следует признать, что химьяритско-йеменская форма имени действия составляет древнесемитскую изоглоссу, которая включает северносемитские языки и древнеарабский, в то время как арамейские и эфиосемитские представляют инновации с префиксами (*me-/mi-*).

Для западно- и центральнойеменских диалектов в качестве имени действия I п. отмечается форма *fa'ūl*: *ḥarūt* 'пахота', 'пахать' [Goitein, 1934, с. XXII; Murad Kamil, 1963, с. 87]. По-видимому, долгий *-ū-* отражает йеменское произношение: *-ā-* > *-ō-*, где *-ō-* контаминируется в арабском адстрате с моделью *fu'ūl*.

Наиболее характерной йеменской формой являлась для арабских авторов форма имени действия от глагольной основы II п.: *wa kaddabū bi āyāti-nā kiddāban* 'и считали они ложью наши знамения лживо' [Коран, с. 474, 624]; *al-kiddābu luḡatun fī t-takdībi wa hiya luḡatun li ba'di 'ahli l-yamani yaqūlūna: kaddaba-hu kiddāban wa kallama-hu killāman* (Н/Ш, 90) '*al-kiddābu* — выражение для *takdīb*, это язык некоторых жителей Йемена. Они говорят: «счел он его лжецом без всякого сомнения» или «он поносил его поношением». Особая форма, отличная от арабской, требовала объяснения: *qāla l-farrā'u huwa bi-ma'na l-mubālagati 'ayy kaddabū takdīban 'aẓīman wa hiya luḡatun yamāniyyatun faṣīhatun* (Н/Ш, 90) 'по мнению ал-Фарра, это — в значении преувеличения (усиления), т.е. «сочли они великой ложью», и это — чисто йеменский язык'. Приводятся также образцы речи йеменцев: *'al-ḥalqu 'aḥabbu 'ilay-ka 'am al-qiṣṣāru* (С/Д, 261) 'бритье тебе больше нравится или стрижка?'

В йеменских диалектах XIX—XX вв. отмечается форма имени действия II п. *fi'āl/fu'āl* [Goitein, 1934, с. XXII; Murad Kamil, 1963, с. 87] как регулярная, например: *ṭullāb* 'попрошайничество', 'выпрашивание'.

Сравнительный анализ форм имени действия II п. также позволяет установить для йеменско-химьяритской формы определенную изоглоссу (см. табл. 10).

Таблица 10

Формы масдара II п. в семитских языках

Форма	Язык				
	акк.	др.-евр.	арам.	арам. (сир.)	араб.
	<i>quttulu</i>	<i>qattōl</i> , <i>qattēl</i> , <i>quttāl</i>	вав. <i>qattāl</i> -, <i>qattōl</i> -	<i>maqattāl</i> -	<i>taqtīl</i>

Продолжение табл. 10

Форма	Язык					
	хас.	саб.	йем.	Дасина	гезз	тна
	<i>təqtāl</i> , <i>təqtīl</i>	<i>t-</i>	<i>qittāl</i> , <i>quttāl</i>	<i>tiqtāl</i> , <i>taqtāl</i>	<i>qattēlō(t)</i>	<i>maqettāl</i>

Йеменско-химьяритская форма входит в общесемитскую изоглоссу, объединяющую как северо-западные, так и южносемитские языки.

Префиксальные формы объединяют арамейский (сирийский), сирийский, арабский, сабейский, тигринья, диалекты Дасины и хасании, причем последние объединяются в субизоглоссу по структуре имени действия. Н.В.Юшманов считает для арабского первичным типом форму *fi'āl* так же, как для V п. *tifi'āl* [Юшманов, 1985, с. 57], ср. диал. Дасина *temattāt* (V п.) (Land. Dat., 74—75) 'потягивание'.

Принимая во внимание системность формообразования, можно предположить, что имя действия V п. типа *tifi'āl*, характерное также для современных йеменских диалектов [Goitein, 1934, с. XXII; Murad Kamil, 1963, с. 87], отражает древнейеменскую форму, ср. в диалектах Дасины формы: *ta'allām*, *tawattāb*, *ta'awwāz* (Land. Dat. II, 539, 1396).

3.2. Причастие страдательного залога

К словам из языка Химьяра в Коране относят такие формы, как: *kitābun marqūṭun* (83 : 9) 'писание запечатанное' (в переводе И.Ю. Крачковского 'Книга начертанная!') [Коран, 1963, с. 481]); *qad kunta fīnā marḡuwwan qabla hādā* (11 : 62) 'На тебя среди нас полагались до этого' (в переводе И.Ю. Крачковского: 'На тебя мы прежде этого возлагали надежды среди нас') [Коран, 1963, с. 179]); *masnūn* (15 : 26, 28, 33) 'дурно пахнущий', *mahzūf* (Н/Ш, 109) 'унесенный ветром'. Приведенные примеры позволяют включить

химьяритские формы в изоглоссу страдательного причастия I п., ограниченную арабским и ЭЮА.

В одном из муснадов, текст которого передается в арабизованной форме, тем не менее можно предположить формы пассивных причастий производных пород: ...*malaktu...* 'alfa *nāqatin muzannamah* wa 'alfa *ḥigrin mu'lamah* wa 'alfa *baḡlatin musraḡatin mulḡamah...* wa 'alfa *šātin mukramah...* (Н/Ш, 78) '...я владел... тысячу верблюдиц меченых (надрезом по краю уха), и тысячу кобылиц меченых (цветными кисточками), и тысячу мулиц, оседланных и взнузданных..., и тысячу овец облагороженных (?)...' (*muzannamah* — форма пассивного причастия II п., *mu'lamah*, *musragah*, *musraḡah*, *mulḡamah*, *mukramah* — формы пассивного причастия IV п.).

Таблица 11

Форма страдательного причастия I п.

	Язык				
	амор.	др.-евр.	арам.	сир.	КЛАЯ
Форма	<i>qatīl</i> , <i>qatūl</i>	<i>qaṭūl</i>	<i>qəṭīl</i>	<i>qəṭīl</i>	<i>maqṭūl</i> (<i>qatūl</i>)

Продолжение табл. 11

	Язык				
	ЭЮА	гезз	тна	хим.	мехри
Форма	<i>m-</i>	<i>qəṭūl</i>	<i>qəṭūl</i>	<i>maqṭūl</i>	<i>qəṭōl</i> , <i>məqṭīl</i>

4. ИМЯ

При выявлении слоговой и вокалической структуры простейших именных основ химьяритского следует учитывать, что на эти формы, как правило, накладывается система арабского классического языка арабских источников, а в ряде случаев — хиджазская (западноарабская) система полногласия, распространившаяся на ряд йеменских диалектов. Вместе с тем некоторые точные передачи гласного и слогового состава наиболее типичных химьяритских имен дают возможность реконструировать систему их словообразовательных моделей и морфонологических особенностей.

В целом структурные модели простейших химьяритских именных основ соответствуют основным семитским и, в частно-

сти, — арабским. При этом мы учитываем изоглоссу краткогласия — полногласия, характерную для разграничения арабских диалектов в доисламский период на западные (хиджазский тип — полногласие) и восточные (Неджд — краткогласие). Эта изоглосса несомненно отражает типологически существенную характеристику языковых систем гласных окончаний именных и глагольных форм и связанных с ними морфологических категорий.

4.1. Простейшие основы

В арабских источниках в точной фонематической передаче зафиксированы следующие типы простейших основ:

1) qatīl: *ṣarḥ* 'здание', 'дом', КЛАЯ *ṣarḥ* 'высокое здание', 'крепость', геэз *ṣarḥ* 'верхнее помещение', 'этаж', 'храм'; *ʾadl* 'полевая крыса', КЛАЯ *ʾadal*; *madd-* 'голова', КЛАЯ *damd-*; *baḡs-* 'черный цвет';

2) qitl: *ʾiḡz-* 'пень', 'ствол пальмы', КЛАЯ *ʾaḡz-*, *ʾiḡz-*, *ʾuḡz-* 'пень', 'корень (пальмы)'; *tilm* 'борозда на вспаханной земле', КЛАЯ *talam*, геэз, те *tālēm* 'борозда', *widn* (Сифат), [Rossi] 'поле', 'участок земли', йем. (хадр.) *widn* 'участок продолговатой формы';

3) qutl: *quṣm* 'огородные овощи' (Н/Ш, 76), йем.-диал. *quṣm* 'овощи' [Glaser, 1923, с. 83], КЛАЯ *qaṣm* 'пища', 'корм', *qiṣm-*/*qaṣam-* 'недозрелые, но съедобные финики', геэз *qaṣām* 'заготовленные впрок плоды', гураге *qāṣām* 'чечевица'; *ʾuṭb-(at)* 'хлопок', КЛАЯ *ʾuṭb/ʾuṭub* 'хлопок'; те *ʾaṭub* (< араб.?) 'хлопок'; *šums* 'солнце', КЛАЯ *šams-*, йем. (хадр.) *šams*; *mulk* (Н/Ш, 30) 'власть', 'владение'.

В хиджазском (или более позднем диалектном произношении) *kuta* 'волк', КЛАЯ *kut-*.

4.2. Простейшие основы с суффиксами

1) qatlat : *balsat* 'фиговое дерево' (< *balas*), ср. геэз (мн.суф.) *bālāsāt*; *faḥqat/faqḥat* 'ладонь руки', 'подошва лапы', *qafat* 'корзина для переноски хлопка', *ḡahmat/ḥaḡmat* 'глаз' (Н/Ш, 17), КЛАЯ *ḡahmat-* 'глаз льва', 'глаз'; *zalfat* (Н/Ш, 46) 'сосуд', 'резервуар для воды', КЛАЯ *zalfat-*;

2) qitlat — в имеющихся материалах форма не обнаружена;

3) qutlat : *zulmat* 'темнота, наступление темноты' (Н/Ш, 68).

4.3. Двухгласные основы

1) qatal : *bazar* 'кольцо с печатью', 'перстень', КЛАЯ *bazar*, также *bazrat / bazram*; *marad* 'прелюбодеяние', КЛАЯ, диалекты *marad* 'болезнь'; *balas* 'смоковница', 'фиговое дерево', КЛАЯ

balas-; *zalaḥ* (Н/Ш, 46) 'прихрамывающая походка'; *salaf-* 'борона (?)', 'деревянное приспособление, которое тянут два быка при подготовке земли к посеву' (Н/Ш, 51), КЛАЯ *sulfat-* 'бороненное поле', *mislafat-* 'борона'; *haḡar* 'город', 'административный центр', ЭЮА *hgrt/hgr*, геэз, тна *haḡär*, амх. *agar*; *waṭan* 'межевой камень', 'стела', саб. *wṭn*, геэз, тна, амх., арг. *wāsan*, гаф. *wāsān*, харари *wāsān* 'граница', 'межа', йем. диал. *waṭan*;

2) *qatāl*, *qitāl* (см. имя действия): *qabāb-at-* 'пустыня'; ср. также *'iḡān* (йем.) 'шея', КЛАЯ *'iḡān-* 'шея', 'подбородок'; *ḡamāt* 'сикомора';

3) *qatīl* (*qatīl*): *'arim* / *'arīm* (Н/Ш, 71) 'плотина', 'запруда', в словарь КЛАЯ вошла форма ед.ч. как *'arimat-*; *'arīd* 'удаленный', 'далекий'; *'azīq* (? *'azēq*) 'выровненный участок земли', КЛАЯ *'azīq* 'низина', 'мягкая, ровная почва', геэз *'äzäqät* 'яма', 'углубление'; 'лу́жа', 'болото', др.-евр. *'izzāq* 'земля, выровненная граблями'; *'arīf* 'знающий', 'опытный', КЛАЯ *'arīf* / *'ārīf*; *zaḡīḥ* 'огонь' (Икл.);

4) *qatūl* : *batūl* 'земледелец', 'пахарь' [Murād Kamil, 1963, с. 83], йем. диал. *batūl* [Али Б.Заид, № 33; также Rossi]; ср. также йем. диал. *wadūn* 'работник на поле' (*widn* 'поле', 'обработанный участок земли' [Rossi]); *laḡūb* 'глупец', 'дурак', КЛАЯ *laḡūb-* / *luḡūb-* 'усталость', 'бессилие' (> 'неспособность'), *laḡīb-* 'имеющий слабую голову'; в Йемене функционирует в значении «усталость»: *ana luḡūbt* 'я устал', *luḡbān* 'усталый' (Land. Ḥḡr., 340—341). Ср. в тексте: *samī'tu 'a'rābiyyan yamāniyyan yaqūlu: fulān laḡūbun... qultu : ma l-laḡūbu? qāla: al-aḡmaq...* (С/Д) 'со слов Абу Амра: я слышал, как один йеменец говорил: «такой-то *laḡūbun*... я спросил: «что такое *al-laḡūbu?*», он ответил: «*al-aḡmaq* (дурак, глупец)»'.

В арабской филологической традиции модель *qatūl* трактуется в двух значениях: 1) имя пассивного значения, 2) имя со значением интенсивного качества или признака [Caspari, 1881, с. 122—123]; эти имена, как имеющие оба значения, рассматривал Н.В. Юшманов [Юшманов, 1980, с. 80], ср., например, в арабских словарях: *ḡalūb* 'доносящий'; 'та, кого доят'.

Смешение двух значений может быть объяснено исторически, как абсорбция арабской лексикой близких по типу моделей из другой морфологической системы, сохранивших противоположное страдательному значение. Противоречивость двух значений одной модели потребовала от арабских филологов специальной дополнительной классификации форм и выделения модели *qatūl* (*qātīl*), как имеющей значение интенсивного признака или качества (ср. араб. модель *qatīāl-*). В йеменских диалектах можно обнаружить и другие примеры субстратной модели: *radūf* 'подпорка', 'опора', *warūd* 'запас воды', 'водоснабжение' (Land. Ḥḡr., 735).

5) *qātūl* : функционирует как фонетический вариант модели *qatūl*, так как оппозиция а : ā в первом безударном слоге нерелевантна: *bāqūrat* 'корова', КЛАЯ *baqarat*, саб. *bqr* (кол.), акк. *buqār* (уменьш.) 'телец', др.-евр. *bāqār* 'скот', араб. (иуд.) *baqart* 'скот',

сир. *baqr-* [СИСАЯ I, с. 63, § 79], мехри *baqerīt* 'корова'; *fāḡūš* 'четыреугольная деревянная доска с четырьмя отверстиями, через которые продергивается веревка, — приспособление для орошения'; *kābūl* 'охотничья сеть', 'силки', 'западня' (ср. геэз *kābalo* 'крючок', 'круг', 'обруч').

В арабском формы модели *qātīl* редки и считаются заимствованиями из арамеосирийского, в котором эта модель служит для обозначения инструмента, орудия действия и т.п.; араб. *nāqūs* < сир. *nāqōš-ā* 'церковный колокол' и т. п. (Gr. I, 343, § 128).

4.4. Основы с геминированным C₂

1) *quttāl* — арабские авторы со слов Ибн Дурайда сообщают: *wa kubbār fī wazn fu‘al wa hiya luḡatun yamaniyyatun; ‘ahlu l-yaman yusammūna r-raḡūla l-kabīra kubbāran... wa sami‘tu raḡulan yaqūlu ‘am-šayḥu ‘m-kubbār»...* [ал-Джунаби, с. 30] '*kubbār* — по модели *fu‘āl*, это — йеменский язык. Жители Йемена называют старого (*kabīr*) человека *kubbār*... я слышал, как один говорил «старый (*kubbār*) шейх...»'; ср. также '*adadun kuṭār-/kuttār* 'большое количество', где *kuttār*- объясняется через *kaṭīr* 'многочисленный'; *fuqqāḥat* 'ладонь руки' (ср. йем.-хим. *faqḥat*), КЛАЯ *faqāḥat*, *qunnāḥ* 'крюк; 'гарпун', КЛАЯ *qunnāḥat* 'длинный загнутый ключ'.

Арабский словарь включает и ряд других примеров модели *quttāl*, которая рассматривается как модель усилительного признака от первичной модели *qutal* (Gr. I, 362). Тем не менее эти модели сосуществуют в арабской лексической системе наряду с собственно арабскими: *ḥussān-/hasan/hāsin* 'красивый', *ḥuffāf-/ḥufāf/ḥafīf* 'легкий', 'быстрый', *kurrām/karīm* 'благородный', 'щедрый'.

По интерпретации указанной модели в арабских источниках, в речи йеменцев модель *quttāl* имела нейтральное значение признака. Появление параллельных форм в арабском словаре привело к их семантической дифференциации и указанному выше теоретическому объяснению.

Модель *quttāl* с нейтральным значением (т.е. не составляя оппозицию по семантике или грамматическому значению с какими-либо иными однокорневыми именными моделями) характерна для арамейского, ср. *bizzūz* 'разграбление', *rukkāb* 'составление' [Церетели, 1982, с. 146], обозначение цвета: '*ukkām* 'черный', *urrāq* 'зеленый', *ḥiwwār* (сир.) 'белый' (Gr. I, 362).

2) *qittawl* — химьяритско-йеменская модель; имена, приводимые в текстах, связаны с обозначением животных: '*illawd* (Н/Ш, 75) — фонетический вариант '*llawš* 'шакал', 'волк'; в арабские словари вошло в форме *laʿwad*, *laʿwas* [относительно формы '*illawš* в арабском комментарии отмечается, что последовательность *l-š* противоречит арабским правилам, по которым «*šīn*» может только предшествовать «*lām*» (С/Д)]; смешение латералов и метатеза в передаче может свидетельствовать о чуждой арабоязычным авторам

морфологической и лексической форме: *qillawb* [ал-Кали I, с. 136], *qillūb* (Н/Ш, 17) 'волк', в арабских словарях также приводятся варианты: *qilāb-/qalūb/qallūb/qillīb* (ср. в куш. кафичо *boḳḳalloo*).

Чуждая лексема передается разными авторами по-своему, но подтягивается по аналогии к известной и привычной модели. Форма *qalūb* интерпретируется для арабского как результат ассоциации через аллотеузу: *kalb* 'собака' — *qalūb* 'волк' [Майзель, 1983, с. 256, 1(4)].

В арабских словарях можно обнаружить также: *'iḡḡa'* 'теленка', ср. КЛАЯ *'iḡl*, уг. *'gl*, др.-евр. *'ēgāl*, араб. (сир.) *'egl*, геэз *'əg'əl* 'детеныш животного', *'əg'əl-at* 'телка', те *'əgal* 'теленка', куш. **gāl(l)* 'теленка', омот, омето (воламо) *gallua* 'теленка' [Милитарев, Шнирельман, 1984, с. 6, № 8], *ḥinnawṣ* 'поросенок'.

Лексика, обозначающая животных, была воспринята в лексико-морфологической системе арабского языка как инвентарь именных форм особой модели, за которой закрепилось значение презрительной оценки [Юшманов, 1985, с. 43]; (Gr. I, 362).

Вместе с тем сложная слоговая структура именных основ модели *qittawl*, отсутствие аналогичных моделей в других семитских языках (только лексема *'iḡḡa'* имеет достаточно явное соответствие в эфиосемитских, отражая, по-видимому, огубленную эфиосемитскую фонему *g^w* в *'əg'əl*; огубленность в других примерах не может быть допущена) позволяют считать эту лексику и соответственно ее морфологическую модель — субстратной (или адстратной).

4.5. Четырехсогласные основы

4.5.0. Четырехсогласные именные основы приводятся в текстах ал-Хамдани и ан-Нашуана с переводом их на арабский или с их объяснением по-арабски. Такой порядок подачи лексики позволяет предположить, что конкретные лексемы воспринимались как слова, чуждые и непонятные арабоязычному автору или читателю. В одних случаях авторы отмечают слово как «химьяритское», в других — как «йеменское», а в третьих — без указания отнесенности к языку или народу и дают ему объяснение как непонятному для читателя.

В парадигму геминированной основы глагола и имени (II порода в арабском) и производных форм от нее включаются по аналогии редулицированные основы, образованные от двухсогласной основы, а также четырехсогласные основы различного происхождения.

Как указывалось выше, четырехсогласные основы по происхождению неоднородны. Наиболее общим условием развития четырехсогласных основ на базе редуликации предполагается устная, разговорная форма языка [Murad Kamil, 1963, с. V—VI]. Вторым внешним источником их развития как в химьяритском, так и в

других семитских являются заимствования и субстратная лексика; третьим, историческим, источником можно считать древнюю общесемитскую лексику, производную на базе древних, возможно, афразийских аффиксов [Юшманов, 1938, § 16—20].

Конкретные способы образования и ближайшие причины образования четырехсогласных основ рассматриваются как:

а) фонетические — расподобление геминированного C_2 за счет полугласных u/w (Gr. I, 344) и плавных носовых, а также r , b [Юшманов, 1985, § 9a];

б) морфологические — редупликация двухсогласной основы, переразложение производных основ с включением префикса ($'$ -, h -, sa -, ta -, ma -) или суффикса ($-t$ -, $-m$ -, $-n$ -, $-r$) в состав консонантной корневой основы (см. также *Introduc.*, III, B-2).

4.5.1. В химьяритском и йеменских диалектах четырехсогласные основы составляют в основном именную лексику. По значению среди них можно выделить несколько групп: 1) названия признаков и качеств — прилагательные; 2) названия животных (четырёхсогласные основы характерны для этой лексической группы) (*Introduc.*, 84); 3) названия растений; 4) названия некоторых предметов материальной культуры.

4.5.2. Именные четырех- и пятисогласные основы передают большую или превосходную степень признака или качества: *ḥidrim*- 'отважный', 'щедрый (о человеке)', 'изобильный' (Н/Ш, 33); *šarḡa*- / *šar'ab*- / *šawda*- 'длинный' (Н/Ш, 54); *samayda*, *šindīd*- (Н/Ш, 52, 63) 'благородный', 'могущественный (о человеке)', *amarrat*- 'сильный', 'могучий', 'длинный' (Н/Ш, 77); *duḡum*- 'сильный', 'крепкий' (Н/Ш, 64—65); *hamaysa*- 'сильный', 'непобедимый' (Н/Ш, 110); *haḡ'amat*- 'отвага и сила' (Н/Ш, 109); йем. *kuršūm* 'уродливый', 'безобразный' (ср. *karšamat*- 'лицо').

К обозначению крайней степени признака можно отнести и некоторые названия-эпитеты: *ḡawšan*- 'грудь', 'броня', 'панцирь', 'кираса' (Н/Ш, 21); *ḡayšūm*- 'нос' (Н/Ш, 33), ср. название носа на крайнем юго-востоке Йемена *ḡuṣm* [Behnstedt, 1986, карта 46]; также *ḡurṭūm* 'нос' (Т/Х), ср. также КЛАЯ *ḡaṭm*, др.-евр. (постбибл.) *ḡōṭām*, араб. (иуд.) *ḡōṭem* 'нос' [Майзель, 1983, с. 218], ср. также йем. (хадр.) *ḡrīm* 'рычать', 'гудеть', 'ворчать' (Land. Ḥḡr., 564) и КЛАЯ *mḡt/nḡt* (мет.) 'сморгаться'; *aranḡaḡ*- название Химьяра (Н/Ш, 70), по-химьяритски значит 'старый' (С/Д); *arandas*- 'огромное (как поток) войско' (Н/Ш, 70); *tiḡmās* 'голова' (Т/Х); *šunturat*- 'палец' (Т/Х).

4.5.3. Собственно именные основы, обозначающие животных: *hiḡris*- 'лисица', 'мелкий ночной зверь' (Н/Ш, 109), *illawad*- 'шакал' (Н/Ш, 75), *illawš*- 'шакал' (С/Д); *qillawb/qillūb*- 'волк' [ал-Кали I, с. 136]; йем. *šuntu*- 'волк' (Т/Х); *ta'lūf/tu'lūf*- (Т/Х) 'крупная рыба'; *umkūs*- / *ukmūs*- / *ku'sūm/kas'ūm/ka'sūm* (Н/Ш, 74, 93) 'осел', ср. также *ayūm*- 'гиена', 'слон'; ср. йем. *šafdaḡat*- 'маленькая лягушка', араб. *šarḡ*- 'маленькая лягушка'; *ankabūt*- / *ankabāt*- 'паук' (С/Д); *qinṭir*- (?) 'кузнечик'.

4.5.4. Названия растений, их частей и плодов: *bulsun*- ‘чечевица’ (Н/Ш, 69), *ḡulḡulān*- (Т/Х) ‘плод кориандра’, ‘*uslūḡ*- ‘молодой ствол’, ‘росток из ветви’ (С/Д, 289), *fayḡal*-/*fayḡan*- ‘рута’ (С/Д), *firsik*- ‘персик’ [ар-Рази, 109; ал-Гинди, с. 399] (отмечен также *firsik* в диалекте Сан’а [Rossi, 1939, с. 166]), *ṭiqrid(a)* ‘семена’ (С/Д), *quṣ’ūr*-/*quṣ’ur*- ‘огурец’ (С/Д), *ṣurmūḡ* ‘колосок’ (Land. Hdr., 621), *qaṣqaṣīr* ‘трава гиргир’ (С/Д); ср. также йем. *kabzarāh* [Goitein, 1934, № 396] (мет. *kuzbarat*-) ‘кориандр’, *hurhūr*- ‘осыпающиеся ягоды винограда’, ‘виноградные косточки’ (С/Д), ср. также йем. в том же значении *hurār*- (С/Д); *ḡirya*- ‘листва, сбитая ветром’ (С/Д).

4.5.5. Названия предметов материальной культуры представлены лексикой иноязычного происхождения: ‘*iqūd*- ‘ключ’ (< греч.) (Н/Ш, 88); [Белова, 1989], ‘*usūr*- ‘книга’ (Т/Х); ср. также ‘*ubrūd*-/*umrūd*- ‘вид браслета’ [ар-Рази, с. 112]; *hibriziyy*- ‘чистое золото’, ‘*aṣḡad*- ‘драгоценные камни’, ‘золото’, ‘жемчуг’, *namraq*-/*nimriq*-/*numruq*- ‘подушка для седла’ (Н/Ш, 108), *siriṭrāt*- ‘для сладкого блюда из крахмала, воды и меда’ (Н/Ш, 49), ср. КЛАЯ *sriṭ* ‘глотать’, *surayṭ*-/*sarāṭāt*- ‘вид блюда из фиников со сливками’.

4.5.6. Структура четырехсогласных основ.

Морфологическая модель и слоговая структура йеменско-химь-яритских четырехсогласных основ имеет ряд особенностей.

4.5.7. Морфологическая модель *fawḡil*/*fay’al*, которую нельзя объяснить расподоблением гемината или сходных согласных (ср. Gr. I, 344) : *ḡawṣan*- (Н/Ш, 21) ‘верхняя часть груди’, ‘латы’, ‘панцирь’; *ṣwhṭ* [Rossi, 1939] ‘большой палец’, ‘дюйм’ — **ṣawḡaṭ*; *nawraḡ*-/*nayraḡ* — йем., (С/Д) ‘прибор для дробления пищи’, араб. — ‘сошник’, ‘лемех плуга’, ‘вилы из железа или дерева’, ‘орудие для молотбы’, йем. *faylam* (С/Д) ‘большой гребень’. Ср. в тексте Корана аналогичное образование: *innā ’a’ṭaynā-ka l-kawṭara* (108:1) «поистине, Мы даровали тебе обильный», где форма *kawṭar*- является параллельным образованием к формам *kaṭr*-/*kiṭr*-/*kuṭr*-/*kaṭrat*-/*kiṭrat*-. Ср. также *ṣawza*- ‘длинный’ (Н/Ш, 54) и глагольную основу *zawḡam* ‘вызвать насморк’ (Land. Hdr., 383), ср. араб. *zkk/zkm* ‘насморк’, ‘иметь насморк’; ср. также фонетические варианты с метатезой к ‘*illawḡ* (Н/Ш, 75) : *la’wad*-/*la’waṣ*- ‘помесь волка и собаки’.

4.5.8. Двухсложные модели четырехсогласных основ в химья-ритском и йеменских диалектах имеют, как правило, долгий гласный в последнем закрытом слоге, что свидетельствует о его ударности: *ṣindīd*- ‘вождь’, ‘предводитель’ (Н/Ш, 63), ср. в арабских словарях параллельные формы *ṣindid*-/*ṣindīd*-; *ḡurṭūm*- ‘нос’ (Т/Х), ср. в арабских словарях *ḡurṭum*-/*ḡurṭūm*-, а также производную форму *ḡurṭumān*- ‘длинный’, ‘большой’ с краткогласной основой. Ср. свидетельство средневековых авторов о соответствии арабскому *minḡir*- ‘ноздря’ формы *minḡūr* подобной ‘*uṣūr*- в племени Тайй (Т/Х; С/Д); ср. также параллельные основы в арабских словарях к

хим. *ka'sūm-* 'осел' (Н/Ш, 74) — *ka'sam-*; однако ср. *šumrūḥ-* 'ветвь пальмы или лоза с плодами' (Land. Hdr., 1901), которая имеет в арабском параллельную форму с долгим *ā*: *šimrāḥ-*; ср. также *'unḡūḡ-* 'животное с длинным туловищем' и геэз *'āngug* 'ящерица' с ударением на последнем слоге [Старинин, 1967, с. 25].

Если в арабском модель $C_1uC_2C_3ūC_4$ в ряде случаев рассматривается как пейоратив или диминутив (Gr. I, 366; Land. Dat. II, 1162—1163), то в химьяритском, как и в современных йеменских диалектах, она является лишь фонетическим новообразованием без дополнительного лексико-грамматического значения.

4.5.9. По аналогии с четырехсогласными основами двухсложной структуры с двумя закрытыми слогами и ударением на последнем слоге $C_1VC_2C_3VC_4$ в химьяритском возникают вторичные формы множественного числа: *'umlūk-* 'цари' (С/Д, 290), *'uḥmūr-* 'химьяриты', *'uḥbūs-* 'эфиопы', *'ubrūd-/umrūd-* 'браслеты' [ар-Рази, 112]. Некоторые переосмысленные формы мн.ч. вошли в арабский словарь как вторичные формы единственного: *'uḥdūd-* (Н/Ш, 31) 'ров', а также (Таб. I, 925); ср. первичную форму ед.ч. *ḥadd-* 'борозда', 'желоб', 'впадина' (мн.ч. *ḥudūd-*); *'usūr-(at)* 'книга', 'история', 'сказание' (Т/Х) (вторичная форма мн.ч. *'asūr*) от формы первичного ед.ч. *saṭr-/saṭar-* 'написанная строка' (первичные формы мн.ч. *suūr-*, *'asūr-*, *'asūr-*). Ср. также в Йемене форму *'umlūḡ-* 'дикие финики' (Land. Dat., 1162—1163) наряду с формой *mulḡ-* в том же значении. В одном из хадисов передаются слова йеменской делегации, прибывшей к пророку Мухаммаду: *saqaṭ l-'umlūḡ wa māta l-'uslūḡ* (С/Д, 289) 'осыпались финики и отсохла ветвь', где с формой *'umlūḡ* рифмуется *'uslūḡ* с ударением на конечном слоге в отличие от параллельной формы, отмеченной в арабских словарях *'usluḡ*.

4.5.10. Арабские средневековые филологи отмечают форму *'umlūk-* как «химьяритскую». Тем не менее ее можно рассматривать лишь как новообразование, т.е. фонетический вариант формы *mulūk*, но не ее префиксальную форму. Сильное конечное ударение в модели $C_1uC_2ūC_3$ привело к падению краткого гласного в первом слоге. Возникший консонантный кластер разрешается появлением вспомогательного гласного, уподобляющегося по тембру долгому ударному гласному основы (по типу образования формы повелительного наклонения глаголов I породы в арабском: *u-ktub* 'пиши', *i-drib* 'бей' и т.п.). В отличие от глагольных форм в арабском именные новообразования в химьяритском закрепили не протетический гласный, а постоянный вспомогательный слог, «прикрытый» хамзой: ср. аналогичный анализ подобных форм у К. Брокельмана (Gr. I, 371).

Вместе с тем можно допустить, что именно в химьяритском наиболее регулярной моделью образования ломаного множественного от трехсогласных основ была модель $C_1uC_2ūC_3$ в отличие от сабейского, где преобладает форма **aC_1C_2āC_3/*aC_1C_2uC_3(-at-)* [Бауэр, 1966, с. 56]. Модель $C_1uC_2ūC_3$ могла составлять исконную

изоглоссу между химьяритским и, возможно, катабанским [Бауэр, 1966, с. 56] и североарабским [ср. форму мн.ч. в надписи из ан-Намары (328 г. н.э.): *mlwk-hm* 'их царей' и *'l-š'wb* 'общины'] или возникнуть под сильным субстратным влиянием южноарабских языков.

4.6. Именные основы с префиксами

Система префиксальных основ в химьяритском и в йеменских диалектах в целом соответствует по инвентарю и слоговой структуре общесемитским префиксальным моделям. Более ограниченную изоглоссу составляет модель $'a-C_1C_2aC_3$ с префиксом $'a-$, которая объединяет химьяритский с южноарабскими эпиграфическими, с арабским, а также с североарабским эпиграфическим.

4.6.1. Префикс $'a-$ отмечается в именах людей химьяритского происхождения и исторических лиц, правителей Химьяра: *'as'ad tubba'* [Müller D.H., 1877, с. 15—16], *bn 'rhb* 'Ибн Архаб' [Müller D.H., 1877, с. 24—25]; *'ymn bn bi' bn hmdn* (Икл. X, 20) 'Айман, сын Б. сын Хамдана'; *manāzil 'aḥwar* (Икл. VIII, 97) 'резиденции 'Ахвара'; *banū-l' aš'ar* — название племени в Йемене (Сифат 134, 135); *'ayham* (Н/Ш, 119) — название горы (ср. [Бауэр, 1966, с. 44—45; Белова, 1985, гл. II, § 3,4,§ 9.1]).

Именные формы с префиксом $'a-/$ -, обозначающие цвет или телесный признак, в химьяритских текстах или лексике, относимой к собственно химьяритскому языку, не обнаружены. В йеменском словаре представлены такие прилагательные: 1) формы, отмеченные как собственно йеменские: $'a'saḡ$ 'лысый' — в диалектах Сан'ы и окраинных районов Йемена (С/Д); $'a'kaḥ$ 'кривой', $'ašwar$ 'тугой на ухо', $'aḡtam$ 'пестрый' — диалект Хадрамаута (Land. Ḥḡr., 661); 2) формы общепарабского инвентаря (названия цвета, компоненты сравнительной конструкции): $'aḥmar$ 'красный', $'aškal$ 'лучше' и др.

Химьяритские формы имен собственных с префиксом $'a-$ включают химьяритский в субизоглоссу, охватывающую не все южносемитские языки: ЭЮА, североарабский эпиграфический, арабский и арабские диалекты. Отсутствие химьяритского материала по прилагательным цвета и признака не позволяет установить более общую изоглоссу модели $'aC_1C_2aC_3$, которая ограничена в настоящее время арабским языком и арабскими диалектами. Отдельные формы в других семитских языках не представляют регулярных образований ни для имен цвета и признака, ни для форм элатива/суперлатива (Gr. I, 372—373; *Introduc.*, 80).

4.6.2. Префикс $ta-$ частично рассмотрен в разделе об отглагольных именах. Наиболее характерной формой с указанным префиксом является модель $ta-C_1C_2āC_3$. Она отмечена:

(1) В стихах, приписываемых йеменско-химьяритскому поэту 'Алкаме: *maṣābṭhu s-sillīṭ talūḥū fī-hi 'idā yumsī ka-tawmāḍi l-burūqi*

(Икл. VIII, 19—21); см. также (Таб. I, 929); [ар-Рази, 23] 'масляные светильники светят там, когда вечереет, подобно отблеску зарниц'. В арабском форме *tawmād-* 'отблеск', 'сверкание' соответствуют отглагольные имена без префиксов *wamḍ-/wamīḍ-/wamaḍān-*.

Та (2) В стихах йеменского раннесредневекового поэта 'Абд ал-Муталиба: *wa 'aẓḡa- nī 'an dāka muṭallibun 'ammī bi-tarḥālīn* (Таб. I, 1087) 'грубо вырвал меня из этого (моего племени) Муталиб, мой дядя, отъездом...' (в арабских словарях приводится форма *tirḥāl-*); в том же источнике приводится *-taḥdār-* 'спуск' (Таб. Gloss., CLXXXV). Химьяритская модель через йеменские диалекты отражена (с диссимиляцией гласных, характерной для арабского) в арабских словарях: *tabkā-* (Gr. I, 384—385), *tibkā-* 'оплакивание', *tamīl-/timīl-* 'подобие', 'сходство'. Аналогичные формы можно отметить в геэзе. Они характеризуются как обозначающие «имя действия или результата действия»: *tagbār* 'работа', 'дело', *təzāz* 'приказание' [Старинин, 1967, с. 55—56], *tazkār* 'вспоминание', *taṣṣām* 'исполнение', 'выполнение' [Dillmann, 1907, с. 234]; *taṣrāḥ* 'межэтажное перекрытие в здании'. Отмечен префикс *ta-/tā-* как префикс отглагольных и абстрактных имен и в языке тигринья [Leslau, 1941, с. 25].

Рефлекс модели *taC₁C₂āC₃* можно отметить также в диалектах Марокко: *tədkār* 'вспоминание', 'напоминание', *təbdāl* 'замена', *taḍrāb* 'подготовка' [Кямилев, 1968, с. 75] и Мавритании, где эта модель отмечена как «характерная черта диалекта хассания: *təḍāl* 'изготовление'» [Завадовский, 1980, с. 37].

В диалектах Йемена наряду с рассмотренными регулярными отглагольными именами отмечаются формы типа *taslūm* 'плата в деньгах', 'расчет' (Land. Hdr., 611), *tabṣūm* 'ложе ружья' (Land. Hdr., 536), которые можно трактовать как результат фонетического явления *ā > ō > ū* (ср. I.2.1.), т.е. < **taslām* < **tabṣām*. Другим объяснением может служить развитие формы по аналогии (ср. *taḥmūr*).

Формы с префиксом *ta-* в западносемитских и в аккадском (Gr. I, 385) не представляются регулярными. Выделяется южносемитская изоглосса между химьяритским, химьяритско-йеменскими субстратными формами и северной группой эфиосемитских на основе модели *ta-C₁C₂āC₃*. Как йеменский (или южноарабский?) субстрат эта модель вошла не только в арабские словари, но и в некоторые арабские грамматики [Caspari, 1881, с. 108], но в большей части конкретных форм эта модель претерпела диссимиляцию гласных, характерную для североарабского в моделях *C₁iC₂āC₃/miC₁C₂āC₃ : tiC₁C₂āC₃ < *taC₁C₂āC₃* (см. II.3.1.).

4.6.3. Префикс *ya-* отмечается в: 1) группе имен собственных — в именах химьяритских правителей *ya'rub* (Икл. VIII, 178), *ya'far* (или *ya'fur*), *yaṣḡub* (Икл. VIII, 178); в топонимах, например, *yanūr* (Икл. VIII, 69) — название горы; имена химьяритов типа *dū yazan*, *dū yahar* могут представлять модель с простой трехсогласной

основой *uʒn*, *yhr*, ср., например, глагол *'styhr* (X п.) 'быть настойчивым', 'упорствовать' (Н/Ш, 118); 2) в йеменских диалектах распространена группа имен модели $yaC_1C_2\bar{u}C_3$, обозначающих животных или растения, например *yarbū* 'тушканчик' (Land. Hḡr., 34). По аналогии с этой моделью передаются некоторые иноземные имена собственные, ср., например: *yaksūm bn 'abrahā* — имя представителя абиссинской династии в Йемене (Таб. I, 645) в VI в. Арабские словари передают эту форму в фонетических вариантах *'aksūm-/kaysūm* со значением 'пышный, цветущий и плодоносящий сад', где, возможно, основной является форма *'aksūm*, судя по единственной форме мн.ч. — *'akāsīm-*; 3) в передаче арабских источников химьяритские имена собственные (возможно, прозвища) имели также и формы с префиксом *yū-*: *yur'īš ibn yāsir* — Йур'иш, сын Йасира, *yun'im ibn 'amr* — Йун'им, сын Амра (Таб. I, 910).

В целом химьяритские имена с префиксом *ya-* соответствуют архаичной модели имен (собственных, прозвищ, названий животных и растений), сохранившейся в североарабском и западносемитских языках (Gr. I, 374; Introduc., 80). Использование модели в прозвищах и именах может свидетельствовать о ее активном функционировании в химьяритском, ср. *šrhb'il y'fr* [Пиотровский, 1985, с. 19] 'Шарахби'ил Йа'фур' (или Йа'фар), 'Шарахби'ил-жрец' (если переводить по значению сабейского *'fr* 'совершать культовое или жертвенное действие') или 'Шарахби'ил-олень' (араб. *yafūr* 'антилопа', 'газель').

Однако необходимо отметить, что прозвища химьяритских правителей по модели каузатива представлены у арабских авторов, по-видимому, в арабизированной форме: *šamiru/šammāru yur'īš* — Шамир/Шаммар Йур'иш (Шаммар Грозный), *yāsiru yun'im* — Йасир Йун'им (Йасир-Благодетель), *yusbiḥ* — Йусбих, название горы у города Йарима (Грязневич, с. 33), 'утренняя, являющаяся утром, на рассвете'. Хотя точных данных о каузативном префиксе в химьяритском не имеется, следует учитывать соответствующие модели имен в сабейских надписях Йемена: *yh'mfn*, *yh'll*, *yh'fr* и др. (Грязневич, с. 64—65).

В целом системы имен собственных и прозвищ в химьяритском и эпиграфических южноарабских текстах свидетельствуют о единой изоглоссе, ограниченной южноаравийским ареалом.

4.6.4. Префикс *m-* с различными гласными и моделями различной слоговой структуры является общесемитским (Gr. I, 375—382; Introduc., 80—81). В йеменско-химьяритской именной лексике выделяются несколько разрядов.

Название строений: *mḥfd*, мн.ч. *mḥfd* в передаче арабского источника *bayt maḥfid* (Икл. VIII, 52), *maḥāfid* (Икл. VIII, 90) 'сооружение типа башни'; саб., кат., мин., хадр. *mḥfd*, мн.ч. *mḥfd*; геэз *māḥfad* 'башня', мн.ч. *maḥāfəd*, *māḥfadāt*; *mšn't bdy ryd'n* (Икл. VIII, 23; 73) 'сооружение, крепость в Зу Райдане'; саб. *mšn't*, мн.ч. *mšn'*; йем. (хадр.) *mašna'a(t)*, мн.ч. *mašāni* 'замок',

‘крепость’ (Land. Hdr., 635); *mn'hl* (мн.ч.) ‘колодцы’ (Икл. VIII, 29), саб. *mnhl* (ед.ч.) ‘колодец’; *ma'āhir* (мн.ч.) ‘колокола’ (Икл. VIII, 27; Н/Кс, 147), саб. (мн.ч.) *m'hrt* ‘колокола’; *ma'qim* ‘порог’ (Н/Ш, 74), йем. *ma'gam*, мн.ч. *ma'āgim* [Rossi] (Land. Hdr., 660); ср. также йем. *maḡdal* ‘крепость’, ‘укрепление’ (Land. Hdr., 541); с префиксом *mi-*: *mi'qāb* (Н/Ш, 73) ‘хранилище для съестных припасов’, ср. саб. *m'qb(t)ʔ* ‘охрана’, ‘предохранительное приспособление’; геэз *mā'qāb* ‘огороженное место’, ‘загон для скота’, *mā'qab/mā'qāb*, мн.ч. *ma'āqāb* ‘охрана’, ‘стража’; ‘пост охраны’.

Название изделий и орудий (формы с префиксом *mi-*): *mi'nak* ‘ключ’, ‘запор из дерева’ (Н/Ш, 78), *mi'dar* ‘покрывало’ (Н/Ш, 70), ср. саб. *m'dr* ‘элемент сооружения, строительной конструкции’.

Йеменско-химьяритские префиксальные формы, передаваемые арабскими авторами, приводятся, как правило, в формах, соответствующих моделям арабской грамматики: $miC_1C_2aC_3/miC_1C_2āC_3$ — названия орудия, инструмента, такие, как *miṣṣafa(t)* ‘железная лопата’, *mikm* ‘борона’ (Н/Ш, 51), *mi'nak* ‘ключ’. Вместе с тем анализ соответствующей лексико-грамматической группы имен в йеменских диалектах свидетельствует о зависимости гласного в префиксе *m-* от слоговой структуры слова. Так, для названий орудий с кратким гласным в основе и соответственно с ударением на префиксе $mV-C_1C_2VC_3$ в йеменских диалектах отмечается префикс *ma-*: *maktab*, *maḥraz* ‘шило’ (Land. Hdr., 563, 699) (ср. КЛАЯ *miḥraz* ‘шило’); *maḥṣab* ‘большой топор’, *maḥdar* ‘коловорот’ (Land. Hdr., 561, 563), *maṭragah* ‘молоток’ [Rossi, 1939, с. 46]. Напротив, в названиях с долгим гласным в основе и соответственно с ударением на основе $mV-C_1C_2VC_3$ отмечается префикс *mi-*: *miḥbāt* ‘палка’, *midrāf* ‘флейта’ (Land. Hdr., 560, 572), *mibrāḥ* ‘веревка для сушки белья’ (Land. Hdr., 529), *minšār* ‘пила’ [Rossi, 1939, с. 46].

Учитывая, что аналогичные формы в геэзе частично сохраняют префикс *ma-* даже при ударении на основе: *malbās* ‘одеяние’, *masfē* ‘шило’ [Dillmann, 1907, с. 245—246; Старинин, 1967, с. 55], а также — в тигринья: *mābrād* ‘напильник’, *māṣṣal* ‘точильный камень’ [Leslau, 1941, с. 26—27], можно говорить об архаичной морфонологической изоглоссе, общей для эфиосемитских и того языка южноаравийского ареала, который послужил субстратом для аналогичного явления в йеменских диалектах. Соответственно можно предположить, что химьяритский входил в эту изоглоссу. Развитие вокалической диссимиляции в пределах основы северно-арабского (хиджазского) типа привело к аналогичному явлению в префиксальных моделях: $*ma-C_1C_2āC_3 > mi-C_1C_2āC_3$ не только в северноарабском, но и в йеменских диалектах (развитие сильного ударения, падающего на гласный основы, приводит к аналогичным моделям и формам имен места в геэзе: *māšwā'* ‘алтарь’, *māšraq* ‘восток’, *mā'rāb* ‘запад’ [Dillmann, 1907, с. 244, 248], ср. араб. *māšriq* ‘восток’, *mā'grib* ‘запад’). В то же время падение ударения на префикс *ma-* в основах с кратким гласным сохранило

в йеменских формах исходный вокализм, ср., например: йем. *mābham* 'большой палец руки' (Land. Hdr., 82), но ср. 'ibhām-. Напротив, североарабская модель с префиксом *mī-C₁C₂aC₃* могла развиться по аналогии (ср. параллельные формы *mīstāh/mīstah* 'ключ'), а также под регулирующим воздействием грамматической системы в оппозицию именам места и времени структуры *mā-C₁C₂VC₃*, однако количественно модель *mī-C₁C₂aC₃* значительно уступает более «сильной» модели *mī-C₁C₂āC₃* [Caspari, 1881, с. 120].

4.7. Именные основы с суффиксами

Химьяритский материал позволяет выделить ограниченное количество именных форм с суффиксами. Инвентарь химьяритских суффиксов полностью входит в общесемитский: *-t/-y(t)/-ān*, однако конкретные формы, образуемые основами с указанными суффиксами, имеют некоторые особенности.

4.7.1. Суффикс *-t* рассматривался уже в разделе простейших основ (II.4.2), а также — в разделе ударения и просодии (I.3).

Суффикс *-t* образует отглагольные имена действия со значением абстрактного понятия или обобщения, ср. *yšt-n* 'пропитание наше' [ал-Гинди, 1978, с. 399] (ср. араб. 'ayš, 'ayšat/ṭšat 'жизнь', 'образ жизни'); йем. 'īša(t) 'пропитание', 'питание' (Land. Hdr., 667), саб. 'šī(?) 'земля под зерновыми'; 'обеспеченная жизнь', ег. диал. 'ēš 'хлеб'; или *tazbirat-ī : ānā'arifu tazbiratī* [ал-Кали II, 174] (слова химьярита) 'я умею писать' букв. 'я знаю мое писание', ср. в значении «язык»: *wa z-zzubūru kalāmu ba'di 'ahli l-yaman wa ḥadramawt* (Иакут III, 636) 'а «зубур» — язык некоторых жителей Йемена и Хадрамаута'; в диалектах Хадрамаута *zbr* 'писать' (Land. Hdr., 596), ср. тигре *zrb* (мет.?) 'говорить' (Schr., 418), произношение *dbz* отмечено на юге Йемена (Land. Hdr., 190).

Суффикс *-t* может присоединяться к отыменным и отглагольным образованиям по модели имени места (и времени): *ya'li l-qawmī min taumanatīn wa maš'amah* (Н/Ш, 78) 'придут люди с юга и севера' (в сабейском в том же сочетании *šmt wumnt* 'на севере и юге'), ср. те же названия по модели первичной основы: *ḡalabtu l-ḥayla min yamanin wa šāmi* (Таб. I, 910) 'я привел конницу с юга и севера'; имена места и орудия действия с префиксом *mV-* по модели *mVC₁C₂VC₃-at-*, ср., например: *wa l-minṭaqaatu bi-lisāni ḥimtuḥara l-m'ḡzt* (Таб. I, 1575) 'а пояс. (*minṭaqaat*) на языке химьяритов *m'ḡzt*'.

Йеменские диалекты могут свидетельствовать об общем для йеменско-химьяритского и арабского способе образования имен однократности действия и имен единичности (отыменные), ср. йем. 1) отглагольные образования: 'ala *rigmet ḥagar* (Land. Daḡ., 68—69) 'на расстоянии броска камня' (мсд. КЛДЯ *ragm-*); *tēfūr ḥams sett*

fōrāt (Land. Dat., 60, 215) 'кипит (кофе) пять-шесть раз' (букв. 'вскипаниями'); 2) отыменные образования: йем. *uṭbat* 'прядь, лоскут хлопка' (С/Д) (< *uṭb* 'хлопок'), ср. также КЛАЯ *uṭbat-/uṭb*, тигре *əṭub* (< араб.) 'хлопок'; некоторые имена в геэзе также могут быть рассмотрены как результат образования имен единичности *šə'rt* 'волос', *baḡ'at* 'овца' (*baḡə* 'овцы'), *tāmārt* 'пальмовое дерево' [Dillmann, 1907, с. 277—278].

Суффикс *-t* служит так же, как и в общесемитском, для образования имен, обозначающих живые существа женского пола; ср. формы женского рода в стихе, приписываемом химьяритскому поэту: *samadat al-qaynatu 'idā gannat bi luḡati ḥimyar* (Н/Ш, 51) '[говорят] пела рабыня (где *samadat = gannat*) по-химьяритски *samadat*' и форму мужского рода: *bi-kulli ḥusāmin 'aḥkama l-qaynu ṣaqla-hu...* (Н/Ш, 89) 'каждой саблей, полировку которой обеспечил раб-кузнец' (об особом значении имени *qun* в сабейском и химьяритском см. [Пиотровский, 1985, с. 87]); также *'mmt* 'тетка' в стихе 'Ас'ада Тубба': *...banat liya 'ammātī fī ma' ribin 'aršan...* (Н/Ш, 8) 'построила мне тетка моя в Марибе дворец...' или в тексте, пересказанном по «муснаду»: *...wa 'alfa baḡlatin musraḡatin...* (Н/Ш, 78) '...и тысячу мулиц оседланных...' (при *baḡil-* 'мул') и др.

4.7.2. В химьяритском отмечается также и общесемитский суффикс **-iyy-*, образующий отыменные имена относительные и прилагательные: *bšl ngr'ny* (Икл. VIII, 65), 'наджранский лук' (повидимому — от названия города *naḡrān*); *'arabiyyat* (ж.р.) 'арабский язык' — из истории о непонимании химьяритского глагола *wṭb* 'сидеть' (Йакут III, 575); от иноязычных названий: *...wa quṣūru-nā bi-hā l-hibriziyyu l-muntaqā...* (Н/Ш, 108) '...и наши замки, в них — чистое золото' (из стихов Ас'ада Тубба') от основы иранского происхождения *hbrz*.

Следует отметить окончание *-u* в записи некоторых химьяритских имен, называющих конкретные предметы. Так, в химьяритском тексте, повествующем о *dub'ḡt bnt nwf* (Икл. VIII, 135), приводится название жемчуга (или жемчужины) в словосочетании *mdd dy bḥry* 'горсть жемчуга'. Аналогичная форма с данным значением в арабском отсутствует (*bahriyy-* 'морской', 'имеющий отношение к морю'); лексема может быть заимствована из геэза, ср. *bāhri/bāhrəu* 'жемчужина', 'драгоценный камень', тигре *bāhrəu* (Schr., 376) 'драгоценный камень' (с пометой «встречается редко») или образована по собственной модели, аналогичной геэзу. Ср. вторую лексему в химьяритском — *krdu* (**kurdiyyu*) 'тесто' (Икл. VIII, 65) с объяснением: «*al-kurdiyyu* 'l-'aḡīn wa «*krd*» *bi-luḡat ḥimyara* «*aḡana*» '... а *krd*» — замешивать тесто, делать тесто»; в том же значении химьяритский реликт отмечен в некоторых йеменских диалектах *krd/krrd* 'замешивать тесто' (Land. Hdr., 496, 702).

Если первая лексема *bḥry* может быть рассмотрена как заимствование или отыменное образование по модели имени относительного, то вторая лексема *krdu* представляет собой собственно химьяритскую форму отглагольного образования. Первый гласный,

передаваемый арабским автором как *и* (*kurdyy*), может свидетельствовать об особой модели с отглагольным значением пассива или страдательного причастия и с особым окончанием **ay / *iy*, пересмысленным и переразложенным арабским автором по привычной арабской форме.

Вместе с тем эту форму на -у можно сопоставить со своеобразной формой имени единичности в некоторых йеменских диалектах с окончанием *-ī/i : dubbī* 'мука', *gurābī* 'ворон' [Rossi, 1937, с. 240—241], *buṣlī* 'луковица' и т.п. Подобное явление отмечается также в языках тигре и харари [Rossi, 1937, с. 240—241].

В. Дим, изучая субстратные явления в арабских диалектах, также обращает внимание на эту особенность в диалектах центрального Йемена и Дасины, однако считает ее не субстратным явлением, но общеарабским, указывая некоторые подобные образования в классическом арабском [Diem, 1976, § 14]. Тем не менее следует, по-видимому, отметить, что в арабском эти формы для имен конкретных ограничены, если не считать нисбу (суффикс *-iy-*) также способом выделения одного, единичного из общего, и, в свою очередь, могут представлять диалектный субстрат, включенный, как и многие другие субстратные явления, в арабский словарь и грамматику.

4.7.3. Суффикс *-ān*, являющийся общесемитским, характерен для производных имен различных лексико-грамматических категорий (Gr. I, § 214—215; *Introduc.*, 82). В химьяритском выделяются две основные группы имен с суффиксом *-ān* : 1) имена собственные и топонимы; 2) имена признаков и качеств, послужившие также и основой для образования первой группы имен.

Имена богов и идолов: *nmr'n w glm'n w swr'n 'alihatu hamdān 'aūy 'arbābu hamdān* (Икл. X, 111) 'Нимран, Гильман и Сауран — божества Хамдана, т.е. владыки Хамдана'; имена легендарных и исторически засвидетельствованных правителей химьяритского происхождения: *'lh'n w nhfn 'bn' bī' bn hmd'n 'lkbyr w skn-h rqš'n w bnw-h bnw hmd'n* [Müller D.H., 1877, с. 23] 'Алхан и Нахфан, сыновья Бт' сына Хамдана Великого (старшего?), и населял его Ракшан (племя?, род?) и сыновья его — сыновья Хамдана'.

Некоторым именам и топонимам даются объяснения арабскими авторами: *'alhān — 'al-ḡā'ū š-šādīdu l-ḡū'... walladī yunāzī'u-hu nafsā-hu 'ila š-šayī'...* (Н/Ш, 75) 'алхан — очень голодный, ...[или] тот, кто страстно жаждет, алчет чего-либо'; или *ḡym'n-'atšānu* (Н/Ш, 81) 'Гайман — жаждущий' (Гайман — название крепости в районе города Сан'а). Также дается толкование известным прозвищам некоторых химьяритских правителей, например, *mawṭābān : kānat mulūku himyara tusammā man qa'ada min mulūki-him walam yaḡzu mawṭabāna ya'nūna 'anna-hu lā yazālu qā'idan 'ala l-firāš wa huwa l-wiṭābu* (Н/Ш, 113) 'тот из царей Химьяра, который сидел и не совершал походов, назывался *mawṭabān* (букв. 'сидень'), т.е. имелось в виду, что он все время сидел на ложе, а оно (ложе) [называется] *wiṭāb*'.

Названия некоторых плодов и растений: *šarafān* (Н/Ш, 60) 'один из лучших сортов фиников', ср. КЛАЯ 'твердые финики низкого качества, выдаваемые за труд беднякам'; *ḡulḡulān* (Т/Х) 'плод кориандра'; названия некоторых явлений природы: *husbān* (Т/Х) 'мороз', 'град', трактуемое как химьяритское слово в Коране (18 : 40); ср. также *qusīān* 'радуга'; и собственно признаки: '*araḡān*/'*arḡān* (Н/Ш, 46) 'хромота' или *ḡurḡumān* 'длинный', 'большой'.

Следует отметить также суффикс *-ān* в химьяритских названиях месяцев, приводимых К. Ландбергом из средневековых источников: *da'wān* 'январь', *du qayzān* 'июнь', *du madraān* 'июль' и др. (Land. Dat., 1445 и сл.). Ср., однако, иную форму соответствующих названий из другого источника XIII в.: *dū da'w*, *dū qayd*, *dū madra*, но *dū'allān* 'сентябрь' [Saliba, 1985, с. 715].

Сопоставление немногих химьяритских форм на *-ān* с соответствующими формами в других семитских языках показывает, что химьяритские формы так же передают абстрактные и инфинитивные значения, как и соответствующие формы ЭЮА (Gr. I, § 211); [Бауэр, 1966, с. 45] и эфиосемитских [Dillmann, 1907, с. 259], ср. *dū qaydān* 'месяц сбора летнего урожая', *dū ḡiggaṭān* 'месяц паломничества'; или ср. хим. '*ar(a)ḡān* 'хромота' — геэз '*erqān* 'нагота' [Dillmann, 1907, с. 259], тна *səkrān* 'пьянство', *dərqaṇ* 'сухость' [Leslau, 1941, с. 19—24], что характерно и для западно- и северо-семитских (Gr. I, § 24—213).

Вместе с тем образование в химьяритском названий и прозвищ могло происходить только на основе имен, функционирующих как качественное определение лица, ср. активное развитие в арабских диалектах моделей прилагательных на *-ān*, вытесняющих модели $aC_1C_2aC_3/C_1aC_2iC_3$: *ḡadban* 'гневный', *murdān* 'больной', *šurbān* 'выпивший' (Gr. I, § 215) или тна *zahlan* 'растяпа', *sakraṇ* 'пьяный' [Leslau, 1941, с. 19—24], гафат *kayhān* 'красный', др.-евр. *qadmon* 'восточный', араб. (сир.) '*ar'ān* 'земной' и т.п.

Рассматриваемый суффикс в химьяритском (как и в других семитских — Gr. I, § 214) не обусловлен слоговой структурой основы и может присоединяться как к односложным, так и к производным или многосложным основам: ср. *mawtabān* 'сидень', *ḡulḡulān* 'плод кориандра', *dū 'utkulāna*, *dū 'a'labāna* (Н/Ш, 39) — имена собственные, *dū dunyāna* (Н/Ш, 60) — имя одного из химьяритских правителей.

Производная именная основа может служить в свою очередь основой для образования глагола, ср., например: *...yaqūlu n-nāsu li-r-raḡūli l-mutakabbiri* : '*anta tuqayfinu 'alaynā* 'ауу *ka'anna-ka min 'ālin dī qayfān* (Н/Ш, II, qfn) 'люди говорят про человека важнящего, напыщенного: ты ведешь себя по отношению к нам как будто ты из рода Зу Кайфан'.

При образовании имени относительного суффикс *-ān* может занимать позицию между первичной основой и суффиксом, образуя вторичную основу: *san'ān-iyy* 'житель Сан'ы' или 'относящийся к

городу Сан'а' (Н/Ш, 63) аналогично образованию имен с суффиксом -*iyyat* : *qaṣṭalān-iyyat* 'радуга'.

Рифмы на -*ān* в стихах, приводимых Нашуаном ал-Химьяри, свидетельствуют о том, что этот суффикс несет основное ударение. Однако его присоединение к трехсложной основе типа $C_1VC_2C_3$ не влияет на слоговую структуру основы, так как закрытый слог в безударной позиции сохраняется; присоединение суффикса -*ān* к основе типа $C_1VC_2VC_3$ может вызвать падение краткого безударного гласного в образовавшемся открытом слоге, ср. колебания в передаче '*araḡān*/'*arḡān* 'хромота'.

4.8. Глагольные и именные основы с морфонологическими дифтонгами

Среди четырех согласных основ рассмотрены именные модели *faw'al*/*fay'al*, которые объясняются как 1) фонетическое явление — результат расподобления геминированного - C_2 или 2) вариант звукового символизма — обозначение усилительного признака, качества (для именных основ).

Однако функционирование глагольных основ, образованных с внедрением дифтонга, появление дифтонга -*wa*-/*ya*- в позиции между C_2 и C_3 и при образовании некоторых форм множественного числа в йеменских диалектах (см. ниже) позволяют предположить в этом проявление более общего фонетического явления, очагом которого является южноаравийский ареал (Land. Hđr., 374, 577—579).

4.8.1. Модель с дифтонгом отмечается в местных именах собственных и топонимах: *ḥimyar* — страна Химьяр, ее население, *banyar* — союз племен в Хадрамауте, '*aryab* — название местности в Хадрамауте (Land. Hđr., 577—579), *ṣirwāḥ* — название местности в восточном Йемене, '*abyan* — название местности.

4.8.2. В названиях некоторых явлений местного происхождения или характера: '*azyab* 'восточный, юго-восточный ветер' [Бакр, 1970, с. 32]; (Land. Hđr., 521), *ḥaymar* 'красная дурра' (Land. Hđr., 578).

4.8.3. Модель в именных и глагольных основах.

Хим. '*ayhar* 'войско, все сокрушающее на своем пути' (С/Д), в хим. и араб. также 'демон', 'гуль', встречается и в форме '*ayharān*.

Модели глагольных основ являются деноминативами: '*yhr* 'вести дурной образ жизни'; ср. йем. диал. *ḥytm* 'запечатать' (Land. Hđr., 578) < *ḥātām*/*ḥātim*/*ḥātām*/*ḥītām*/*ḥātiyām* 'перстень с печаткой'; аналогичные образования: '*tyb*' (Land. Hđr., 578) 'запечатывать' < *tābi*'- / *tāba*'- 'перстень с печаткой', *šwrb*/*šrb* II п. (Land. Hđr., 374) 'брить усы' < *šārib* 'ус' (мн.ч. *šawārib*), *qwtr* / *qtr* III п. (Land. Hđr., 374) 'отправиться в путь', *qwfl* (Land. Hđr., 374) 'отправиться в путь с караваном' < *qāfil*(*at*) 'караван', 'путник в караване'.

Арабские словари также передают некоторые спорадические формы с дифтонгами, параллельные арабским регулярным моделям: *ḥġl* I, II п. / *ḥwġl* 'быть запавшим в глазную впадину (о глазе)', ср. именную форму в харс. *ḥāgel* 'бровь'; *šākil-/šākilat-/šawkal-* 'бок', 'сторона'.

Некоторые данные йеменских диалектов свидетельствуют о регулярности образования производных форм с эпентезой дифтонгов *-ay/-wa/-ya* : *daywalah* (Land. Hdr., 471) 'честь быть в правительстве' < *dawla(t)*, *qabwalah/qabyalah* (Land. Hdr., 471) 'честь принадлежать племени' < *qabila(t)*.

4.8.4. Сравнительный анализ арабских и химьяритско-йеменских форм показывает следующие соответствия:

1) КЛАЯ *qfl(u)*, мсд. *qufūl-* 'вернуться из путешествия', *qufl-/qafal-/qāfil-(at)* 'группа путешественников', 'караван' — йем. *qwfl* 'отправиться в путь';

2) КЛАЯ *šārib-* (мн.ч. *šawārib*) 'ус' — йем. *šrb* II п. / *šwrb* 'брить усы';

3) КЛАЯ *qtr(u)*, мсд. *quṭūr-* 'отправляться в страну' (< *quṭr*) — йем. *qtr* III п. / *qwtṛ*;

4) КЛАЯ *šākil(at)* (мн.ч. *šawākil*) — *šawkal* 'бок', 'сторона'; 'боковой', 'сторонний';

5) КЛАЯ *āhir(at)* 'прелюбодей', 'совершающий дурные поступки' (для м.р. и ж.р.) — йем. *ayhar-/at*, хим. *ayhar-* 'демон'; 'сокрушающее войско', КЛАЯ *ḥġl* I, II п. / *ḥwġl* 'быть запавшим в глазную впадину' — йем. хим. *hawgal* 'впадина', 'яма' [Rossi].

6) КЛАЯ *hukl-* 'мелкое, бесшумное наскомое' — *hawkal* 'маленький', 'короткий'.

Ср. также йеменскую форму без соответствий в арабском *hawkas* 'присваивающий, скупающий зерно'.

7) Йем. *zābūr* 'стена из глины' — *zawbr* (*yizawbir*) 'лепить, строить стену из глины' [Rossi], ср. *zabr/zabūr* 'дамба', 'плотина' [Behnstedt, 1986, с. 114], *zibr* 'глина' (Land. Hdr., 596), саб. *zbr* 'возвести сооружение', КЛАЯ *zbr(u)*, мсд. *zabr* 'строить, сооружать стену (из камней)', *zabūr-* 'черная грязь'.

Отыменные глагольные основы $C_1awC_2C_3/C_1ayC_2C_3$ соответствуют именной основе модели $C_1āC_2VC_3$; глагольная основа *qwṭr* соответствует основе *qāṭar* (III п.).

Основы с дифтонгами можно рассматривать как:

а) производные формы, где $\bar{a} > aw/ay$; это положение подтверждается соответствиями (1, 2, 4, 5, 7) и соответствием (3) как *qāṭar > qawṭar*; в йеменском ареале, где отмечается $\bar{a} > \bar{o}$ (см. I.2.1.) со вторичным переразложением $\bar{o} > aw$; ср. (Land. Hdr., 374): *gōṭar/gawṭar* 'отправляться в страну'.

б) первичные формы по аналогии с формами, где хим.-йем. aw : КЛАЯ $\bar{a}$ (см. I.2.3.).

Образование отыменных основ $C_1awC_2VC_3$ непосредственно от формы множественного типа *šawārib/qawāfil* и т.п. не подтвержда-

ется случаями *ḥytm*, 'ayhar, tyb^c, где формы мн.ч. также *ḥawātim*, *ṭawābi*.

4.9. Образование форм числа

Способы образования форм множественного числа — внешнее образование, внутреннее образование (ломаное множественное, далее сокр. — ЛМ), сочетание обоих способов — являются диагностическим признаком для определения места любого семитского языка в общей классификации семитских языков. По этому признаку химьяритский безусловно относится к группе, объединяющей североарабские языки: КЛАЯ, североарабский эпиграфический (язык сафско-самудских текстов [Белова, 1985, гл. II, с. 140—157]), сочетающие оба способа, а также — к ЭЮА, современным южноаравийским и к северной группе эфиосемитских (геэз, тигре, тигринья).

4.9.1. 1. химьяритском наряду с формами множественного в некоторых текстах и стихотворениях, приписываемых химьяритским поэтам, отмечаются формы двойственного числа в сопряженном состоянии: *b-ʾlfy ḡyrm w-mʾty rʾkbtm drhm* (Икл. II, 354) 'с двумя тысячами' деревянных катков и двумястами опорными балками из дерева *darah*¹ (здесь формы *b-ʾlfy* 'с двумя тысячами' и *mʾty* 'двумя сотнями' переданы, судя по окончанию, в косвенном падеже дв.ч. на -у) или *maʾmarin wa salmān* (') *bnā ʾarwān wa wafiyūā hamdān* (Икл. VIII, 92—93) 'Ма'мар и Салман два сына Арвана и верные представители Хамдана': здесь форма (') *bnā ʾarwān* 'два сына Арвана' находится в им.пад. с окончанием -ā, как и форма *wafiyūā hamdān*. В позиции после частицы обращения — с окончанием -ā: *fa ya ḥaḡmatā bakkiya ʾala ʾummi wāhib...* 'о, глаза, оплачьте Умм Вахиб!...' [ал-Кали I, с. 136]; ср. в передаче ан-Нашўана: *ya ḡaḥmatī bakkiy ʾala ʾummi mālikin...* (Н/Ш, 17) 'о, глаз мой, оплачь Умм Малик...' с метатезой в основе *ḥaḡmat-/ḡaḥmat-* 'глаз' и переменной формы дв.ч. на форму ед.ч.

Окончание -ā для формы дв.ч. в косвенном падеже отмечено ал-Хамдани в примере *ḥd dynʾk* в значении *ḥud dīnāray-ka* (Икл. VIII, 92—93) 'возьми свои два динара'; см. также (Т/Х, 22) и I.2.2 данной работы.

Полная, несопряженная форма дв.ч. для химьяритского приводится, по нашим источникам, только один раз у ан-Нашўана при объяснении лексемы *ḥing*²: *wa-l-ḥing* — *ʾal-miṭlu bi-luḡati ḥimyara yaqūlūna*: *humā ḥingāni ʾayu miṭlāni* (Н/Ш, 28—30) '*ḥing* — «подобие, подобное» на языке Химьяра; они говорят: оба они *ḥingāni*, т.е. подобные (один другому)'; ср. саб. предлог и союз *ḡg/bḡg/ḡgn/ḡgm/k-/ḡg/k-*, *ḡgn/k-* и позднесабейские формы *k-ḡgn/ḡgn* 'как', 'подобно тому как', где форма *ḡgn* и ее варианты могут отражать при самостоятельном употреблении форму, пере-

данную ан-Нашуаном как форму на *-ān*; в геэзе отражены только формы *hgg* (*hng*), *ḥagga* 'как', 'подобно тому как' [Leslau, 1987].

Сообщение ал-Мукаддаси (X в.) о произношении в Адене окончаний дв.ч. как *-yn* в сопряженном состоянии: *w'hl 'dn yqwlwn l-rġlyh* «*rġlynh*» *w-l-ydyh* «*ydynh*» [Al-Mokaddasi III, с. 96] 'жители Адена говорят вместо *rġlyh* «обе его ноги» *rġlynh*, а вместо *ydyh* «обе его руки» — *ydynh*' может свидетельствовать не столько об изменении в форме дв.ч., сколько о распространении общесарабского типа, характерного для большинства североарабских диалектов [Corriente, 1976, с. 92].

В йеменских диалектах отмечаются формы дв.ч. для имен, обозначающих парные предметы или некоторые отрезки времени и меры [Каримов, 1973, с. 8] (ср., однако, *bäyāyn kubār* [Rossi, 1938, с. 18] 'два больших дома'), причем окончание *-ēn/-ayn/-ain* сохраняется полностью и в сопряженном состоянии, ср., например: *him-lain zabīb* [Али Б.Зайд, с. 128] 'две ноши винограда'. В большинстве случаев количество «два» передается числительным, сохраняющим свое окончание дв.ч.: *eṭnēn 'awāqib* (Land. Dat. II, 41, 204—205) 'два маленьких мальчика' или *ṭentēn birkāt* (Land. Dat., 71) 'два водоема'; ср. саб. *ṭny nmrn* (Gr. I, 457) 'две пантеры'.

Рассмотренный материал позволяет включить именные формы дв.ч. химьяритского в общесемитскую парадигму ном. **ā* ген., асс. **ay* (Introduc., 93—94). Однако ограниченный материал не позволяет установить достаточно определенно, составляет ли химьяритское окончание дв.ч. изоглоссу с «нунацией» подобно группе языков ЭЮА или сближается с теми семитскими языками, в которых «нунация» не засвидетельствована (йауди, геэз, мехри) (см. табл. 12).

Таблица 12

Окончания двойственного числа в семитских языках*

Форма	Язык									
	акк.	арам.	КЛАЯ	саб.	кат.	маин.	хадр.	саф.	йауди	геэз
	<i>-ān</i> <i>-ēn/-ṭn</i>	<i>-ēn</i>	<i>-āni</i> <i>-ayni</i>	<i>-(y)n</i>	<i>-yn</i>	<i>-ny</i>	<i>-nuw</i>	<i>-n</i>	<i>-u</i>	<i>-ē/-ā</i>
										<i>-ṭ</i>

*В диалекте племени Тайй также отмечается образование дв. числа от местоимения — показателя генитива *dū* как *dw'n* (Н/Ш, 39), однако в отношении форм множественного от этого показателя диалект Тайй противопоставляется химьяритскому.

4.9.2. Множественное число внешнего образования представлено окончаниями: *-ū + n* / *-ī + n* (м.р.) и *-āt-* (ж.р.).

Окончания для имен м.р. отражены в нескольких вариантах одного из химьяритских текстов: 1) *bnyn bwnn nḥn w-bnw-n w-bnw*

bny-n swqtyn w bny 'fyq *b-wh'zt 'yydyn* (Икл. VIII, 56—57) 'строили Байнун (название крепости. — А.Б.) мы, и сыновья наши, и сыновья сыновей наших *swqtyn* (?), и мы построили Афик в Вухазе, [будучи] ловкими, умелыми'; 2) *nḥn bny* 'slḥyn wḥd-h' *b-sb't wa-sb'yn ḥryf d'bun* (Икл. VIII, 49) 'мы построили один только Салхин за 77 лет трудясь' (букв. 'старательно трудящимися'). Ср. переводы Н.А. Фариса [Faris, 1938, с. 21—22, 37], сделанные по другим вариантам текста.

В приведенных примерах дважды отмечены формы мн.ч. для лексемы *bnw/bny* 'сыновья' в сопряженном состоянии в им. пад. и вин. пад. соответственно (в йеменских диалектах отмечается во мн.ч. форма *bnīn* [Гиясов, 1987, с. 35]). В примере (1) за словосочетанием *bnw bny-n* ('сыновья сыновей наших') следует предикативное определение (халь), судя по окончанию *-yn*, отражающее форму мн. ч. м.р., согласующуюся с подлежащими *nḥn* 'мы', 'сыновья наши и сыновья сыновей наших'. В примере (2) также в функции предикативного определения (халь) выступает форма мн.ч. м.р. от причастия *dā'ib* 'старательный', 'трудящийся добросовестно' (ср. араб. *dā'ib* 'старательный', саб. *d'b* 'работать', 'трудиться'). Форма числительного *sb'yn* 'семьдесят' также указывает на то, что полный, неусеченный суффикс мн.ч. м.р. в химьяритском *-īn/-īn* соответствует североарабскому, если полагаться на точную (а не арабизованную) передачу текста арабоязычными авторами. В рассмотренном случае с числительным химьяритская форма входит в северо-западную изоглоссу окончаний числительных десятков в отличие от южноарабских эпиграфических и эфиосемитских (см. табл. 13).

Таблица 13

Окончание названий десятков в семитских языках

	Язык								
	акк.	уг.	др.-евр.	сир.	араб.	хим.	ЭЮА	гезз	тна
Окончания	-ā	-t	-īt	-īn	-īn	-īn	-u	-ā	-ā

В отличие от формы *bnw/bny*, которая в химьяритских текстах встречается только в сопряженном состоянии, но имеет показатель внешнего множественного, химьяритская лексема *dū* (указатель владетеля, указатель происхождения, входящий в имена собственные химьяритских правителей) имеет, по указанию арабских источников, разные формы мн.ч.: для диалекта Тайи — *-dawūna/-īna*, для химьяритского — *'adwā'* (т.е. форму внутреннего образования): *wa tuḡta'u 'ala d-dawīna bi-luḡati Ṭayy...* *wa 'adwā'u ḥimyar mulūkun min-hum yatasammūna bi 'asmā'i yudāfu 'ilay-hā dū ka-qawli-*

him du saħarin... (Н/Ш, 39) '[от *dū*] образуется множественное по [форме] *ḏawīna* в языке Тайй..., а '*aḏwāu* Химь:ира — их цари, они называются именами, к которым прибавляется *ḏū*, как, например, они говорят: Зу Сахар...'

Окончание мн.ч. ж.р. *-āt* в текстах отмечено дважды: для согласовательной формы причастия — *wa nisā'un mutawwaḡāt* (Н/Ш, 8) 'и женщины венценосные' и для имени неодушевленного — *b-m-bhm't* (Икл. VIII, 20—21) 'на скалах'.

4.9.3. В йеменских диалектах функционируют формы множественного на *-īn/-āt* [Rossi, 1939, с. 12—13]. Использование окончаний расширяется в связи с вербализацией причастий (явление, характерное для арабских диалектов), ср., например: *u musūwīyīn a'qāb min essal el-heyd...* (Land. Dat., 71) 'и они совершают подъем снизу горы...' и *u mōla Sumur musūwī birkeh li-l-mā* (Land. Dat., 71) 'и владелец Сумура (название горы. — А.Б.) сделал резервуар для воды'.

Формы мн.ч. на *-ān*, распространенные в йеменских диалектах и в целом на юге Аравийского п-ова (Land. Dat., 1133; Land. Hḡr., 23—24); [Каримов, 1973, с. 11], в ограниченном химьяритском материале не засвидетельствованы. Однако эти формы являются общесемитскими (Gr. I, 449—451) и активно и широко представлены в арабских диалектах для имен с первичными основами $C_1VC_2C_3$ и для основ $C_1\bar{V}C_2/3$ (ср. фонетическое переразложение некоторых основ: *bāb* — мн.ч. '*abwāb* и '*bībān* 'дверь' или '*asās* > *sās*, мн.ч. '*sīsān* 'опора', 'основа', 'фундамент' — ирак. и марок. диалекты и т.п.).

4.9.4. Формы множественного числа внутреннего образования, или «ломаное множественное», представлены в химьяритских текстах несколькими моделями, которые можно охарактеризовать как обусловленные консонантнослоговой структурой именной основы. Однако в распределении двух основных моделей от первичных основ: ' $C_1C_2\bar{V}C_3$ и ' $C_1VC_2\bar{V}C_3$ — морфолого-просодическая обусловленность наблюдается нерегулярно, ср. (Introduc., 90).

Имена со структурой основы $C_1VC_2VC_3$ имеют форму мн.ч. ' $C_1C_2\bar{a}C_3$: *badan* (ед.ч.) — '*abdān* (Икл. VIII, 92—93) 'тела', 'фигуры' (ср. геэз *bādān*, мн.ч. '*abdānt*/'*ābdān* 'труп', 'мертвое тело'); или '*aḏhāb* — меры зерна в Йемене (Н/Ш, 39), ед.ч. *ḏahab* (ср. саб. *ḏhb*, мн.ч. '*ḏhb* 'аллювиальная долина'); или '*atlām* С/Д) 'борозды, пропаханные на поверхности земли' (ед.ч. *talam*), ср. также в йем. '*atlām* [Али б. Заид, с. 73], геэз '*atlām*/'*ṭālām* (ед.ч. *ṭlām*). Ср. также формы, приводимые в стихотворном обращении представителей Хамдана к пророку: *sādatum wa 'aqwāl... wa 'akāl* (Н/Ш, 3) 'хамданиды-господа и кайли (правители)... у них — изобильные плоды' (с рифмой на *-āl*). Обусловленность появления формы мн.ч. рифмой или стихотворным размером обнаруживается и в другом тексте: '*a yā yāsira l-'amlāk* 'о, счастливейший из царей...' и *...fawqa ḡāyāti l-mulūk* 'над намерениями царей...' [Müller D.H., 1877, с. 45] от формы ед.ч.

malik (ср. саб. 'mlk, а также геэз 'ämlāk). Действие модели 'aC₁C₂āC₃ распространяется и на двухсогласные основы, ср. хим. *hng 'b'n* [Müller D.H., 1877, с. 17] 'подобно отцам нашим', где написание 'b'- отражает форму 'abā'- от 'ab'-отец'; или 'adwā' *himyara mulūk min-hum...* (Н/Ш, 39) 'азвā Химьяра — их цари...', где 'adwā' образовано от формы ед.ч. *dū*, присоединяемой к именам химьяритских царей (*dū sahar, dū yazan* и т.п.), а также на некоторые основы с одним гласным — C₁VC₂C₃: *qušm mā yūkal min buqūl bi luḡat alyaman wa ḡam'u-hā 'aqšām* (Н/Ш, 76) 'qušm — съедобные овощи на языке йеменцев, а множественное число от него — 'aqšām' или — на химьяритские основы модели C₁VC₂VC₃, ср., например: *wa kāna 'ala haḏihi l-'abwāb 'awhāz wa hum 'al-ḥuḡḡāb* (Икл. VIII, 26) 'у этих ворот находились 'awhāz, т.е. стражники', где форме мн.ч. 'awhāz в дальнейшем тексте соответствует форма дв.ч., передаваемая источником как *w'hz'n* 'два стражника', из которой явствует основа ед.ч. *w'hz* (*wāhiz*).

В йеменских диалектах действие модели мн.ч. 'aC₁C₂āC₃ также отмечается не только в основах C₁VC₂VC₃: 'adqāl 'мачты' (ед.ч. *daqal*), 'aslāb 'оружие' (ед.ч. *salab*), 'afqāl/fiqāl 'урожай' (ед.ч. *faqal*), ср.саб. 'fql (ед.ч. *fql*) 'урожай', но и для основ C₁VC₂C₃/C₁VC₃: 'ahqāf/hiqaf (Land. Hdr.) 'гроты', 'пещеры' (ед.ч. *haqf*), 'awl [Rossi] 'горные козлы' (ед.ч. *wa'l*), ср. КЛАЯ *wu'tūl/aw'al*, саб. *w'l* (ед.ч. *w'l*), 'twār 'быки' (ед.ч. *tawr/tār*), саб. 'twr (ед.ч. *twr/tr*), геэз 'āswār (ед.ч. *sor*). Действие модели 'aC₁C₂āC₃ распространяется и на некоторые другие основы, ср., например: 'abtāl 'пахари', 'земледельцы' (ед.ч. *batūl*) [Али б. Заид, с. 125, 128; также Rossi].

Форма множественного числа, образованного по модели C₁uC₂ūC₃, отражена в химьяритском тексте *šrhm w-'hwhm' w-bwhm' quwl šhrn* (Икл. X, 19); (ср. также [Müller D.H., 1877, с. 24—25]) '...Шарах и брат их обоих и сыновья их обоих, кайли Шахрана...', где *quwl-* от ед.ч. *qawl/qayl*; ср. саб. мн.ч. 'qwl, 'ql (ед.ч. *qwl/qyl/ql*). Ср. также формы в арабских источниках: *quyūn* (ед.ч. *qayn* 'кузнец', 'мастер') (Н/Ш, 89), саб. 'qyn (ед.ч. *qyn* 'административное лицо'), *mulūk* 'цари', *ḡudūd* (Н/Ш, 8) 'деды', саб. 'mlk, геэз 'ämlāk, но мехри *molūk* [Jahn, 1905, с. 40].

В йеменских диалектах форма мн.ч. C₁uC₂ūC₃ характерна главным образом для именных основ модели C₁VC₂C₃, ср. *ḡarb* 'поле' — мн.ч. *ḡurūb* (Land. Hdr.), но для модели *ḡirbah* — мн.ч. *ḡirab* [Али б. Заид, с. 126]; *lahḡ* 'верхнее окно', 'деревянный ставень' — мн.ч. *luhūḡ*, но саб. мн.ч. 'lhḡ; *duqm* 'земляной вал, окружающий обработанный участок земли' — мн.ч. *duqūm*; *šaḡb* 'ярмо' — мн.ч. *šuḡūb*; *fadh* 'борозда' — мн.ч. *fudūh*.

4.9.5. Ударение, которое в химьяритском падало на последний закрытый слог четырехсогласной основы мн.ч. (см. выше), в модели 'aC₁C₂āC₃ уравнивалось первым закрытым слогом основы с префиксом 'aC₁-. Модель оставалась и остается устойчивой как в сабейском, геэзе, североарабском, так и в химьяритско-йеменских

формах. Однако ударение, приходящееся на последний закрытый слог трехгласной основы множественного модели $C_1uC_2\bar{u}C_3$, вызвало в химьяритском редукцию краткого гласного в первом безударном открытом слоге, и первый краткий открытый слог превратился в закрытый слог с протетическим гласным того же качества, что и исходный гласный основы (или представляющий результат гармонии гласных?). Так, в химьяритском возник своеобразный вариант модели $C_1uC_2\bar{u}C_3$ — $'uC_1C_2\bar{u}C_3$, вошедший в арабские словари как «химьяритская» или «йеменская» форма: *'umlūk radmān* (С/Д, 290) 'цари Радмана', *'uḥmūr* 'химьяриты', *'uḥbūš* 'эфиопы'. Химьяритско-йеменскую форму передают историки в сообщении о христианах, погибших в Наджране: *'aṣḥābu l-'uḥdūd* (Таб. I, 925) 'попавшие в ров' — христиане, сожженные химьяритским царем Зу Нувасом во рву города Наджрана (Н/Ш, 31), где форма *'uḥdūd* — форма мн.ч., переосмысленная в форму ед.ч. От нее же образуется вторичная форма мн.ч. *'aḥādīd*. По указанной модели можно интерпретировать форму *'nḡwm* в химьяритском тексте *'qsmn nḡwn 'brby'* (Икл. X, 14—15) 'заклинаю весенние звезды...', т.е. $*'ungūm < *nugūm$ 'звезды', а также — передаваемую химьяритскую форму *'ustūr : yusammūna < ḥimyar > l-kitāba 'ustūran* (С/Д) 'они <химьяриты> называют писание *'uṣṭūran*', ср. саб. *s^ltr*, мн.ч. *'s^ltr* 'надпись' 'строка', 'письменный документ', йем. (мет.) *rasaṭ/rasad* [Rossi] 'писать', КЛАЗЯ *saṭr/saṭar* — мн.ч. *'aṣṭur/aṣṭār* 'строка', 'линия', 'написанное'. Химьяритская форма мн.ч. могла также отразиться в названиях местностей Йемена, сохранивших название племен: *bilādu l-'uḥrūḡ* 'страна Ухрудж', *mādiḥ wa-l-'uḥbūb* 'Мадих и Ухбуб' (Сифат, 92, 106, 135).

Неустойчивая просодическая структура модели $C_1uC_2\bar{u}C_3$ отразилась и в модели $'aC_1C_2\bar{u}C_3$ ($< *C_1uC_2\bar{u}C_3$), которая характерна для эфиосемитских (геэз, тна) (Gr. I, 432), ср. геэз *ha-gar* — *'ahgur* 'город', *ḥaql* — *'ahqul* 'поле', тна *kalēb* — *'aklūb* 'собака', *'anfūs* 'души' и т.п. (ср. КЛАЗЯ *ḥuqūl* 'поля', *nufūs* 'души').

В качестве другого предположения можно допустить, что модель мн.ч. структуры $'uC_1C_2\bar{u}C_3$ как местная форма, развившаяся в химьяритском, послужила для образования мн.ч. от имен собственных, обозначающих род, племенную принадлежность или целый народ, независимо от исходной структуры основы ед.ч.: *wa kaṭūrun min qabā'il ḥimyara ta'tāla l-'ufūl : 'al-'uyfū' wa l-'uyzūn wal-'uwsūn wal-'uḥrūt* (Икл. II, 396) 'многие из химьяритских племен образуются по (модели. — А.Б.) *'ufūl : 'uyfū'* (ед.ч. *yafa'*. — А.Б.), *'uyzūn* (ед.ч. — *yazan*. — А.Б.), *'uwsūn* (ед.ч. названия рода *dū 'awsān*. — А.Б.), *'uḥrūt* (от имени соб. *ḥārīt*. — А.Б.)'.

4.9.6. Четырехгласные основы модели $mV-C_1C_2VC_3(at)$ образуют форму мн.ч. как $ma-C_1\bar{V}C_2VC_3$ в соответствии с общей южносемитской моделью: *wa-l-maḥfidu-maḥāfidu hiya quṣūru-l-muluk...* (Н/Ш, 27) '...а *maḥfid* < мн.ч. > *maḥāfid* — это дворцы царей'; *wa-l-maṣna'atu 'al-binā'u wa ḡam'u-hā maṣānī'u...* (Н/Ш, 63)

'а *mašna'atu* — здание, сооружение, а множественное число от него — *mašāni'u*'. Ср. также саб. форму мн.ч. *mḥrtt* 'возделанные земли' или *mḥfd* 'башня' — мн.ч. *mḥfdt* [Бауэр, 1966, с. 57]; геэз *maḥfad* — мн.ч. *māḥāfəd/maḥfədāt* 'башня замка' (ср. также образование форм ЛМ от четырехсогласных основ в мехри [Jahn, 1905, с. 44, 45—50, 51, 53, 59, 62]).

4.9.7. Субстратные формы множественного числа. В химьяритско-йеменских текстах и лексике выделяется группа именных основ, которые арабскими источниками и арабскими словарями толкуются и переводятся на арабский как основы ед.ч. Часть из них рассматривалась в разделе о структуре четырехсогласных основ.

Арабские источники передают эти формы аналогично: $C_1VC_2C_2\bar{V}C_3$ или $C_1VC_2C_2awC_3$; так, например, в стихе: *fa yā ḥaḡmatā bakkī 'alā 'umm-wāhib-*; *'akīlihi qillawbin bi-ba'di l-madānib* [ал-Кали I, с. 136] 'о глаза, оплачьте Умм Вахиб, съеденную *qillawb*- в одном из оврагов' — форма *qillawb* объясняется как 'волк' (*dī'b*-). Арабские словари приводят целый ряд структурных вариантов данной основы: *qilāb-/qalūb-/qallūb-/qillūb-/qillīb-* — без указания формы множественного.

Как йеменская лексика приводятся формы *'illawš-*, *'illawd-* 'волк', 'шакал' (в арабских словарях к последнему приводится только форма *la'wad-*). Ср. также аналогичные формы, вошедшие в арабские словари: *'iḡḡawl-/uḡḡawl-* 'теленки' наряду с *'uḡḡāl-*, а также — основной формой *'iḡl-* (мн.ч. *'iḡāl-/uḡūl-*); *ḥinnawš-* 'насекомое типа клеща'; 'лев'; *ḥinnawš-* 'поросенок'.

Сходные структуры и значения основ дают повод некоторым грамматистам для выделения их в особый разряд «имени презрительного» [Юшманов, 1938].

Однако отсутствие однокорневых «положительных» основ (за исключением форм *'iḡawl/iḡl* 'теленки') с тем же значением свидетельствует об изолированном статусе основы $C_1VC_2C_2awC_3$ по отношению как к лексической, так и к морфологической системам арабского языка. Сравнительное изучение указанных форм показывает, что они могут быть рассмотрены как субстратные формы мн.ч., отразившиеся как в современных йеменских диалектах, так и в эпиграфических южноаравийских текстах. Ср., например, формы мн.ч. в харсуси от первичных основ: *zahr* 'спина', 'задняя часть' — мн.ч. *zehāwwer*, КЛАЯ *zahr-* — мн.ч. *zuhūr*; харс. *fēlem* 'выемка', 'зарубка' — мн.ч. *feléwwem*; харс. *nemr* 'леопард', 'тигр' — мн.ч. *netāwr*, КЛАЯ *nimr/namir* — мн.ч. *numr-/numur-/nimar-/nutūr-/anmur-*, саб. *nmr* — мн.ч. *'nmr*; харс. *qēder* 'горшок' — мн.ч. *qedāwr*, КЛАЯ *qidr* — мн.ч. *qudūr*; харс. *sāqer* 'сокол' — мн.ч. *seqēwwer*, КЛАЯ *saqr* — мн.ч. *aṣqur-/suqūr-/ṣiqār-*; ср. также мехри *herq* 'вор' (< *srq* 'красть') — мн.ч. *herwōq*. Здесь следует заметить, что в харсуси именно основе *kawb/kōb* 'волк', 'собака' соответствует другая модель мн.ч. *kelōb* с восстановлением корневого состава.

Можно предположить, что формы множественного структуры $C_1C_2wC_3$, встречающиеся в сабейском и катабанском от первичных основ $C_1VC_2C_3 / C_1VC_2VC_3$, отражают формы $*C_1VC_2awC_3 / *C_1VC_2VwwC_3$, например: саб. *mdwr* — мн.ч. от *mdr* 'земля' (при основной форме 'mdr); кат. *grwb* (мн.ч.) 'террасное поле', ср. исходную основу с йем. (хадр.) *garb* 'поле', КЛАЯ *gīrba* 'поле, подготовленное к посеву', кат. *š'wb* (мн.ч.) 'каналы', ср. йем. (хадр.) *šu'b/š'ubāt* — мн.ч. *šī'ab*; саб. *mlwk* (мн.ч.) от *mlk* 'собственность', 'владение', 'имущество', ср. возможную исходную основу сев.-араб. *mulk/milk/malak/muluk* с мн.ч. 'amlāk; в саб. также *šnwq* (мн.ч.) 'узкая городская улица', ср. КЛАЯ *zanq(at)*; марок. диал. *zānqa*, диминутив *znīqa*, мн.ч. *-āt/znāqe* 'улица'. В сабейской грамматике А. Бистон приводит замечание В.В. Мюллера о том, что в сабейском форма *f'wl* может быть поздней и «отражает химьяритское (?) влияние» [Beeston, 1962, с. 26]. Однако именно форма *fī'wal* (см. ниже), приводимая им из йеменских диалектов, соответствует не первичной основе ед.ч. $C_1VC_2C_3 / C_1VC_2VC_3$, но основе $C_1VC_2\bar{V}C_3$.

Химьяритско-йеменские основы, рассмотренные выше, как в арабских источниках, так и в словарях, передаются с геминированными $-C_2-$. Это явление можно объяснить как передачу: а) собственно химьяритского произношения; б) чуждой формы (ср. частые метатезы и аллотезы при передаче химьяритских слов арабскими авторами).

Рассматривая субстратные формы мн.ч., необходимо для воссоздания общей картины коснуться и тех особых форм, которые, хотя и не отражены непосредственно в химьяритском материале, представляют заметный пласт в языках и диалектах южноаравийского ареала. К ним следует отнести форму мн.ч. по модели $C_1VC_2wV_3 / C_1VC_2awwiC_3$ от основ ед.ч. модели $C_1VC_2VC_3$ (ср. [Diet, 1976, с. 29—39, § 18]).

В йеменских диалектах в этот формообразовательный ряд входят имена-субстантивы модели $C_1VC_2\bar{V}C_3$: *ṭarīg* 'путь', 'дорога' — мн.ч. *ṭurwag* [Rossi, 1939], *ṭirwag* [Behnstedt, 1985, с. 68], *ṭurwug* (Аден); ср. КЛАЯ *-ṭuruq-/ṭāruq-*, во всех североарабских диалектах *-ṭuruq*; *ḥarīr* 'деревянный скребок, который тянут два животных для сгребания тины, принесенной селевым потоком' — мн.ч. *ḥorwir* (Дофар), но хадр. *ḥurur* (Land. Hđr., 121); *šarīg* 'канал в западном Йемене' [Rossi, 1937] — мн.ч. *širwag* (КЛАЯ *šarg-/šarīg-* — мн.ч. 'ašrāg-; геэз *šarg* — мн.ч. 'ašrāg/'ašræg, саб. мн.ч. *šrg* 'водосток'); 'arīm 'плотина', 'запруда' — мн.ч. 'arwāt [Rossi, 1940], хим. 'arim (H/Ш, 71), а также — мн.ч. 'aṭām [Али б. Заид, с. 127]; ср. саб. 'rm — мн.ч. 'rm 'плотина'.

Некоторые имена-субстантивы модели $C_1VC_2\bar{a}C_3$: *bilād* 'страна', 'население' — мн.ч. *bilid/bilwid* (хадр.), *belawwid* (Дасина) [Diet, 1976, § 19], ср. *kitāb* 'книга' — мн.ч. *kutawwib* [Diet, 1976, § 19], но также *kitāb* — мн.ч. *kutub* [Rossi, 1939].

Учитывая рассмотренные специфические йеменские формы мн.ч. и действие аналогии моделей $C_1VC_2\bar{V}C_3$, можно установить модель мн.ч., передаваемую в сабейском и катабанском как $C_1C_2iC_3$, ср., например: 1) саб. мн.ч. 'rwn 'земля, поросшая лесом' и КЛАЯ 'arīn-, мн.ч. 'urun 'лес', 'роща'; 2) саб. мн.ч. blwd 'поселение' — йем. bilwid/belawwid; 3) саб. мн.ч. dlwl 'разведчик', 'шпион' — араб. основа dalīl- 'проводник', 'агент'; 4) кат. hrf 'год' наряду с формами мн.ч. hryf/hryft отмечена и форма hrwf, ср. хим. основу ед.ч. hryf 'год'; КЛАЯ harīf 'осень', 'год'; геэз hārīf (< hārīf) 'текущий год'. Прочтение формы hrwf как *harāwif, которое предполагается в работе В. Дима [Diem, 1976, §18], не соответствует морфонологическим правилам образования по четырехсогласной модели: от $C_1VC_2iC_3$ (ед.ч.) может быть только форма $C_1aC_2āyiC_3$ (мн.ч.), ср. другие формы от основы hrf (саб.) и hryf(t) (кат.). В сабейском среди форм мн.ч. от *harīf следует отметить форму hrf, которая может соответствовать северноарабской форме мн.ч. от данной основы $C_1aC_2\bar{V}C_3$ — *huruf; 5) кат. zrbt — мн.ч. zrwb 'земельные владения' [Бауэр, 1966, с. 56], ср. в диалекте хассания — zrība 'огороженное место' (где z > z); 6) по рассматриваемому типу можно трактовать одну из форм мн.ч. от саб. kbr 'глава племени', 'высшее административное лицо' — kbr/'kbr/'kbrw/'kbrt/поздн. kbwr; ср. араб. основу ед.ч. *kabīr; одна из форм kbr может соответствовать «регулярной» северноарабской *kubur; последняя же форма kbwr может отражать йеменский субстрат.

4.9.8. Можно ли обнаружить источник рассмотренных субстратных форм? Отсутствие аналогичных или подобных форм в эфиосемитских языках исключает поиск источника в ареале их распространения (ср. также [Diem, 1976, с. 19—20, 29—30]).

Выше рассматривались некоторые формообразовательные модели в одном из южноаравийских языков (харсуси) от первичных основ $C_1VC_2C_3/C_1VC_2\bar{V}C_3$.

В мехри формы мн.ч. от первичных субстантивных основ с инфиксацией -y/-w- менее регулярны, причем позиция инфикса более свободна по отношению к согласным основы, ср. gālf 'леска' — мн.ч. gāylōf, но šarq 'полено' — мн.ч. širioq (ср. араб. sārīqat- 'небольшая пила'); saṭh 'крыша' — мн.ч. saṭōweh (ср. КЛАЯ saṭh — мн.ч. suṭūh-), но harq 'жара', 'зной' — мн.ч. harqōten (ср. КЛАЯ harq-/haraq-/harqat-/hurqat-); можно допустить нерегулярную форму в мехри harqōten от неизвестной основы с окончанием *-(a)t; ср., например: na'amāt 'благоденствие' — мн.ч. na'amōten, wuzenāt 'мера' — мн.ч. wuzenōten, šhanāt 'судовой груз' — мн.ч. šhanōten; или bāgal 'мул' — мн.ч. beygōl, ср. харс. begelet — мн.ч. begāl, сев.-араб. (классический и диалекты) baḡl/baḡal — мн.ч. biḡāl/'abḡāl; геэз baql — мн.ч. 'abqal; но мехри bāṭah 'пыль', 'прах' — мн.ч. beṭāh и т.п.

Субстантивные основы модели $C_1VC_2\bar{V}C_3$ как в мехри, так и в харсуси имеют менее регулярные модели мн.ч., ср., например: харс. derā 'предплечье от локтя до кисти' — мн.ч. derāwwet (КЛАЯ

dirā' — мн.ч. *durān-/ʾadru'-*), но *remēd* 'пепел', 'зола' — мн.ч. *merēmed* (КЛАЯ *ramād-*); харс. *hedēd* 'железо' — мн.ч. *hedōdet*, но *refīf* 'грива' — мн.ч. *refōf*; ср. мехри *tarēf* 'сторона' — мн.ч. *terwōf*, но *wuḡād* 'путь' — мн.ч. *wīḡōd/woḡādīn* или *kerīf* 'водоем', 'цистерна' — мн.ч. *hākerēften* (ср. саб. ед.ч. *krf* — мн.ч. *krf, kryf*).

Основы, обозначающие признаки и качества, в харсуси представлены множеством регулярных примеров: *belās* 'нагой' — мн.ч. *belwōs*, *hedēb* 'горбатый', 'горбун' — мн.ч. *hedwōb*, *dekīm* 'глупый', 'тупой' — мн.ч. *dekwōm*, *tefīl* 'хромой' — мн.ч. *tefyōl*. Однако есть и исключения: *sedēd* 'суровый', 'жестокый' — мн.ч. *sedēd* (ср. КЛАЯ *šadīd* — мн.ч. *šidād-*) или *heṭēm* 'больной' — мн.ч. *heṭōm* и т.п. В мехри также можно отметить образование формы мн.ч. от основ модели $C_1VC_2VC_3$, обозначающих признак или качество, по аналогичной модели: *ḡālīz* 'плотный', 'густой' — мн.ч. *ḡalwōz* (ср. КЛАЯ ед.ч. — *ḡulāz-/ḡālīz-* 'грубый', 'густой') или *zalīb* 'твердый', 'крепкий' — мн.ч. *zawōb* (ср. КЛАЯ *ṣalīb-*); *ṭawīl* 'длинный' — мн.ч. *ṭaywōl* (харс. *ṭawīl/ṭaywal* — мн.ч. *ṭewēl*, КЛАЯ *ṭawīl* — мн.ч. *ṭiwāl*); однако от основы *qarīb* 'близкий' — мн.ч. *qar-bēye*; *nefīs* 'широкий', 'вместительный' — мн.ч. *nefōs* и др.

Несмотря на то что некоторые исследователи считают приведенные формообразовательные модели в южноаравийских продуктивными [Diet, 1976, с. 29] и регулярными [Bittner, 1913, с. 57], сравнительное исследование материала в харсуси и мехри свидетельствует о частом и не обусловленном фонетически нарушении парных моделей единственного и множественного числа (ср. также [Diet, 1976, § 55]). Материал мехри представляет по сравнению с харсуси еще большую нерегулярность (см. [Jahn, 1905, с. 35—69]). Кроме того, материал как харсуси, так и мехри показывает значительное влияние арабских лексических и морфологических моделей.

Языковое распределение моделей может представить как бы «обратную» связь влияний, ср., например, в диалектах Йеменского нагорья: *kitāb* 'книга' — мн.ч. *kutub*; в диалекте Дасины *kitāb* — мн.ч. *kutawwib*, но мехри *ktōb* — мн.ч. *ktebīn*.

Можно допустить, что своеобразные формы мн.ч. в йеменском ареале являются вторичными, возникшими в результате местных фонетических изменений в области вокализма дифтонгов и слоговой структуры исходных общих южносемитских моделей; возможно, в результате наложения новой системы ударения на древнюю тоновую систему (или систему двухверхинного ударения [Бауэр, 1966, с. 37, 53, 60]). Ср. в сокотри образование внешнего мн.ч. с суффиксами для м.р. *-(e)hīn/- (e)hon* [Лекиашвили, 1964, с. 131], а также внутреннего мн.ч. : *'oben* 'камень' — мн.ч. *ibhōn*; также [Наумкин, Порхоновский, 1981, с. 116] и окончания мн.ч. ж.р. в майнском, катанском и хадрамаутском — *-ht* [Бауэр, 1966, с. 60]. См. также (Gr. I, 142); [Jahn, 1905, с. 15—19].

Однако установить источник, очаг развития этих форм в настоящее время трудно: материал харсуси представляет наиболее

определенную картину, тогда как мехри отражает уже более гетерогенную систему формообразования, нарушаемую арабским влиянием и рядом других, менее известных факторов.

Исключив «чистые», южноаравийские не обусловленные фонетически модели C_1Vu/wC_2VC_3 и C_1VC_2u/wVC_3 , можно лишь с большой долей определенности отметить, что в южноаравийских языках не только четырехсогласные основы, но и основы с долгим гласным как в первой, так и во второй позициях (т.е. $C_1\bar{V}C_2VC_3/C_1VC_2\bar{V}C_3$) образуют формы мн.ч. по моделям четырехсогласной основы $C_1VC_2Vu/wC_3/C_1Vu/wVC_2VC_3$ с соответствующими морфонологическими и фонетическими вариантами. Это формообразование отражается нерегулярно и в северноарабской морфологической системе; активно действует как в классическом языке, так и в арабских диалектах, а наиболее ярко проявляется в восточноаравийских диалектах, где захватывает такие основы, как $C_1VC_2C_2\bar{V}C_3$ (мн.ч. $C_1VC_2\bar{V}C_2\bar{V}C_3$) [Белова, 1982, с. 5—12].

Если допустить, что формы $C_1C_2wC_3$ в сабейском и катабанском отражают рассмотренные основы, характерные для современных южноаравийских (ограниченный материал языка сокотри по предварительному анализу рассмотренных специфических форм мн.ч. не имеет) и йеменских диалектов, то время их существования (или появления) следует отнести к достаточно раннему периоду развития южноаравийского языкового союза. Однако установить, являются ли эти формы субстратом именно древних южноаравийских языков в химьяритском и йеменских диалектах, или, напротив, «химьяритскими» формами, явившимися адстратом для соседних языков Йемена, в настоящее время пока трудно.

4.9.9. Заканчивая анализ специфических южноаравийских (или йеменских) моделей ломаного множественного, следует их сопоставить с моделями мн.ч. от соответствующих исходных основ ед.ч. в классическом арабском и северноарабских диалектах.

Первичные однокорневые основы ед.ч. $C_1VC_2C_3$, $C_1VC_2VC_3$ из арабского приводились частично в разделе 4.9.3, однокорневые основы модели ед.ч. $C_1VC_2VC_3$ — в разделе 4.9.4. Поскольку однокорневые, т.е. от общего корня, именные основы могут иметь в северноарабском, в йеменских диалектах, в ЭЮА и в современных южноаравийских языках различные структурные модели основ ед.ч., для сравнения привлекаются не только однокорневые основы, но основы одной структуры, дающие регулярные модели мн.ч. (см. табл. 14).

4.10. Падежная система

Установление падежной системы химьяритского языка осложняется тем, что химьяритские тексты ограничены краткими отрывками, а на химьяритские формы накладывается арабская морфологическая и синтаксическая системы. Тем не менее по некоторым

Таблица 14

Образование формы мн.ч. в южносемитских языках

ед.ч.	Основа	Язык					
		КЛАЯ	сев. АДД	ИДД	ЭЮА	те	гезз
C ₁ аC ₂ C ₃	(hābī)						
	hibāl			hibāl		habāl	'ahbāl
	'a-hbāl						
	hubāl						
	'ahbul						
	(ḥaṣm)						
	ḥuṣūm						
	(kāb)						
	klāb			klāb(af)		'aklūb	kalabāt
	'aklub						
C ₁ IC ₂ C ₃	(qār)					(qār)	
	qurūn	qurūn	qurūn	'qrn		'aqarnāt	
	(qabr)						
	qubūr	q(u)būr	qubūr	'qbr			
	(qīdr)						
	qudūr	qdūr					
	(šīb)						
	'ašbār	šbār, šbūr		šbar, šbur			
	(nīm)						
	nīmār						
	nīmūr						
	nīmūr	nmūr(a)	nmār(a)	'nmr			
	(uḡ)						
	'iḡāl						
	'uḡūl		'uḡūl			'əḡal	'əḡwəl
	(qīl)						
	'aqhāf						
	quhūf						
	(līr)						
	'uḡūr						

Продолжение табл. 14

ед. ч.	Основа	Язык			
		харс.	мехри	тна	сох.
C ₁ аC ₂ C ₃	(hābēl)				
	hebēwwel				
	(mōlēn)				
	melēwwen				
	(ḥaṣm)				
	ḥeṣēwwem	(ḥaṣam) ḥaṣōm			
	(kōb)				
	kelōb	(kōb) hakūebet	(kālūn) 'akalōbīl		
	(qōn)				
	qerōn	(bōb) habwebet	(qārnl) 'aqarntl	(qan) qerān	
C ₁ IC ₂ C ₃	(qōber)				
	qebōr				
	(qedēr)				
	qedāwr				qawdher 'lqdbēr
	(seber)				
	sebawr				
	(nemr)				
	nemāwr				(nābrī) 'anabēr
	(qahf)				
	qehāwf				
	('afer)				
	'āfewer				

формам написания отдельных слов и словосочетаний, а также по косвенным синтаксическим признакам можно предпринять попытку выяснить состояние падежной системы в химьяритском.

4.10.1. Предварительный сравнительный анализ химьяритского материала и материала ближайших родственных ему языков свидетельствует о том, что система падежных флексий находится в химьяритском в стадии разложения, исчезновения. Однако этот процесс представляется неравномерным и нетотальным, т.е. падежные падежных флексий происходит в первую очередь в определенных синтаксических позициях, во вторую (или одновременно) — распространяется на именные лексемы определенной структуры, обусловленные позиционными фонетическими или морфонологическими причинами.

Некоторый материал был рассмотрен в разделах об окончаниях мн. ч. Здесь он может быть интерпретирован с точки зрения отношения к падежной флексии.

4.10.2. Некоторые стихи, приписываемые химьяритским поэтам, но передаваемые в арабизованной форме средневековыми арабскими авторами, могут частично свидетельствовать о наиболее позднем состоянии падежных окончаний и их пережитков в период X—XII вв.

В варианте стиха о матери одного из правителей, растерзанной волком, передана вся система падежных окончаний: *ya ḡaḥmatī bakkiyāla 'ummi mālikin qaṭilati qillūbin bi 'ḥda l-maḍānibi* (H/III, 17) 'О глаз мой, оплачь мать царя, убитую волками в одном из оврагов!'. Здесь отмечены все окончания генитива -i как в предложениях, так и в сопряженных конструкциях. Однако окончания генитива с нунацией в именных *mālik-in* и *qillūb-in*, а также использование артикля -l представляет этот текст в большой степени арабизованным.

В другом стихе, в размере раджаза, размер и рифма обуславливают отсутствие гласного окончания имен в конечной, паузальной, позиции: *hamdānu qawmun sādātun wa 'aqwāl laysa la-hum fi l-'ālamīna 'amṭāl la-hum 'aṭāyā ḡammatun wa'akāl* (H/III, 3) 'Хамдани ты — господа и кайли, нет им в мире подобных: у них — изобильные дары и блага'. В тексте переданы окончания именительного падежа в соответствии с правилами арабской системы и с нунацией, однако паузальные окончания на -āl не имеют конечного гласного.

Модели мн.ч. конечных рифмующихся имен соответствуют моделям сабейского (хотя модель *'amṭāl* — саб. *'mṭl* 'образ', 'статуя' совпадает и с арабской), ср. *'aqwāl* — п.-саб. *'qwl*, *'ql*; однако *'akāl* — саб. *'kyl* 'зерно', 'мука'; ср. также в арабских словарях другое значение *'kl*: *'akil* 'король', 'тиран'.

В тексте, относимом арабским автором к химьяритскому «муснаду», содержится химьяритская поговорка: *li-man mulku zaḡār li-ḥimyar yaḥār(u)* (H/III, 30) 'у кого владение Зафаром — к Химьяру возвращается', т.е. кто владеет Зафаром, вернется в Химьяр.

Слова текста также снабжены арабскими падежными и глагольными окончаниями (*mulku* 'владение', *yaḥāru* 'вернется'). Однако рифмованное окончание *yaḥār* не может соответствовать таковому в имени *zafār*, которое по арабским правилам должно иметь окончание *-a*, а по описанию источников *-i* (*zafāri-* имеет окончание на *-i* по типу *ḥadāri* 'берегись'). Ср., например, у Йакута: *zafāri bi manzilati qafāmi wa ḥadāri...* (Йакут III, 576—577) 'название Зафар — по типу Катами и Хазари...'. Можно предположить здесь также рифму на *-ār* без падежных и глагольных окончаний. Ср. также использование рифмы на *-ar* в химьяритской поговорке, где рифмуются слоги на *-ar* с различными конечными гласными: *wa fi kalāmi l-ḥimyarīyi : al-'amtu ḥaḡarun wa l-'abdu wazarun wa min-al-'aḡiri l-ḥadara l-ḥadara dābbata-ka 'aqara wa l-'alafa baḡḡara...* (Н/Ш, 108) 'в словах химьярита: служанка — город; раб — цитадель на горе; наемного — ограничивай, ограничивай; твоему вьючному животному подрезай жилы; кормовую траву сей...' и т.д. Рифмованная поговорка предполагает рифму на уже указанный слог *-ar* с безразличным рифме гласным окончанием, не отражающим также в трех последних глагольных выражениях какой-либо морфологической функции.

Рифмованные поговорки и стихи, несмотря на арабское переложение и оформление, свидетельствуют об использовании моделей имен и глаголов с последним долгим закрытым слогом под ударением, которое исключает конечный безударный краткий гласный, ср. *law lā m-'ibāb lam tanfuq im-ka'āb* (Н/Ш, 68) 'если бы не беспрестанное чванство, не сдох бы надутый'.

4.10.3. Анализ прозаических текстов, где синтаксические формы не обусловлены рифмой, позволяет с некоторой долей гипотетичности установить в химьяритском в некоторых случаях наличие окончания аккузатива в именах ед. ч.

Химьяритская цитата из исторического сочинения ар-Рази (ум. в 1068 г.) о городе Сан'а: *r'yk b-n-ḥlm k-wldk 'bn' mn ṭyub* [Rossi, 1938, с. 261—265] 'я видела во сне, что родила сына из чистого золота' (ср. саб. *ṭyub* 'чистое золото'). Точная, не арабизованная передача глагольных личных форм (*r'yk*, *wldk*) имени с химьяритским артиклем *Vn- позволяет предположить, что форма имени *'bn'* 'сына' является аккузативом.

Слова химьяритки, переданные одним из арабских очевидцев: *sami'tu- 'mra'atan 'an ḥimyara turaqqiṣu walada-ha wa taqūlu: yā rabb(-)nā man sarra-h(u) 'an yakbarā fa hab la-hu 'ahlan wa mālan ḥiyarā* (С/Д) 'я слышал, как одна женщина из племени химьяр заставляла танцевать своего сына, приговаривая «о господь наш, если порадует его, чтобы он [сын] вырос, то даруй ему семью и скот поболее». Формы аккузатива *'ahlan* и *mālan* снабжены арабским тенвином, однако форма наречно-обстоятельственного значения передана, по-видимому, более точно как *ḥiyarā* без тенвина (ср. в современных йеменских диалектах Центрального Йеменского нагорья форму *ḥayrāt* 'много' [Behnstedt, 1985, с. 171])

(в йеменских диалектах отмечается явление $h > ʕ$, как и в других семитских языках [Майзель, 1983, с. 166]).

Окончание аккузатива можно отметить в химьяритской поговорке: *dw hl qyl' dy dw ġrr ġyl'* (Икл. II, 352—353) 'не является кайлем тот, кто не провел канал' не только для прямого дополнения, объекта действия *ġrr ġyl'* 'провел канал', но и для предикатива при глаголе бытия *hl qyl'* 'был кайлем'; ср. также в тексте, переданном как надгробная надпись: *'wl ly 'n-qsm... b-illt r'hd'* (Икл. VIII, 159); [Müller D.H., 1877, с. 21—22] '...доставляли мне огородную зелень... с росой свежей', где форма *r'hd'* выступает предикативным определением к имени *'n-qsm* 'огородная зелень' и имеет окончание -'.

Примечательно, что в геэзе также отмечается аккузатив имени (именного сказуемого) при глаголах становления, существования *kona* и *hallo* [Старинин, 1967, с. 102] (ср. *regemta kuni* [Старинин, 1967, с. 102] 'проклята будь', т.е. 'стань').

4.10.4. Показатель генитива можно обнаружить в химьяритских текстах только в сопряженных позициях основ с окончанием на долгий гласный или на полугласный.

Следы изменения по падежам можно обнаружить в форме *dw/dy*, предшествующей имени собственному, ср. *'ny mrid dw dny'n...* [Müller D.H., 1877, с. 17] 'Я, Мурасид Зу Дуньян...', где *dw* отражает окончание номинатива, и *mn kryb dy m'dnm* (Икл. II, 354) 'от Курайба Зу Ма'зина...', где *dy* отражает окончание генитива. Ср. также в стихотворном тексте *lā taḥzanān... dā marātidi...* [Müller D.H., 1877, с. 15—16] 'не печалься... Зу Мурасид!' (звательная форма-аккузатив).

Напротив, имя, занимающее вторую позицию в сопряженном словосочетании, может не иметь гласного окончания, что обуславливается, по-видимому, расширением тех позиций, которые ранее были паузальными лишь в определенных случаях, и распространением этих паузальных позиций на второй компонент генитивного словосочетания: *wa fī kalāmi-him šay'un mina t-taḥmīr... yaqūlūna ya-bna-m-'am fī yā bna-l-'ammi...* (Сифат, 134) 'в речи их есть что-то от химьяритского... они говорят: «о, сын дяди», где *-m-'am* без гласного окончания вместо *yābnā-l-'ammi'*.

Следы падежных окончаний можно увидеть и в формах мн.ч. *bnw/bny* 'сыновья': *nḥn w bnw-n w bnw bnyn* (Икл. VIII, 56—57) '...мы, и сыновья наши, и сыновья сыновей наших...' и в сопряженном состоянии имени в форме дв.ч., например: *'lh'n w nḥh'n bn' tbb' bn hmdn...* (Икл. VIII, 83) 'Алхан и Нафхан два сына Тубба' сына Хамдана...', где *bn'* — форма дв.ч. в сопряженном состоянии; и... *b-'ly ġyrm w m'ty r'kbtm...* (Икл. II, 354) 'с двумя тысячами деревянных катков и двумястами опорными балками...', где окончания -у- (*'ly*, *m'ty*) может свидетельствовать о косвенном падеже имени в форме дв.ч. Возможно, что данный текст, где отражена мимазия, относится к более раннему периоду.

4.10.5. Напротив, некоторые химьяритские формы могут свидетельствовать о падении или отсутствии падежного окончания.

Возможно, это произошло по фонетическим причинам. Ср. *ḥuwn b-hgr-n mlwk' ḥng' b'n* [Müller D.H., 1877, с. 17] '...мы жили в нашем городе царями подобно нашим отцам', где форма *'b-n* в сопряженном состоянии может отражать форму *'abā-nā*. Падение конечной слабой в этой форме привело к образованию неизменяемого окончания. В арабском и ЭЮА для присоединения окончания *-i* (показатель генитива) необходим один из полугласных (или *'-*) для устранения стечения двух гласных, ср. саб. мн.ч. *'bh/'bw* (от ед.ч. *'b*) 'отец', в арабском переводе данной конструкции передается классическая форма: *miṭla 'abā'i-nā* 'подобно отцам нашим'.

В данном примере можно предположить также и дефектное написание словосочетания *'b'n*, так как *mlwk'* 'царями' передает форму аккузатива.

Падение генитивного окончания могло произойти в химьяритском ранее, чем исчез падеж на *-a* (об этом может свидетельствовать употребление *dy(dy)* как *Nota genitivi* — см. ниже). Однако этот процесс мог быть также нетотальным: окончание могло сохраняться в первой позиции имени сопряженного, особенно — в тех именах, которые выполняли в большей степени не самостоятельную, а вспомогательную функцию (типа *dū/dī/dā*, *banū/banī* и т.п.) при именах собственных.

Значительное количество химьяритских именных форм с суффиксом *-ān*, с префиксом *ya-*, имена собственные по четырехсложной модели, которые и в арабский вошли как «имена двухпадежные», могут косвенным образом свидетельствовать: 1) о редукции падежной системы или вообще о существовании в химьяритском двухпадежной системы; 2) об отсутствии нунации. Передача окончаний химьяритского аккузатива в арабских источниках арабскими авторами с помощью «алифа» может быть интерпретирована не только как окончание *-an* (с нунацией), но и как окончание *-ā*. См. падежные окончания в химьяритском тексте: *bnyn baunwn nḥn w bnwn w bnw bnyn swqtyn w bnyn 'fyq b-wh'zt 'uydyn* (Икл. VIII, 56—57) 'мы строили Байнун, мы и сыновья наши, и сыновья сыновей наших, <будучи> наследниками, и <мы> строили Афйк в Вухазе <будучи> ловкими'. Арабский источник переводит форму *swqtyn* : *hatta faniya minnā kaṭīr* 'пока не исчезли из нас многие' (Икл. VIII, 49). Этот перевод допустим, если принять *sw* как союз *hattā* (араб.) 'пока не' аналогично химьяритскому тексту *sw s'mn'* [Saliba, 1985, с. 716] 'пока не устали' (ср. саб. *ṭw* 'пока', 'до тех пор пока'); в этом случае необходимо объяснить вторую часть словосочетания *qtyn*. Вместе с тем в арабских словарях имеется изолированная форма *sawqat-* 'вице-король'; 'наследный принц'. Размер и рифма текста все же предполагают рифму с конечной формой второй части — *'uydyn* на **ṭn*. Имена собственные *bnynw*, *'fyq* не имеют показателя

аккузатива, имена в позиции предикативного определения по согласованию выражены формами мн.ч. в косвенном падеже на *-īn*. Можно допустить, что арабоязычные авторы принимают имена собственные как иноязычные и двухпадежные, с кратким *-a* в аккузативе или вообще не видят в них гласных окончаний. Однако имя, имеющее аналогичную форму в арабском (хотя и с другим значением), в том же тексте сохраняет окончание аккузатива: *nḥn bnyn' salḥyn whd-h' b-sb't w sb'yn ḥryf'* (Икл. VIII, 49) 'мы строили один только Салхин в течение 77 лет' (*ḥryf'* имеет окончание аккузатива в сочетании с соответствующим числительным — 77).

Возвращаясь к замечанию о падении генитивного окончания, можно предположить, что химьяритские формы и слова:

а) по-разному подвергались арабизации,

б) относятся к текстам из различных районов Йемена или к разным периодам функционирования химьяритского языка.

Однако в целом фонетические изменения в паузальных позициях, равно отмеченные различными источниками (см. разделы I.2.2; I.2.3; I.3.1 и I.4.2), а также приведенный выше материал могут свидетельствовать о процессе неравномерной редукции гласных окончаний и соответственно падежных окончаний. Первым этапом редукции указанных окончаний являются «паузальные» позиции не только в рифмованных текстах, но и в прозаических. Одновременно могут утрачивать гласное окончание имена собственные и нарицательные модели $C_1VC_2VC_3$, $C_1VC_2\bar{V}C_3$ / $C_1VC_2C_3\bar{V}C_3$, т.е. имеющие гласный во втором слоге основы, который позволяет избежать консонантного кластера при отсутствии гласного окончания.

В то же время гласное окончание сохраняется, будучи обусловлено фонетически, в односложной основе *du/dī/dā*, имеющей постоянную позицию первого члена сопряженного словосочетания. Таким же образом сохраняется долгий гласный в основе *bnw/bny* 'сыновья', которая также имеет постоянную позицию первого члена сопряженного словосочетания. В указанных позициях гласные окончания сохраняют и морфологическую функцию — передают падежное значение.

Окончания дв.ч. *-u* и мн.ч. *-un* точного свидетельства в пользу сохранения значения косвенного падежа иметь не могут, так как в текстах нет пока соответствующих форм **ā/*ūn*, указывающих на номинатив. (Ср. окончания араб. диал. *-ēn*, *-īn*, арам. (сир.) *-īn*, др.-евр. *-īm*.)

Приведенные выше примеры окончания аккузатива в именах ед. ч. (если они не отражают влияние арабской морфологической системы) свидетельствуют о том, что аккузатив сохраняется дольше в силу особых функций: указания на прямое дополнение, на предикативное определение, на обстоятельственные значения, ср., например, препозицию объектов: *...w-n-sryf nḥdyn w-n-īmyn nlbsn* [Müller D.H., 1877, с. 17] и другой вариант из того же источника *...l-īmima nalbisāni wa-ṣ-ṣarīfa nuḥdiyāni* (H/Ш, 60)

‘серебром мы обуваемся и шелком одеваемся’, где прямые дополнения *şruy* и *ımyt* предшествуют глагольным формам *nhdun* ‘обуваемся’ и *nlbsn* ‘одеваемся’. Во втором варианте текста, более арабизованном (ср. замену артикля), прямые дополнения помечены окончанием аккузатива.

Большая устойчивость показателя аккузатива может быть подтверждена и на материале геэза, сохранившего одно окончание *-a* как показатель объектного отношения, но утратившего показателя других падежных отношений. Примечательно в этой связи частичное сохранение падежных окончаний в указательных местоимениях геэза: *zentú* (им. пад.), *zánta* (вин. пад.); в вопросительных местоимениях: *mannú* ‘кто’, *mánna* ‘кого’; в числительных *aḥadú* ‘один’, *kəl ʾətu* ‘два’, *šalastú* ‘три’, а также — в конструкциях *abū-hu* ‘его отец’ и *abā-hu* ‘его отца’ [Старинин, 1967, с. 58—59]. Вторая функция окончания *-a* в геэзе рассматривается В.П. Старинным как «окончание определительного склонения» [там же, 1967, с. 60—61], т.е. показатель *-a* присоединяется к первому члену сопряженного словосочетания. Не исключая возможности синтаксической функции, типологически сходной с изафетом, можно предположить, что гласный *-a* выполняет в этой конструкции просодическую функцию, устраняя стечение согласных (в окончании первого имени и в начале второго имени словосочетания), так как в геэзе большинство именных основ оканчивается на согласный (ср. [Старинин, 1967, с. 54—55]; исключения см. [Dillmann, 1907, с. 275—277; Старинин, 1967, с. 39]).

То, что падежная система в химьяритском соответствовала североарабской и не исчезла полностью в период фиксации химьяритских текстов и «химьяризов», косвенным образом вытекает из арабских комментариев к химьяритским текстам: полное отсутствие или неразличение падежных окончаний было бы для арабоязычных современников слишком заметным явлением, чтобы обойти его молчанием: ср. точную передачу фонетических изменений окончаний в паузальных позициях; обязательное указание на отличие артикля (об этом см. ниже). Многие замечания арабских авторов свидетельствуют о том, что они четко отделяли и выделяли «неарабские» особенности языков и диалектов Йемена.

4.10.6. Некоторые данные о падежной системе в йеменских диалектах периода фиксации химьяритского (X—XII вв.) имеются в тех же источниках, ср., например, описание местных особенностей в образцовании отглагольных имен действия (масдаров): *wa hiya luḡatu ʾaḥli l-yamani yaqūlūna «dāraba-hu dīrāban wa qābala-hu qībālan»...* [Rossi, 1937, с. 249] ‘это — язык жителей Йемена, <они> говорят «дрался с ним дракой, принимал его приемом...»’, где формы масдаров в позиции «внутреннего объекта» отмечены показателем аккузатива: *dīrāba(n)*, *qībāla(n)*.

Отсутствие надежных свидетельств о падежной системе в эпиграфических языках Южной Аравии не позволяет провести сравнительный анализ форм с ближайшими родственными языками.

Если учесть мнение исследователей о редукции и разложении падежной системы в среднесабейский период в сабейском и других эпиграфических языках [Бауэр, 1966, с. 62; Beeston, 1984, с. 32], то химьяритский, по нашему мнению, сохраняет еще систему падежных окончаний, которые, однако, находятся в стадии редукции, а их последовательное обозначение в некоторых текстах обусловлено влиянием арабской морфологической системы.

В собственно химьяритском падежные окончания сохраняются в позициях, имеющих или различительную синтаксическую, или вспомогательную просодическую функции (связь между словами в генитивном словосочетании), связь терминов родства с именами собственными; позиция прямого дополнения или обстоятельства. В позиции обстоятельства окончания аккузатива сохраняются в некоторых отыменных наречиях йеменских диалектов: *ba'da* 'потом' [Diem, 1973, с. 15—16], *marhaba*, *lamman* [там же, 1973, с. 136—137, 140—141] 'когда'; см. также *waṣṭa l-ḥaḡarah* 'между камнями' [там же, 1973, с. 134—135], где гласное окончание *waṣṭi-a* выполняет структурно-просодическую функцию (ср. в паузальной позиции: *fi'ilu ṣ-ṣāhid bi-l-waṣaṭ* [там же, 1973, с. 140—141] 'положили надгробный камень в середину'); а также в предлогах: *'inda-na* 'у нас'.

5. NOTA GENITIVI

Показатель отношения, происхождения или принадлежности **d(V)* характерен для многих семитских языков. Однако в северноарабском классическом можно указать только ограниченные обороты *du l-ḥilati* 'хитрец', *du-l-māli* 'богач' (также в эпитетах Аллаха и в некоторых образных оборотах в тексте Корана) и т.п.; причем основа *dū* в классическом арабском как форма имени изменяется в числе, роде и по падежам [Юшманов, 1985, с. 130]. В связи с этим следует рассматривать употребление именной основы *dū* в химьяритских текстах через арабские источники.

В ряде текстов можно обнаружить основу **dū* в формах трех падежей: ...*ldu l-mḥfd mn'al du ru'ayn im mlk-h dw ḥlyl* (Икл. VIII, 52) '...у которого <была> башня, из рода Зу Ру'айн, затем владел ею Зу Халил' (здесь употреблены две падежные формы: им. пад. *dw ḥlyl*; предл.-род. пад. *min dū'al*); или ...*wa dā dunṣūāna btanā qabla-nā...* [Müller D.H., 1877, с. 15—16] 'или <вспомни> Зу Дуныяна, он построил себе до нас <замок>...' (из текста автора XII в. ан-Нашуана «Химьяритская касыда»).

Парадигма форм числа основы *dū* приведена ан-Нашуаном (однако без указания на принадлежность к конкретному языку): *wa 'aṣlu dw dawa'ni miṭlu hawa'ni wa taṭniyatu-hu dawāni wa ḡam'u-hu dawūna* 'основа *dw* — *dawa'* подобно (по модели) *hawa'*, его форма двойственного числа *dawāni*, форма множественного — *dawūna*'.

Однако пример, приводимый автором из Корана *dawā 'adlin* (5 : 106) 'двое обладающих справедливостью' [Коран, 1963, с. 102], свидетельствует скорее о североарабской парадигме данной основы. Ниже ан-Нашуан переходит к объяснению значения *d̥w : wa 'adwā'u himyara mulūkun min-hum yatasammūna bi-'asmā'i yudāfu 'ilay-hā d̥w ka-qawli-him d̥w saharin...wa d̥w yazanin...* (Н/Ш, с. 39) 'а 'адwā' Химьяра — некоторые их цари, которые называются по именам, к которым прибавляется *d̥w*, так они говорят: *d̥w saharin...* и *d̥w yazanin...* и т. д.'

Таким образом, имеется два различных комментария к *d̥w*. Первый из них приводит формы без объяснения, а второй, напротив, указывает особое значение *d̥w* и форму множественного внутреннего образования 'адwā'- в отличие от общеарабской *dawīna* или коранической 'ulū, см. ...wa 'ulā'ka hum 'u(u)lu l-'albāb (39 : 19) '...и они — обладатели разума' [Коран, 1963, с. 366]; ср. саб.: ед. ч. *šlmn d-dhbn* 'статуэтка из бронзы' и мн.ч. *šlmn w-'blnhn 'ly-dhbn* [Бауэр, 1966, с. 93] 'статуэтка и два верблюда ('ly) из бронзы', т.е. в сабейском парадигма форм числа для *d̥* : ед.ч. *d̥*, дв.ч. *dy*, мн.ч. 'lw/ly [там же, с. 92]. Видимо, арабоязычный автор XII в. не воспринимал основу **dū* как этимологически единую, но различал основу *dū* в североарабском и противопоставлял ей химьяритскую основу *d̥w* с особой формой множественного и особым, «более субстантивным» значением. Такое значение позволяло употреблять форму 'адwā' как самостоятельную лексему со значением «цари Химьяра». В химьяритском языке такая самостоятельная форма не засвидетельствована (как и в сабейском), а встречается только в сопряженной позиции.

В сабейском, как уже отмечалось выше, засвидетельствована парадигма форм основы **dū* в той же функции, различающихся по роду и числу, однако синтаксическое согласование осуществляется нерегулярно [Бауэр, 1966, с. 94], например: *w kl 'līl d-bh̥rm* [там же, 1966, с. 51] 'и все боги (*d̥* — ед.ч.) моря'.

В ограниченном количестве химьяритских текстов отсутствуют ясные случаи, которые позволили бы установить парадигму форм **dū* в химьяритском по числу и роду. Вместе с тем сопоставление некоторых вариантов одного текста позволяет выявить более адекватную, собственно химьяритскую форму основы **dū*. Ср. два варианта рукописей «ал-Иклил» ал-Хамдани (X в.):

1) *nb't 'hmr* (А) и *nb't dy hmr* (Б) [Faris, 1938, с. 84] 'красное растение'. Вариант (А) 'hmr противостоит как арабизованный варианту *dy hmr*, отражающему химьяритскую конструкцию;

2) или (А) ...*mnd dw thyn b-mnd dy bhry*, (Б) *mnd dw thyn l-mnd dy bhry*, (В) *mnd d-thn b-mnd d-bhry* (Икл. VIII, 135); [Müller D.H., 1877, с. 20] 'купить мне горсть муки за горсть жемчуга', где основа **dū* в вар. (А) и (Б) передается как (*d̥*) *dw-thyn* в позиции аккузатива и как *dy* в позиции генитива (*dy bhry*); в вар. (Б) *d̥* — в обоих случаях не имеет падежного окончания и не отражает вокализма основы.

Можно отметить также некоторые отклонения от норм классического арабского в написании основы **dū* в составе имен собственных (наряду с приведенными выше формами, отражающими полную падежную парадигму): 1) *bnt nawf dū šaḡar bn dū murāṭid*, 2) *bnt nūf dū sfr bn dū mrīd*, 3) *bnt nwf dū sfr bn dū mrīd*, 4) *bnt nwf bn dū sfr bn dū mrīd*, 5) *bnt nwf dū sfr bn dū mrīd* (Икл. VIII, 135). В приведенных вариантах основа **dū* в составе родословной «дочь такого-то, сына такого-то и т.п.» постоянно занимает генитивную позицию, однако в вар. (2, 3, 4 и 5) она передается как *d/du* и *d/dw*; или ср. *yskn-h 'l-qayl dū mu'āhir* (Икл. VIII, 53) «живет в нем <замке> кайл Зу Му'ахир», где форма *du* в составе имени собственного занимает позицию номинатива.

На основе приведенных сопоставлений можно предположить, что в химьяритском, современном арабоязычным авторам, функционировала неизменяемая уже по падежам форма **dī* или **dē* (если принять во внимание перебивки *dw/du* в позиции генитива).

Передача названий химьяритских месяцев в арабском источнике XIII в. с основой **dū*: *dū širāb* «октябрь», *dū da'w*, *da'awān* (Land. Dat., 1445), саб. *ddwnm* «январь», *dū tāban* «апрель» и др. с полной огласовкой [Saliba, 1985, с. 715] — может свидетельствовать о том, что в названиях месяцев, как и в именах собственных лиц химьяритского происхождения, арабская традиция закрепила более архаичную исконную форму *dū*.

5.1. Структурно-семантическая характеристика основы **dū*

1) **dū* входит в состав имен собственных, обозначая владельца какой-либо области или происхождение лица из этой области: *mīn kurayb dū m'dnm* (Икл. II, 354) «от Курайба Зу Ма'зина», где «Ма'зин» можно отождествить с названием известного района к северо-западу от Сан'ы [Грязневич, 1978, с. 42], или *'āl dū ru'aun* (Икл. VIII, 52) «род Зу Ру'айна» (см. также [Пиотровский, 1985, с. 88]) и др. В сабейском аналогичная конструкция обозначает происхождение или отношение к роду, семье [Бауэр, 1966, с. 93]. В языке сафских текстов *d* в постоянном сочетании с *'l* [Белова, 1985, гл. II, 6.3—6.4] служит показателем отношения автора надписи к роду или племени, ср. *l whš bn msk d'l hzy* [Winnet, 1957, с. 909] «<принадлежит эта надпись> Вахшу сыну Масика из рода Хуззай». Из арабских диалектов конструкция с показателем **dū* в той же функции отмечена лишь в диалекте Мавритании — хассания, см., например, название одного из племен *dwi ḥassān* [Завадовский, 1981, с. 28—29]. Ю.Н.Завадовский подчеркивает также южноаравийское происхождение ма'кильских племен, носителей диалекта хассания [там же, 1981, с. 11, 28].

2) **dū* функционирует как показатель отношения в широком смысле, например части к целому, ср. приведенные выше примеры: *mnd d(w, y) ṭhyn b mnd dū bhry* (Икл. VIII, 135) «горсть муки за горсть жемчуга» или *nb't dū ḥmr* [Faris, 1938, с. 84] «красное расте-

ние'. Ср. также конструкцию в химьяритском стихе, переданном в арабизованной форме: *yarkabna min falġin tarīqan dā-quḥam* (Н/Ш, с. 31) 'скачут из расселины путем опасностей', где конструкции *tarīqan dā-quḥam* соответствует КЛАЗ *quḥamu-ī-tarīq* 'трудные места пути в пустыне, ущелье' или *f mī yk d' ġhl b-y'm ḥimyarā* (Икл. VIII, 55) 'а если кто является несведущим о временах Химьяра...', где конструкция *d' ġhl* 'обладатель невежества' занимает позицию именного сказуемого. Для древнесевероарабского также отмечается эта функция (Gr. II, § 164), основа *dū* в классическом арабском трактуется как показатель генитивного отношения широкого диапазона и широкой лексико-грамматической сочетаемости [Diem, 1986, с. 244—245]; так же характеризует функции *d* в сабейском (как морфему перифрастического генитива) А.Бистон: *šlmn d-dhbn* 'статуя из бронзы', *m'mn d-bn rqb* 'имущество Бани 'уркуб' [Beeston, 1984, с. 44, 27]. Как показатель генитивных отношений широкого диапазона значений отмечается *Nota genitivi zā* в геэзе [Dillmann, 1907, с. 327, § 145]; (Gr. II, § 165), ср. *'āklīl zā-wārq* 'золотой венец' и *'agzi'ā zā-bēt* 'хозяин дома'; также *a'dāla za mā's* [Старинин, 1967, с. 101, 108] 'кожаные одежды'.

Среди арабских диалектов как активный показатель генитивных отношений отмечается в марокканском *d/di/diyal: soq d-əl-mdīna* 'городской базар', *əd-dār dyāli* 'мой дом' [Кямилев, 1968, с. 117—118]; в алжирском он употребляется не так часто [Мишкuroв, 1982, с. 105].

В современных южноаравийских также функционирует *Nota genitivi*, например: мехри *da/de/di* — мн.ч. *la/le* (без различия рода): *bōb da bēt* 'дверь дома', *ḥabrīt da dōulet* 'дочь царя', *wayūten la fāraṭ* 'корзины для фиников' [Jahn, 1905, с. 69; также Gr. II, § 164, 165]; сокотри *di/dā/d-*: *aṭāyeb d-šām* 'заход солнца', *bēbe dīho di* 'отец моей жены' [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 78—80, 86].

Общим моментом для основы **dū* в названных выше языках и диалектах является наличие форм числа и рода (в классическом арабском имеется также парадигма падежных окончаний). По этому признаку они отличаются от северно-западной группы семитских языков: др.-евр. *zū/zē* (редко), финик. *z* (диалект Библа, редко), араб. *zī > dī*, сир. *dā* (Introduc., 113—114); [Церетели, 1982, с. 194, 203—204].

В отличие от рассмотренных языков и диалектов йеменские диалекты характеризуются показателями отношения и принадлежности, представляющими инновации на базе иных именных основ, как то: о.-йем. *ḥaqq/ḥagg* [Rossi, 1939, с. 19—20; Diem, 1973, с. 13; Каримов, 1973, с. 12], ср., например: *(a)l-ḡaṭr ḥaqq dalḥah* 'ось колодца' [Али б. Заид, с. 131] или *rā'ī* (Land. Dat., 1321), по другим диалектам — см. [Завадовский, 1981, с. 58].

3) Как уже говорилось выше, арабские источники свидетельствуют о том, что основа **dū* входила в названия химьяритских месяцев, ср., например: *ṣarāba z-zar'a 'ayy* «*ṣarama-hu*» *bi-luḡati ba'di*

'*ahli l-yamani wa yusammuna s-ṣirāma-s-ṣirāba wa ḥimyarū tusammi 'aylūla dā ṣ-ṣirabi* (Н/Ш, 60) '*ṣaraba z-zar'a*, т.е. «собирать урожай» на языке некоторых жителей Йемена, они называют «сбор урожая (жатву) — *ṣirāb*; а химьяр называет сентябрь *dū-ṣirāb*»; ср. также названия химьяритских месяцев в источнике XIII в. [Saliba, 1985, с. 715—717]; *dū* сохранилось в названиях двух мусульманских лунных месяцев *dū-l-qa'dati* и *dū-l-ḥiḡḡati* (Land. Daṭ., 1446). Аналогичным образом функционирует *d* в сабейском при датировке событий: *b wrḥ d-dwnm* 'в месяц Зу Да'ван...'; *d-'bhy d-ḥrf* 'в месяц 'b, в год...' [Бауэр, 1966, с. 93]. В диалекте Сан'ы, сохранявшем химьяритские названия сельскохозяйственных сезонов: *qiyād* 'сезон позднего сбора урожая' — хим. *dū qayd*; *ṣarab* 'сезон осеннего урожая' — хим. *dū ṣirāb*; '*allām* 'сезон дождей' — хим. *dū 'allān* [Saliba, 1985, с. 715—717; Rossi, 1939, с. 151] — они отмечены без предшествующего показателя *dū*.

Сравнительный анализ материалов с основой **dū*, функционирующей как *Nota genitivi* в химьяритском, свидетельствует, по нашему мнению, о том, что химьяритские примеры отражают период редукции падежной системы в химьяритском. Он проявляется как в смещении гласных падежных окончаний основы **dū*, так и в функционировании самой основы в качестве *Nota genitivi* в синтаксической структуре именного словосочетания.

Названия химьяритских месяцев отражают более раннюю стадию функционирования основы *dū* как самостоятельной именной основы, которая связывала не два имени в генитивной конструкции, но выступала как самостоятельный компонент генитивного словосочетания: *dū* + наименование сезона.

Этимологическое соответствие химьяритского **dū* северно-арабскому см. в табл. 15.

Таблица 15

Изоглосса основы **dū* в семитских языках

	Язык											
	хим.	саб.	саф.	КЛАЯ	марок. Д	алж. Д	мехри	сок.	гезз	арам.	финик.	др.-евр.
	<i>d,</i> <i>d/dw,</i> <i>d/dy</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>dū</i>	<i>d-</i> <i>de</i> <i>di</i>	<i>d-</i> <i>de</i> <i>di</i>	<i>d-</i> <i>di-</i>	<i>d-</i> <i>di-</i>	<i>zä</i>	<i>də</i> <i>di</i>	<i>z, s</i>	<i>zu/š-/zē</i>

6. АРТИКЛЬ

Вопрос об артикле в химьяритском не представляется ясным, несмотря на множество свидетельств и указаний арабоязычных ав-

торов и достаточно обширный материал современных йеменских диалектов. Некоторые из средневековых свидетельств представляются противоречивыми и, по-видимому, относятся к различным и разновременным языкам или диалектам, существовавшим на территории Йемена.

Наиболее известен препозиционный артикль **'am*, противопоставляющийся северноарабскому и классическому *'al-*. Артикль *'am* приводится как территориальная языковая особенность: а) как характерная черта языка Йемена вообще; б) племени Тайй; в) Химьяра; г) племени Тайй и Химьяра; сводный список всех определений приведен в словаре С.Дауда под заголовком *'am* (С/Д); см. также [Kofler, 1940, с. 74; Lane, 1863 I: *'al*; Wright, 1933 I, § 345, с. 269—270]; (Т/Х, 24); д) кроме того, отдельные филологи добавляют, что артикль *'am* отмечен в языке племени Азд [ал-Джунаби, с. 29] и племен Хавазин и Хузейл (С/Д).

Как отражение общего йеменского языкового влияния арабская традиция приписывает использование артикля *'am* пророку Мухаммаду в ответе на вопрос йеменца, заданный на йеменском диалекте: *laysa mina m-birri m-šiyāmu fi m-safar* [Wright, 1933, с. 270] 'не является благочестием (набожностью) пост во время путешествия' или *mn znu 'm-bkr f-šq'w-h m't ġldt* [ал-Гинди, с. 399] 'если кто развратит децственницу, снимите с него сто шкур', и некоторым его современникам и сподвижникам, см. хадис об Абу Хурейре, который сказал халифу Осману: *«ḥadā yawmu ṭāba m-darbu» ya'nī 'anna-hu min al-qitāli wa ṭāba wa ḥadihi luġatu ḥimiyara* (Таб. I, 3015); также (Н/Ш, 101); [Тадж ал-'Арус, 358] '«Это — день [когда] позволено сражение», т.е. что он [день] — день битвы и разрешен; и это — язык Химьяра'.

Ряд стихов с примерами на артикль *'am* приписывают поэту (без имени) из племени Тайй (Н/Ш, 39) или Буджейру б. Анама также из племени Тайй: *yarmi warā'i bi m-sahmī wa m-silmah* [ал-Джунаби, с. 30] 'он мечет позади меня стрелы и камни' и в равной степени — йеменскому поэту VI в. химьяритского происхождения Сайфу б. Зу Йазану, сказанные им по поводу сражений с абиссинцами: *... 'ny 'd' m-mawtu kana' 'adribu-hum bi dā m-qala'* (С/Д) '...ведь я, если смерть приблизится, ударю их пускающим кровь [мечом]'.

Как «химьяритский акцент» передаются фразы лиц химьяритского происхождения или жителей соседствующих районов, например: *mā rawā-hu šmr min 'anna-hu sami'a ḥimyarīyyatan fašīhatan sa'ala-hā 'an bilādi-hā qālat «'n-nḥl qillun w lkn ṭṣat-nā 'm-qmḥ, 'm-frsk, 'm-'nb, 'm-ḥm'ī ṭwb» 'ayu ṭayyib* [Lisān, 120, 363] 'и рассказал Ш. о том, что он, услышав химьяритку, [говорившую] на классическом [арабском] (или говорившую правильно), спросил ее о ее стране, и она ответила: «пальм мало, но наше пропитание — пшеница, персики, виноград, смоква — хорошо» (здесь отражен переход с арабского артикля на «химьяритский»: *'am-*

qamaḥ, *'am-firsik*, *'am-'inab*, *am-ḥamāt* и произношение *twb* вместо араб. *ṭayyib*).

Ал-Хамдани сообщает: *sarwu ḡa'da laysū bi-fuṣaḥā'i wa fī kalāmi-him šay'un min at-taḥmīr* : ...*yaqūlūna*... «*yā bn m'am*» *fī yā bna l-'amm*... (Сифат, 134) 'Сарв Джа'да не говорят правильно, в их речи нечто от химьяритского, так, они говорят... *yā bn m'am* вместо *yā bna l-'amm* «о сын дяди»'.

По другому поводу ал-Хамдани сообщает: *wa baladu sufyāna bni 'arḥaba fuṣaḥā' illā fī miṭli qawli-him 'am-raḡul*» *wa «qayyid baṭrāk»*... (Сифат, 135) '...район Суфьяна б. Архаба — говорят правильно, кроме таких речений, как *'am-raḡul* (мужчина) и *qayyid baṭrāk* (связи своего верблюда)'

Из всех приведенных выше примеров можно сделать вывод, что артикль *'am-* был широко распространен на территории Йемена и характерен не только для речи собственно химьяритов, но и представителей других племен и районов страны. В ряде случаев этот артикль служил одним из немногих отличий языка местных жителей от классического арабского, чего нельзя сказать о собственно химьяритском языке.

Однако относительно артикля в Йемене другой автор имеет дополнительное сообщение в связи с химьяритской поговоркой: *wa min 'amtāli ḥimyara 'law lā m-'ibābu lam tanfuḡi m-ka 'ābu kadā luḡatu-hum min-him man yubdilu min lāmi l-ma' rifati mīman wa mīn-hum man yubdilu min-hā nūnan* (Н/Ш, 68) 'из пословиц химьяритов «если бы не чванство, не сдох бы надутый». Таков их язык: одни из них заменяют *'lām*» определения на *'mīm*», другие заменяют его на *'pīp*»'.

В разделе о названии крепости Тулфум (*tulfum/tultum*) ал-Хамдани сообщает: «она называлась *talf*, но было прибавлено к нему *m'* и стали говорить *talfu-mā*, затем опустили алиф и стали говорить *tulfum* по-химьяритски подобно тому, как говорят *ma'dīnat* и *ri'āmat*, имея в виду *ma'dīnan* и *ri'āman*...» (Икл. VIII, 103). Из приведенного выше комментария можно заключить, что окончание *-m* (мимация), по крайней мере в химьяритских именах собственных и названиях, сохранялось еще в X в. (ср. о первоначально детерминирующей функции **ma* в ЭЮА [Бауэр, 1966, с. 46—47]) и также относилось арабоязычными авторами к особенностям химьяритского языка, и, по-видимому, осознавалось ими как окончание, функционально и фонетически тождественное арабской нунации.

По признаку артикля химьяритские тексты, передаваемые арабскими источниками как прочтенные (или пересказанные) с надгробных или строительных надписей, а также фольклор химьяритов можно подразделить на следующие:

1) с арабским артиклем *al-* или нунацией, или арабизованная запись химьяритского текста;

2) с препозиционным артиклем **an-*;

3) без артикля (что можно объяснить синтаксическими условиями);

4) с препозиционным артиклем *am-;

5) в одном случае зафиксирована «мимация», т.е. окончание -am.

Артикль 'ап. Ср., например, два варианта одного текста (1—2):

(1) ...fī musnadīn 'alā qabri dī dunyāna bni dī murāṭidin malikin min mulūki ḥimyarā... «'l-ṭmym nlbs'n wa 'l-ṣryf nḥdy'n»... (Н/Ш, 60) '...в муснаде на гробнице Зу Дуньяна, сына Зу Мурасида, одного из химьяритских царей... «шелком мы одеваемся, и серебром мы обуваемся» и ...w-n-ṣryf nḥdy'n w-n-ṭmym nlbsn... [Müller D.H., 1877, с. 17] 'серебром мы обуваемся и богато одеваемся'; ср. 'l-ṭmym : 'n-ṭmym; 'l-ṣryf : 'n-ṣryf; *шелками*;

(2) wǧd msnd b-ḥql q'ḥ fy qbr : «...wl b-l-qšm mn 'rd 'l-hnd...» (Икл. VIII, 159) 'найден был муснад в Хакл Катаб в гробнице... «доставлялась мне [огородная] зелень из земли Индии...» и тот же фрагмент из другого текста: ...uwwl ly 'n-qšm mn 'rd 'n-hnd... [Müller D.H., 1877, с. 21], где 'l-qšm : 'n-qšm; 'l-hnd : 'n-hnd.

Ср. также запись рассказа из «Истории Сан'ы» ар-Рази (XI в.): r'yk b-n-ḥlm... [Rossi, 1937, с. 261—262] 'я видела во сне' (b-n-ḥlm).

Артикль -ʃ. В одном из текстов, представленных в четырех вариантах, имеются две позиции имен, где мог бы быть отмечен препозиционный (или постпозиционный) артикль, однако его след отсутствует: ...mnd dw (dw) ṭhyn b-mnd dy bhry... 'yu m' n'ṭ... [Müller D.H., 1877, с. 20] 'горсть муки за горсть жемчуга... какая-либо женщина...'. Арабский перевод текста передает соответствующие лексемы также без артикля (al-).

Запись именных форм в позиции аккузатива с окончанием -, например: ...wldk 'bn'... [Rossi, 1937, с. 261—262] '...я родила сына' или ...dw ḡrr ḡyl' (Икл. II, 352—353) '...не соорудил оросительный канал', может свидетельствовать как об арабизации окончания аккузатива имени с арабской нунацией, так и о падежном окончании на долгое ā (ср. qyd b'yrk 'свяжи своего верблюда'), ср. f ḥb l-h 'aḥlan wa mālan ḥiyarā (С/Д) 'так даруй ему семью и богатство во множестве', где ḥiyarā имеет окончание -ā, рифмуясь с окончанием предшествующей строфы 'an yakbarā.

Все химьяритские тексты и стихотворные строки, где зафиксирован препозиционный артикль *am, являются образцами фольклора. Даже если фраза приписывается историческому лицу, а стихотворение — известному поэту, они все равно отражают устную традицию (без какого бы то ни было указания первого его записавшего или его информантов на то, что они его читали или видели записанным). Ср., например, стихи о сооружении крепости Гумдан: «и когда закончил Ил-Шарах сооружение ее, то сочинил об этом стихотворение по-химьяритски, из которого сохранился только следующий бейт: 'ny 'n' 'l-qyl 'ly šrh ḥssnk ḡmd'n b-m-bhm't (Икл. VIII, 20—21) 'Я, я — кайл Ил-Шарах, построил Гумдан на этих скалах', где форма bmbhm't может быть расшифрована в

наиболее подходящем значении, если после предлога *b-* принять *m-* за препозиционный артикль, тогда — *buhmat-* (ед.ч.) 'скала'.

В тексте, который называется письмом Курайба Зу Мазина к жителям Тихамы, отмечается именное окончание на *-(a)m*: ...*b'ly ġ'urm w-m*"[*y*]*ty r'kbtm dāraḥam lnhm uwm ħmws-m*... (Икл. II, 354) '...две тысячи деревянных катков и двести опорных балок из дерева *dāraḥ* [...] пятого дня'. Формы *ġ'ur-m*, *r'kbt-m dāraḥa-m* и определение к слову *uwm* 'день' — *ħmws-m* имеют окончания *-m/-am*. И хотя не весь текст еще поддается прочтению и идентификации, приведенные из него именные формы имеют четкую мимиацию в позициях, соответствующих сабейскому синтаксису (при числительных и обозначении дней месяца, см. [Бауэр, 1966, с. 48]).

В современных йеменских диалектах все формы артиклей препозиционные, следов мимации или нунации исследователи не отмечают.

am-диалекты занимают всю западную часть Йемена, вытянутую с севера на юг по побережью, а также район на крайнем северо-востоке страны. Артикль *Vm-* с аллофонами отмечен К. Ландбергом в диалектах Дасины и западных районов Хадрамаута (Land. Dat., 281—282; Land. Hdr., 707).

Употребление препозиционного артикля *en-/in-* без ассимиляции отмечено в диалекте племени 'Awālīq (Land. Dat., 286—287) и в районе Sa'dah (Северный Йемен): *in-bait* 'дом', *in-ġabal* 'гора' [Diem, 1973, с. 128].

На основе анализа приведенного выше материала можно предположить, что: запись химьяритских текстов относится к разным периодам существования химьяритского языка, что более всего отразилось на развитии различных показателей артикля. Собственно химьяритский, по-видимому, фиксируется в той стадии, когда постпозиционные показатели претерпевали редукцию, возможно неодновременно захватывающую различные лексико-грамматические категории именной лексики (ср., например, замечание ал-Хамдани о химьяритских топонимах и именах собственных).

Послание Курайба Зу Мазина, несомненно, представляет запись позднесабейского текста с вокализацией на основе устной химьяритской традиции. В более поздних образцах химьяритских текстов, собранных ал-Хамдани и ан-Нашуаном, конечная мимация не отмечается, что может свидетельствовать о ее окончательном исчезновении. Можно предположить, что мимация, как явление более чужеродное арабоязычным авторам и информантам, чем нунация (внешне сходная с арабской) была бы обязательно отмечена как особенность химьяритского языка. Арабоязычные филологи X—XIII вв. уже не встречали в Йемене непосредственных знатоков языков эпиграфических памятников, хотя ал-Хамдани и его информанты, как показал Д. Мюллер, знали алфавит эпиграфических текстов и основные правила их орфографии [Müller D.H., 1877, с. 31—34], см. также (Икл. VIII, Глава о буквах муснада). Толкование и пересказ «муснадов»

арабоязычные авторы получали от носителей живого разговорного языка, называли этот язык по имени его носителей — химьяритским и отождествляли его с языком эпиграфическим.

Напротив, препозиционный артикль **am-* был распространен в языке диалекта племени Тайй и родственных ему диалектах юго-западного Йемена. Некоторые имена собственные из районов Мариба и Асира, записанные античными авторами — *bar am-malacum*, *am-biṣāma* (Land. Dat., 283—284), — могут подтвердить функционирование этого артикля.

Активное распространение *am*-артикля на территории Йемена в группе южноарабских диалектов (типа диалекта племени Тайй) привело к тому, что он появился и в химьяритском языке, который, несомненно, находился в тесном контакте и территориальном соседстве с ними и, как уже предполагалось выше, не имел еще устойчивой системы артиклей.

Частое неразличение арабоязычными авторами «йеменского» и «химьяритского», отождествление и смешение языковых особенностей йеменских южноарабских диалектов и особенностей химьяритского привели к тому, что такой заметный языковой признак, как артикль *am-*, противостоящий северноарабскому *am-*, был арабской грамматической традицией охарактеризован как «химьяритский» и отнесен к одному из наиболее очевидных признаков химьяритского языка.

Артикль **an-/en-* в химьяритском также не представлен регулярным и последовательным использованием. Судя по сообщению ан-Нашуана, эта форма сосуществовала с *am*-артиклем, однако имела более узкую сферу функционирования, так как упоминается в источниках значительно реже, чем *am*-артикль. Можно предположить, что **an-* также является особенностью какого-то местного диалекта, или химьяритский был представлен не единым языком, но несколькими диалектами, в одном из которых функционировал *an*-артикль. Реликты **an*-артикля в современных йеменских диалектах подтверждают его реальное существование в период фиксации химьяритского языка. Химьяритские тексты с *an*-артиклем и упоминание его именно в связи с особенностями химьяритского языка у ан-Нашуана как будто ограничивают его распространение только химьяритским языком. Однако сохранение этого артикля в современных йеменских диалектах свидетельствует о том, что этот артикль был присущ не только химьяритскому языку.

Место «йеменских» артиклей, как и остальных препозиционных артиклей, среди аналогичных показателей других семитских языков свидетельствует об их более позднем развитии в дейктической функции.

Поскольку в древнейших семитских языках оппозиция мимации и нунации еще не имела дейктической, или определительной, функции, система пост- и препозиционных показателей представлена в табл. 16 лишь как их материальное или генетическое сопоставление.

Таблица 16

Артикль, показатели состояния

Пост- позици- онные	Препозиционные							
	ø	ha-	hn-	h-	(')l-	'al-	am-	an-
-m	акк. (ед.ч.) уг. (дв.ч./мн.ч.) др.-евр. (дв.ч./мн.ч.) амор. (ед.ч.) ЭЮА	др.-евр. финик.	самуд.					
-n	акк. (дв.ч.) моав. (мн.ч.) саб.				лихьян	КЛАЯ		
-hn	хадр.							
-ø	уг. (ед.ч.) др.-евр. (ед.ч.) арам. сир. гезз			саф.		АДД	ЙДД (хим.)	ЙДД (хим.)
-ā	др.-арам.							
-ī	гезз							

7. ОТРИЦАНИЕ

В качестве отрицания в химьяритских наименее арабизованных текстах функционирует частица *dw-*. Ее значение устанавливается в каждом тексте на основе перевода (точнее, пересказа) на арабский язык.

В надгробной надписи из гробницы Дибаджи (Добаги) дочери Науфа Зу Шакара б. Зу Мурасида ...*f dw snh...* (Икл. VIII, 135) '...и [он] не получил этого...' в арабском переводе ...*wa lam yaǧid...* '...и не нашел...' отрицание *dw* сочетается с формой перфекта в повествовательном контексте. См. химьяритское значение глагола *snn* (Н/Ш, 73) в контексте фразы ...*hattā sanna s-salafa 'imra'latāni...* '...пока не получили ссуду (аванс) две женщины...'. Ср. саб. *s³nn* 'разрешать', 'допускать', *h-s³nn* 'осуществить коммерческую сделку'.

Химьяритские пословицы: а) *dw hl qyl' dy dw ġrr ġyl'* (Икл. II, 352—353) с арабским переводом *laysa bi-malikin man lam yaqdur 'ala fatqi l-'uuyūni wa ġarri l-ġuyūli* 'не является кайлем тот, кто не провел оросительный канал'.

В первой части этой фразы отрицание сочетается с глаголом бытия, существования с широким временным значением, характерным для пословиц; во второй части отрицание *dw* сочетается с формой перфекта *ǧrr*;

б) вторая пословица приводится в связи с историей о различных значениях глагола *wǧb* в арабском («прыгать») и химьяритском («садиться, сидеть»): *dw zfr dy [d...] hmyr*. В одной из рукописей пословица приведена в арабском пересказе *man dhl zfr hammar*, с переводом *lā taqṣud zaḡār 'llā man 'arifa luǧata 'ahli-hā* (Икл. VIII, 32) «не отправляйся в Зафар тот, кто не знает языка его жителей». Более точный перевод с химьяритского «не заффарься (т.е. не отправляйся в Зафар) тот, кто не химьяризовался». Ср. текст пословицы у Йакута в арабской форме: *man daḡala zaḡāri hammara* (Йакут III, 576—577) «тот, кто прибыл (прибывает) в Зафар, [должен] [говорить по-химьяритски] химьяризовался».

В утренней молитве химьярита *'qsmn 'nǧwm 'brb' dw tǧyb...* (Икл. X, 14—15) «заклинаю (четыре) звезды не заходить...» с арабским переводом *'qsmṭ 'l-kw'kb 'l-rb'ṭ lā taǧīb...* отрицание *dw* с дополнительным пояснением «*dw* — это *lā*» сочетается с формой имперфекта глагола *ǧyb*; с учетом всех текстов из химьяритского и сабейского частица имеет основу *d(w)*, в данном случае возможна орфографическая ошибка переписчика.

Фраза из обиходной речи химьярита, приводимая в арабском сочинении XIII в. ал-Ашрафа и опубликованная в статье Г. Салиба [Saliba, 1985, с. 716], окончательно не расшифрована, однако имеет арабский перевод следующего содержания: *'lmsw 'l-rǧl y'kl ma'hm 'y'n s'mw' f-lm yǧdw-h* «они искали человека, [чтобы] он поел с ними, пока не устали, и не нашли его». В последней части отрицательной фразе соответствует отрезок, где, независимо от идентификации *دواستاه* глагольной основы и корня, можно выделить отрицание *dw*, основу перфекта 1-го лица мн.ч. и слитное местоимение *-h* «его».

В современных йеменских диалектах реликты химьяритского отрицания *dw* отмечены как *da' / daw' / duwayu* на крайнем юго-западе Йемена [Behnstedt, 1985, с. 170], а также *dow* в Танззе, *daw/dawwa* в Забиде [Rossi, 1937, с. 242; 1938, с. 463]. Эти частицы выражают только общее отрицание аналогично нем. *nein* [Diem, 1976, § 22; Behnstedt — личное сообщение] и рус. *нет!*

В сабейском отмечается спорадическое появление частицы *d'* в позднесабейский период [Land. Dat., 417—418; Beeston, 1984, с. 47] в сочетании с перфектной основой глагола *d'whbt rhnn* «не были выданы заложники...» [Beeston, 1985, с. 46—48].

В раннегеззской надписи аксумского царя Ваазеба сына Калеба отмечается дважды частица *d'* в позиции перед имперфектной основой глагола [Schneider, 1974, с. 777—780; Beeston, 1985, с. 52], также во фрагменте *dd'ymt* «который не умрет», т.е. «тот, кто бессмертен» [Müller W.W., с. 280].

Корень *d'/dw* в ряде семитских языков имеет значение «болезнь, недуг»: геэз *dwy*, КЛАЯ *dawiy(a)/dā'(a)*, др.-евр. *dwh* «болеть», араб. (сир.) *dāwē* «болезнь», «недуг».

Как частицу общего вопроса к предложению следует отметить частицу *-dō* в языке тна, занимающую постпозицию к имени, местоимению или глаголу, на которые падает основная вопросительная интонация: *něssū-dō ěnkāb Asmerā neqelē?* «Он [он ли] поехал в Асмару?» или *Něssū ěnkāb asmerā neqelē dō* «он поехал в Асмару?» [Conti, 1940, с. 37—38; Leslau, 1941, с. 151—152]. Перед глаголом-связкой и глаголом бытия, существования эта частица занимает префиксальную позицию: *'ab gāza'u d-āllo?* «он у себя?» [Leslau, 1941, с. 151—152].

Можно отметить также в харари постфикс *-de* в значении «к», «по направлению»: *āyde* «куда» [Leslau, 1956, с. 77, § 51].

Из отрицательных частиц, близких по фонетическому составу, следует отметить в языке гафат отрицание *tā-* при связочном глаголе *dābāḥ: tādābēllam* «его нет»; ср. в харари глагол *kd'* «отрицать» [Жвания, 1985, с. 45].

Из афразийских языков следует обратить внимание на некоторые берберские языки (гадамес, сива), где отмечено приглагольное отрицание *ad* «не» в интенсивно-запретительных конструкциях [Айхенвальд, 1987, с. 24]. В кушитских языках отмечается отрицательный глагольный префикс *di-* в сидамо [Hetzron, 1978, с. 42—43]. Р. Хетцрон считает префикс *di-* заимствованным в сидамо (как и в некоторые эфиосемитские: звай, соддо, гафат) из омотских, однако в работе Т. Л. Ветошкиной высказывается аргументированное сомнение в возможности заимствования *di-* как префикса в язык сидамо, относящийся к суффицирующему типу [Ветошкина, 1987, с. 287—289].

По предварительному сопоставлению можно предположить, что частица отрицания **da'/daw* не является общесемитской. Появившись в позднесабейских текстах в значении отрицания (не в значении «уже»), она не может свидетельствовать о сабейском происхождении, но скорее отражает именно химьяритский адстрат. Обнаружение частицы *d'* как отрицания в раннегеэзских аксумских надписях может свидетельствовать о древней изоглоссе, не сохранившейся, однако, в геэзе классического периода.

Некоторая связь с общевпросительной частицей *dō* в языке тна может быть предположена только на типологическом основании по аналогии с частицей частного вопроса *tā* и отрицательной *tā* в североарабском и арабских диалектах.

Однако слабая изоглосса химьяритского отрицания **da'/daw* может быть выведена за пределы семитских языков, если учесть частицы приглагольного отрицания *ad* (в некоторых берберских) и *di* (сидамо).

В целом место химьяритского отрицания по отношению к частицам и показателям отрицания в семитских и некоторых афразийских языках представляется изолированным (см. табл. 17).

Таблица 17

Частица отрицания в семитских языках

Основа отрицания	Язык						
	акк.	уг.	др.-евр.	др.-арам., арам. (библ.), ег.-арам.	сир.	араб.	ЙДЦ
*ʔ	<i>lā</i>	<i>l</i>	<i>lo</i>	<i>lā</i>	<i>lā</i>	<i>la'</i>	<i>la'</i>
*ʔl	<i>ul</i>	<i>'ul</i>	<i>'al</i>	<i>'al</i>			
—							
*m'						<i>ma/lm</i>	<i>ma'</i> <i>daw</i> <i>da'</i> <i>duway</i>
*d'							

Продолжение табл. 17

Основа отрицания	Язык							
	хим.	саб.	гезз	амх.	тна	те	мехри	шахри
*ʔ							<i>la</i>	<i>lo</i>
*ʔl		<i>'al</i>		<i>'al...m</i>				<i>el/al</i>
—			<i>'i/ikōn</i> <i>akkō</i>		<i>ay/ya</i>	<i>'ṭ</i>		<i>ē</i>
*m'		<i>lm</i>						
*d'	<i>dw</i>	<i>(d')</i>	<i>(d')</i>					

Глава III

СИНТАКСИС

Синтаксические характеристики химьяритского языка в сравнительном плане представляются наименее показательными, однако некоторые из них являются дополняющими и необходимыми элементами общей грамматической системы еще мало известного и мало доступного языка.

Особенность синтаксических связей и позиций в химьяритском обусловлена устным источником большинства известных нам текстов. Даже те из них, которые, по легенде арабского источника, должны соответствовать письменным текстам (главным образом надгробным надписям), передаются в устной форме на основе пересказа информанта — знатока или носителя химьяритского языка.

Тот факт, что археология и эпиграфика Южной Аравии до сих пор не располагают каким-либо достоверным письменным памятником, язык которого можно было бы отождествить с рассматриваемым нами химьяритским, свидетельствует о существовании этого языка только в устной форме. Для записи использовался не только сабейский шрифт, но и по традиции сабейский язык, о чем могут свидетельствовать и некоторые химьяризмы, отраженные в позднесабейских текстах.

1. СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Наиболее показательными являются именные определительные словосочетания широкого диапазона смысловых и синтаксических связей: определяемое + согласованное определение и определяемое + несогласованное определение. Анализ синтаксических отношений между членами определительного словосочетания может послужить дополнительным критерием для подтвер-

ждения некоторых морфологических категорий и единиц в химьяритском.

1.1. Словосочетание — определяемое + согласованное определение — свидетельствует о согласовательном характере артикля *am: sami'tu raḡulan yaqūlu* «'m-šyḥ 'm-kubbār drb r's-h...» [ал-Джунаби, с. 30] 'я слышал, как один человек говорил «пожилой старец ударил его по голове...»', где артикль 'm повторяется в согласованном определении; ср. также словосочетание из средневекового источника 'm-dhbw 'm-zhmw [Шараф ад-Дин, с. 89] с арабским переводом *al-ḥaqlu l-ḡayyid* 'хорошее поле'.

Второй пример свидетельствует также о наличии в нем окончания номинатива -ī, повторяющегося в согласованном определении 'm-zhmw. Следует обратить внимание на запись конечного -w в каждом из составляющих словосочетания через -w. Этот способ, не соответствующий арабской орфографии, позволяет считать форму не арабизованной. Однако отсутствие контекста и других подобных примеров из химьяритского не дают возможности сделать окончательный вывод о наличии и регулярном функционировании в нем падежных окончаний.

Согласование по роду можно отметить в химьяритском стихе, существующем в двух вариантах: *f y'haḡmatā bakky 'ala 'mm wāhib 'akīlihi qillawbin...* [ал-Кали I, с. 136] 'о глаза, оплачьте Умм Вахиб, съеденную волком...' и *yā ḡaḡmatī bakkiy 'alā 'ummi mālikin qafilati qillūbin...* (Н/Ш, 17) 'о глаз мой, оплачь мать царя (Умм Малик?), убитую волком...'. В обоих из них согласованное определение, выраженное причастием страдательного залога ('akīlihi, qafilati), согласуется по роду с определяемым именем женского рода.

Согласование по роду и числу с определяемым можно отметить также в предикативном определении, относящемся к подлежащему, например: *'uwwl ly 'n-qšm mn 'rd 'n-hnd b-illt r'hd'* [Müller D.H., 1877, с. 21; Rossi, 1939, с. 262—263] '...доставлялась мне [огородная] зелень из земли Индии с росой (по росе) свежей'. Здесь предикативное определение *r'hd'* связано согласованием по мужскому роду с подлежащим 'n-qšm 'огородная зелень' (в отличие от ближайшей по позиции лексемы *b-illt* 'с росой' — именем женского рода). Эту же форму в переводе Э. Росси, однако, можно трактовать как 'утром', ср. перевод другой формы в одном из йеменских диалектов *am-tall* 'утро' [Rossi, 1937, с. 257—258].

В следующем примере: *bnyn bynwn nḥn w bnw-n w bnw bnyn swqtyn w bnyn 'fyq b-wh'zt 'yydyn* (Икл. VIII, 56—57) 'строили мы Байнун, мы и сыновья наши, и сыновья сыновей наших [будучи] наследными принцами, и строили мы Афик в Вухазе [будучи] ловкими...' — предикативные определения *swqtyn* 'наследные принцы' и 'yydyn 'укрепляющие', 'усиливающие' согласуются по роду и числу с подлежащими, выраженными местоимением 1-го л. ед.ч. и именем мужского рода. В сабейском также отмечается полное согласование определения с определяемым по роду, числу и состоянию [Бауэр, 1966, с. 110], например: *'wldm 'hrrm 'dkrwm...* (Dict.

sab., 15) 'свободнорожденные дети мужского пола...' Ограниченная сфера согласованного определения в геэзе [Старинин, 1967, с. 109; Dillmann, 1877, с. 476—482] не позволяет сопоставить синтаксические правила согласования в геэзе с химьяритскими.

В химьяритских текстах отсутствуют позиции, в которых можно было бы установить правила согласования определения с определяемым, выраженным именем неодушевленным во множественном числе.

Современные йеменские диалекты представляют регулярное согласование определения по состоянию и роду: *am-asad em-ṭāni* 'второй лев' (Land. Daṭ., 85) — согласование по артиклю *-am*; *maṣeyr saḥābīl* (Land. Daṭ., 68) 'большие стелы (опоры)' — согласование по неопределенному состоянию (отсутствие артикля); *bitt eḥel Bā Rās em-'aulaqiye* (Land. Daṭ., 76) 'дочь из рода Ба Рас, аўлакитка' (из племени 'Аўлак) — согласование по женскому роду.

Согласование по числу представлено как для одушевленных, так и неодушевленных имен: *sab'a ḥīwān sūdān* (Land. Daṭ., 70) 'семь черных животных'; *'urūbe-hom šū'rān* (Land. Daṭ., 64, 218) 'бурдюки их волосатые'; *aṣyār kubār* (Land. Ḥḍr., 436—438) 'большие деревья'. Однако встречаются примеры неполного согласования: *ḥuṣūn qadīmeḥ* (Land. Daṭ., 69) 'древние крепости'.

В целом для йеменских диалектов можно отметить тенденцию развития согласовательной связи на основе лексико-грамматической категории имен лица/нелица, или одушевленности/неодушевленности: с первой категорией имен — полное согласование по числу, со второй — неполное (заменяемое формой женского рода ед.ч.). Ср. материал по согласованию прилагательных и глаголов [Rossi, 1939, с. 18, 39], ср. также анализ атрибутивных словосочетаний в поэтическом творчестве средневекового йеменского поэта Али ибн Заида [Али б. Заид, с. 133].

Согласование определения с определяемым в мехри, с одной стороны, обусловлено способом образования, т.е. формой множественного числа определяемого, с другой стороны — лексико-грамматической отнесенностью определения. Эти условия являются причиной полного или неполного согласования определения с определяемым по множественному числу [Jahn, 1905, с. 129].

1.2. Словосочетание — определяемое + несогласованное определение — может быть показательным в сравнительно-типологическом плане: отношение между двумя членами «генитивной» конструкции передается несколькими способами, что может свидетельствовать о процессе перестройки падежной системы в химьяритском.

Определяемое имеет форму (или занимает позицию, если не имеет соответствующего эксплицитного выражения окончания) *Status constructus* в конструкциях, передающих степень родства: *bnw bḥw* (Икл. VIII, 56—57) 'сыновья сыновей наших', где первое определяемое *bnw* и второе *bḥw* находятся в позиции определяемого; *bint nauf* (Икл. VIII, 135) 'дочь Науфа', где форма имени ж.р. на -t

не имеет графического показателя состояния, ср., однако, огла-сованный текст: *wa 'iḥtu-hā bittu-wa'ir* (Сифат, 107—108) 'и сестра ее Битту Ваир'. Если первая конструкция может быть рассмотрена как арабизованная, то вторая — *bittu-wa'ir* — не расценивается арабоязычным автором и передается в застывшей форме. См. далее словосочетания: *ḥu yḥzn* (Икл. II, 354) 'два брата Йахзана' и *'h'n w-nḥf'n 'bn' t'b' bn hmd'n* (Икл. VIII, 83) 'Алхан и Нахфан — два сына Тубба' б. Хамдан', свидетельствующие о передаче имени в позиции первого члена *Status constructus* в форме сопряженного состояния; аналогичная форма передается также в «послании Зу Ма'зина»: *b-'lyf ḡ'urm w-m'[y]ty r'kbīm* (Икл. II, 354) '...две тысячи деревянных катков и двести опорных балок из дерева'.

Другие источники передают словосочетания с определяемым в форме дв.ч.с. с полным окончанием, что, видимо, отражает более позднюю стадию развития, характерную для арабских диалектов: *wa 'ahlu 'adan yaqūlūna li-raḡlay-hi rḡlyn-h wa li-yaday-hi — ydyn-h* [al-Mokaddasi III, с. 96]. Ср. также образец средневековой йеменской поэзии: *ḥimlain zabīb aḥḍar* [Али б. Заид, с. 133] 'две ноши зеленого изюма'.

Имена в форме дв.ч. сопряженного состояния с окончанием -у в ЭЮА отмечены во всех падежах [Бауэр, 1966, с. 54]. Аналогичная конструкция в геэзе имеет инновационную структуру: определяемое получает особое окончание -а: *q'waṣl-a basāl* 'листья смоковницы', которое трактуется как «определятельное склонение» [Старинин, 1967, с. 60, 99—100]. В языке тна именная сопряженная конструкция имеет обратную структуру (определение + определяемое): *ṇau 'abboy ḡāza* 'моего отца дом' [Leslau, 1941, с. 38]; только словосочетания: определяемое + слитное местоимение — сохраняют изначальную структуру ('*abboy* 'мой отец').

В КЛАЯ определяемое сопряженной конструкции характеризуется отсутствием показателя определенности как препозиционного (*al-*), так и постпозиционного (*-n/-na* — для форм дв.ч. и суффиксального мн.ч.).

1.3. В разделе о *Nota genitivi* приводились примеры из химьяритских текстов в сопоставлении с ЭЮА и эфиосемитскими. Следует подчеркнуть, что в ЭЮА и геэзе словосочетания с *Nota genitivi*, как, видимо, и в химьяритском, представляют способ выражения отношений, синонимичный в ряде случаев сопряженной конструкции.

В современных йеменских диалектах также можно отметить сосуществование двух параллельных способов выражения генитивного словосочетания, ср. *laḥm al-'atla* 'мясо ягнят' [Diem, 1973, с. 134—135], *qīmat mūnah* [там же, с. 136—137] 'стоимость питания', *ṭaur al-gabīlī* [Али б. Заид, с. 133] 'бык крестьянина', но *aṭ-tar ḥaggak* 'твой бык' [Diem, 1973, с. 134—135].

В современных южноаравийских, в мехри например, сопряженное сочетание двух имен — определяемое + несогласованное определение — передается при помощи *Nota genitivi* [Jahn, 1905,

с. 69], но сохраняется позиция первого члена Status constructus в сочетании со слитным местоимением с соответствующим изменением вокализма основы [там же, с. 71]; в сокотри также — Nota genitivi + *di* : *hirēfo di mūse* 'осенний сезон' [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 122] или '*ağğ ...di 'ūbib midhéylhi* [там же, с. 116] 'человек ... с нерешительным сердцем'. Сочетание имя-определяемое + местоимение-определение также сохраняет структуру Status constructus [там же, с. 20—22].

2. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Особый характер химьяритских текстов — запись устного общения, повествование от первого лица, отдельные высказывания и короткие диалоги — обусловил крайне ограниченный инвентарь предикативных синтаксических единиц.

Порядок членов предложения в имеющемся материале определяется экстралингвистическими факторами: 1) строительные и надгробные тексты имеют относительно устойчивую схему текста и составляющих его предложений: имя и родословная строителя (или покойного), его деяние или образ жизни, объект его деяния; 2) стихотворные или рифмованные тексты имеют свободное расположение слов, обусловленное необходимостью соблюсти конечную рифму.

2.1. Именное предложение

Собственно именные предложения можно выделить: (1) в ответе химьяритки, записанном арабоязычным автором: *mā rawwā-hu šamar min 'anna-hu sami'a himyariyyatan fašīhatan sa'ala-hā 'an bilādi-hā fa qālat*: «*n-nhl qll w-lkn 'yšt-n' 'm-qmh, m-frsk, 'm-nb, 'm-hm't twb*» 'ауу таууб [ал-Гинди, с. 399] '...рассказал Шамар о том, что, услышав химьяритку, правильно говорящую, он спросил ее о ее стране и она ответила: «пальмы малочисленны, но пропитание наше — пшеница, персики, виноград, дикая смоква — хорошо». Здесь выделяются конструкции: '*n-nhl qll* 'пальмы малочисленны' — структура *n-nhl* (П) — (С именное) *qll*; ...'*yšt-n' 'm-qmh*... 'пропитание наше — пшеница...' — структура '*yšt-n'* (П) — (C₁ именное + C_n) *m-qmh* и др.;

(2) в строительном тексте: *nmr'n w-'lm'n w-swr'n 'lht hmd'n* [Müller D.H., 1877, с. 31] 'Намран, 'Алман и Сауран — боги Хамдана' — структура такова: группа имен собственных (П) — именное сказуемое, выраженное именем в форме мн.ч. с несогласованным определением;

(3) в стихотворном пересказе муснада '*lh'n w-nhfn 'bn' bt'bn hmd'n l-hm' l-mulk qdym' k'n* (Икл. VIII, 42) 'Алхан и Нахфан два сына Б. (туббы?) сына Хамдана — у них (обоих) власть давно была' предикативная конструкция *l-hm' l-mulk qdym' k'n* занимает пози-

цию именного сказуемого по отношению к подлежащему, выраженному двумя именами собственными с приложением их родословной.

В примерах (1) и (3) именное сказуемое определяется только по своей позиции и соответствует реме актуального членения сообщения. В примере (2) именное сказуемое выделяется по позиции и по согласовательной форме множественного числа по отношению к подлежащему, выраженному группой имен собственных. Во всех трех примерах позиция именного сказуемого оказывается нейтральной в отношении состояния (статуса) имен, выражающих именное сказуемое: в примерах (1) и (2) как подлежащее, так и сказуемое выражены именами, определенным артиклем или несогласованным определением, в примере (3) — предикативной конструкцией. В конструкции П—С именное отсутствует оппозиция по состоянию. См. стихотворную поговорку химьяритов, записанную в арабизованной форме: *'an-nāsu ḥimyarū wa t-tarāḥimu ra'su-hā wa 'abū-ka muqlatu-hā wa 'anta n-nāziru* (Н/Ш, 100) 'люди — химьяриты, кое-кто из них — голова их, твой отец — глазница ее, а ты — око смотрящее', где отношение П—С (именное) выражено только позицией (т.е. как каждое именное сказуемое, так и каждое именное подлежащее находится в определенном состоянии).

Анализ именного предложения в ЭЮА свидетельствует о том, что оппозиция по состоянию именного сказуемого именному подлежащему [т.е. П (с нуацией) — С (с мимацией)] хотя и обнаруживается, но не является регулярной. При отсутствии оппозиции по состоянию связь П—С (именное) устанавливается только по их позиции [Бауэр, 1966, с. 108, 109].

Данные наиболее ранних памятников геэза [Старинин, 1967, с. 93—94; Dillmann, 1907, с. 496—497] свидетельствуют о преобладании в именном предложении порядка именное С—П. В мехри именные предложения имеют структуру П—С (именное); если П выражено именем, имеющим согласовательные категории, то сказуемое согласуется с ним по роду и числу [Jahn, 1905, с. 126—127].

Материал современных йеменских диалектов свидетельствует о том, что при постоянной структуре П—С (именное) оппозиция П и С по состоянию нерегулярна: *rīḥ al-ḥarīf al-'awālī* 'осенний ветер — ал-авали' или *mu'azziyah ba'd šahrain muḡaddidah kull al-aḥzān* [Али б. Заид, с. 134] 'утешение через два месяца — возобновление всех печалей'. Однако при именном сказуемом с согласовательными категориями П — определено, С — без показателей определенного состояния, например, *qahār-ha rāḥiyāt* (Land. Dat. II, 78) 'ее ноги дряблые'.

2.2. Глагольное предложение

Глагольные предложения в химьяритских текстах бывают: полные (с подлежащим) и неполные (без подлежащего), а сказуемое,

выраженное личной глагольной формой, содержит указание на субъект действия.

2.2.1. Глагольное предложение без эксплицитного подлежащего.

(1) В стихотворении, приписываемом Ас'аду Тубба': *qāla 'as'adu tubba'un «wa šammara yurīša ḥayra l-mulūk wa 'alhāna naḥfāna qad 'adkuru»* (Н/Ш, 75) 'сказал Ас'ад Тубба': «и Шаммара Юриша, лучшего из царей, (и) Нахфана припомню я...» — сказуемое выражено глаголом в форме 1-го л. ед.ч.;

(2) фраза на химьяритском: *<h>ssn'-h yḥsm m'-n' sw s' <...> mn' d'w's <...> n'-h* [Saliba, 1985, с. 716] 'мы искали его, [чтобы] он потрапезничал с нами, пока не устали, мы не нашли его'. Морфологическая форма глагольных основ и арабский перевод фрагмента позволяют установить четыре глагольных предложения, из которых одно — бессоюзное зависимое *yḥsm m'-n'* '[чтобы] он потрапезничал с нами'; другое — союзное зависимое *sw s' <...> mn'* 'пока не [так что] устали [мы]'. В зависимом бессоюзном сказуемое выражено формой имперфекта 3-го л. ед.ч.; в остальных — формой перфекта 1-го л. ед.ч.;

(3) в пересказе надгробного текста: *...f'/'f'dk b-qbr...* [Müller D.H., 1877, с. 20] 'и [я] заточила' себя в своей гробнице...' — сказуемое выражено формой перфекта 1-го л. ед.ч.

2.2.2. Глагольное предложение с эксплицитным подлежащим представлено: а) зависимым предложением условия: 1) *f mn m' sm' by...* [Müller D.H., 1877, с. 20] 'и если кто-либо услышит обо мне...', где подлежащее выражено неопределенно-личным местоимением *mn m'*; 2) *f 'ym' 'ntt lbst ḥlyty...* (Икл. VIII, 135) 'и если какая-нибудь женщина наденет мои украшения...', где подлежащее выражено именным словосочетанием *'ym' 'ntt* 'какая-нибудь женщина...'; б) предложением с именной группой в позиции подлежащего, совпадающей с темой актуального членения фразы: *...ny w'ntt<y> stm't ḥryf ḥyw'n b-ḥgr-n mlwk' ḥng' 'b'-n...* [Müller D.H., 1877, с. 17] 'я и моя жена шестьсот лет жили в нашем городе как цари подобно отцам нашим...', где структура предложения представляет П (*'ny w'ntt<y>*) — С (*ḥyw'n*). По-видимому, устный характер передаваемой химьяритской речи обуславливает использование самостоятельных личных местоимений в функции подлежащего при глагольном сказуемом, ср. также: *qāla 'a'ābiyyun ḥimyarīyyun: «n' 'a'f tadbiratī» 'ayy kitābī* [ал-Кали II, с. 174] 'сказал один кочевник-химьярит: «я умею (знаю) свое письмо», где подлежащее *'n'* предшествует сказуемому, выраженному формой имперфекта 1-го л. ед.ч.; ср. также в надгробной надписи: *'ny sm't bnt dy mrd kunku 'd' wahamku 'uwwl ly 'n-qšm mn 'rd 'n-hnd b-llt r'hd'* [Müller D.H., 1877, с. 21; Rossi, 1939, с. 262—263] букв. 'Я, Шам'а (Сам'а), дочь Зу Мурсида, бывало, когда я желала, доставлялась (заставляла доставить) мне [огородная] зелень из земли Индии с росой (по росе) свежей'; или в строительной надписи: *'ny 'n' 'l-qyl 'ly šrḥ ḥssnk gmd'n b-m-bhm't* (Икл. VIII, 20—21) 'я, я — кайл Ил-Шарах, построил

Гумдан на этих скалах'; ср. также *nħn bnyn' slħyn whd-h' b-sb't w sb'yn ħryf...* (Икл. VIII, 49) 'мы построили один только Салхин за 77 лет...', где подлежащее при глагольном сказуемом выражено самостоятельным местоимением *nħn* 'мы' и т.п.

В ряде химьяритских пословиц в функции подлежащего при глагольном сказуемом выступает целое предложение: *dw hl qyl' dy dw ġrr ġyl'* (Икл. II, 352—353) 'не является кайлем тот, кто не провел оросительный канал', где подлежащим служит все зависимое предложение с относительным местоимением *dy dw ġrr ġyl'* или *dw zfr dy d ...ħmyr* (Икл. VIII, 32) 'не отправляйся в Зафар тот, кто не знает химьяритского' (букв. 'не химьяризовался').

2.2.3. В некоторых глагольных предложениях следует отметить препозицию прямого дополнения глагольному сказуемому, например: *šammara yur'iša... qad 'adkuru* 'Шаммара Йур'иша... я припомню', а также в продолжении текста *...w 'n-šryf nħdyñ w 'n-ħmyr nlbsn* [Müller D.H., 1877, с. 17] 'серебром мы обуваемся и шелком одеваемся'; ср. также в арабизованной химьяритской поговорке: *...dābbata-ka 'aqara wa l-'alafa baddara ...wa ħuruma-ka tabaššara...* (Н/Ш, 108) '...твоему выючному животному (он) подрезал [жилы], корм высевал... и за твоими святынями присматривал...'.

Глагольными являются пожелательные и повелительные предложения, характерные для устной речи, передаваемой в арабских источниках: *sami'tu 'imra'atan min ħimyara turaqqiṣu walada-hā wa taqūlu «ya rabbanā man sarra-hu 'an yakbarā fa hab la-hu 'ahlan wa mālan ħiyarā...»* (С/Д) '...я слышал, [как] женщина из химьяритов заставляла танцевать своего сына и приговаривала: «о господь наш, если повезет ему вырасти, то даруй ему (*fa hab la-hu*) семью и богатство во множестве...»'; стихотворного текста: *qāla sayfu bnu dū yazanin «qalū bnu dū yazanin yasīru 'ilay-kumu fa ḥadāri min-hu...»* (Н/Ш, 25) 'сказал Сейф б. Йазан: «сказали — сын Зу Йазана идет на вас, так опасайтесь его...», где в последнем предложении сказуемое выражено химьяритской формой императива *ḥadāri* 'опасайтесь'; арабизованной химьяритской поговорки: *wa fī kalāmi ħimyara «īstami'i l-akbara wa law hatara»...* (Н/Ш, 108) 'химьяриты говорят: «слушай старшего, даже если он бредит»'. Ср. также известное обращение одного из химьяритских царей к своему арабскому гостю: *fa qāla la-hu «tib 'ala l-fanā» 'ayu uq'ud 'ala-l-'ard...* (Икл. VIII, 32); ср. также (Н/Ш, 113; Йакут III, 576—577) 'и сказал он: «садись на землю!»'.

2.2.4. Ограниченный химьяритский материал не позволяет установить позицию глагольного сказуемого в повествовательном тексте и правила его согласования по числу с подлежащим. Учитывая, что в КЛАЯ глагольное сказуемое находится в препозиции к подлежащему, можно было бы предположить аналогичную ситуацию и в химьяритском.

В арабских источниках имеются лишь указания на полное согласование глагольного сказуемого с последующим подлежащим

во множественном или двойственном числе в языке племени Тайй, что и позволило отнести этот диалект к языку типа 'akalū-nī l-ḥarāgīti букв. 'заели меня блохи'». Например: 'mdt'-h rǧl'-h 'поддержали (дв.ч.) его обе его ноги' или yata'āqābuna fī-kum malā'ikatun bi-l-layli wa malā'ikatun bi-n-nahāri (С/Д) 'следуют за вами [одни] ангелы ночью и [другие] ангелы днем' с полным согласованием глагольного сказуемого с последующим подлежащим, выраженным формой имени во мн.ч.

В ЭЮА преобладает полное согласование глагольного сказуемого с подлежащим по числу. Случаи неполного согласования обусловлены не позицией, а принадлежностью к категориям лица—нелица и собирательности [Бауэр, 1966, с. 108—109], ср. также в арамейских [Церетели, 1982, с. 176, 204; Церетели, 1979, с. 140—141] и аккадском [Липин, 1964, с. 125—126].

В геэзе согласование глагольного сказуемого по числу с подлежащим также зависит от принадлежности к категории лица—нелица, а не от позиции по отношению к подлежащему, ср. wa ṭahāb'u Adām wa bā'sit-u 'и скрылись Адам и его жена' [Старинин, 1967, с. 94—96].

В мехри согласование глагольного сказуемого с подлежащим по числу (равно как и именного сказуемого) определяется формой образования множественного числа (суффиксальное или внутреннее образование), но не позицией по отношению к подлежащему [Jahn, 1905, с. 126—129].

В современных йеменских диалектах в целом отмечается зависимость полного и неполного согласования глагольного сказуемого (как и согласованного определения и именного сказуемого) от лексико-грамматической категории лица—нелица имени в функции подлежащего (или определяемого), т.е. полное согласование по числу с именем лица или разумного существа в функции подлежащего независимо от позиции [Али б. Заид, с. 135]. Ср. также в диалектах Дасины: u yifarrūn em-rigāl min 'ayfteh (Land. Dat. II, 64, 218) 'и бегут мужчины от их [кож] отвратительного запаха'; ср. ...em-raṣān ḡū'... (Land. Dat., 75) '...пастухи пришли...', но el-ḥuḡūl tidwi miṭl el-naqqārāt (Land. Dat., с. 881) 'ножные кольца звенят как мелкие монеты'.

2.2.5. Критерии согласования по числу в ЭЮА, геэзе, современном южноаравийском мехри и в йеменских диалектах определяются лексико-грамматической категорией имени определяемого (или подлежащего) и не обусловлены позицией глагольного сказуемого. Некоторая часть южноарабских диалектов также входила в данную синтаксическую изоглоссу (современные арабские диалекты характеризуются в целом таким же типом согласования).

На основании этого типового окружения можно предположить аналогичный тип согласования и в химьяритском. Согласовательный тип КЛАЯ остается изолированным явлением.

2.3. Союзы

В химьяритских текстах зафиксированы следующие союзы.

Союз *f-* в повествовательном тексте передает: а) последовательность действий: ...*f dw sn-h ly f-'isdk m'ury* '...и не достал он ее [муку], и я заточила себя в своей гробнице...' (Икл. VIII, 135); б) оттенок следствия действию, обусловленному предшествующим контекстом: *fy' haḡmatā bkky 'ala 'mm w'hb* [ал-Кали I, с. 136] 'так оплачьте Умм Вахиб, о глаза!...'; в) вводит предложение следствия после условного придаточного: ...*man sarra-hu 'an yakbarā fa hab la-hu 'ahlan wa mālan ḥiyarā* (С/Д) '...если повезет ему вырасти, то даруй ему семью и богатство во множестве'.

Союз *w-*: а) соединяет как сами предложения, так и их однородные члены, например: *mn kryb dy m'dnm 'ly th'mt w t'wdm hy hlm w hd'[y]m b-'fy ḡyrm w-m'[y]ty r'kbtm...* (Икл. II, 354) 'от Курайба Зу Ма'зина к [жителям] Тихамы и Тауда: явитесь непременно и [доставьте] две тысячи деревянных катков и двести опорных балок из дерева...' или *nḥn bnyn' slhyn whd-h' b-sbt w sb'yn ḥryf d'byn w-bnyn srw'h w-mr'h w-bynwn b-wh'zt...* (Икл. VIII, 49) 'мы построили Салхин один за 77 лет стараясь, и построили мы Сирвах, и Марах, и Байнун в Вухазе...';

б) вводит предложение, выражающее одновременность действия, передаваемую формой имперфекта; ср. в КЛАЯ аналогичную синтаксическую конструкцию [Белова, 1985, с. 64, § 8.2 (2); с. 71—72, § 8.5.7; с. 81, § 9.3]: ...*hyw'n b-hḡrn mlwk' ḥng' b'-n w-'n-sryf nḥdy'n w 'n-tmym nlbsn* [Müller D.H., 1877, с. 17] '...мы жили в нашем городе царями подобно отцам нашим. Серебром мы обуваемся и шелком одеваемся'.

В тех же функциях отмечены: в ЭЮА союзы *f-/w-* [Бауэр, 1966, с. 104—105; Beeston, 1984, с. 48, § 31], в геэзе — союз *wa* [Старинин, 1967, с. 91; Dillmann, 1907, с. 411], в мехри — союз *wa* [Jahn, 1905, с. 121], в сокотри — *wi* [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 19—20], в йеменских диалектах — союз *wa* с алломорфами.

Наличие в химьяритских текстах двух союзов *f-/w-* объединяет его в одну изоглоссу с северноарабским, ЭЮА, а также — с западносемитскими (Introduc., 121), но отделяет от геэза.

3. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Наряду с простыми предложениями в химьяритских текстах выделяются сложные. Это сложноподчиненные предложения с придаточными относительными, дополнительными, временными, целевыми, условно-следственными. Отличительными признаками этих предложений являются способы их связи. Именно они могут представить некоторые особые характеристики химьяритского

синтаксиса. Эти предложения различаются по способу связи их частей — союзному или бессоюзному.

3.1. Придаточное относительное

Вводится уже упомянутым выше относительным местоимением *dy*, а также местоимениями *m'* 'то, что', *mn* 'тот, кто', например: *dw zfr dy d... hmyr* (Икл. VIII, 32) 'не отправляйся в Зафар тот, кто не знает химьяритского' или *hy yhz n ldy mn dhk mwt* (Икл. II, 354) 'два брата Йахзана, которые от смеха умерли'; *...li-man mulku zafar li-himyar uahar* (Н/Ш, 30) '...тот, у кого власть [над] Зафаром, в Химьяр возвращается'; *...lw urwy sd bt' m' byn h'z w byt df'* (Икл. X, 14—15) '...пока не напоит плотина Садд Бата' то, что между Хазом и Байт Дф'' (возможно, искаженная передача названия поселения Бейт Гуфр [Южная Аравия, 1978, с. 29—30]).

3.2. Придаточное дополнительное

Сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным: *r'uk b-n-hlm k-wldk 'bn' mn tyub* [Rossi, 1937, с. 261—262] 'я видела во сне, что родила сына из золота' (придаточное вводится союзом *k-*). Аналогичные придаточные с союзом *k-* в текстах не обнаружены.

3.3. Придаточные временные

Придаточные временные бывают: а) со значением условия *knk 'd' wahamku 'iwwl ly 'n-qšm...* [Müller D.H., 1877, с. 21] 'бывало, когда я желала, доставлялась мне [огородная] зелень...' (вводится союзом *'d'*);

б) со значением временного предела действия главного предложения «пока не», «до того, как»: *dw tgyb lw urwy sd bt' m' byn h'z w-byt df'* (Икл. X, 14—15) '<заклинаю> четыре звезды не заходить, пока не напоит (оросит) плотина Садд Бата' то, что между Хазом и Байт Дф'' (вводится союзом *lw*); *hssn'-h... sw s'mn'...* [Saliba, 1985, с. 716] '...мы искали его, пока не устали...' (вводится союзом *sw*).

3.4. Придаточные целевые

Для этих предложений характерна бессоюзная связь с главным предложением: *hssn'-h yhsm m'n'...* [Saliba, 1985, с. 716] 'мы искали его, [чтобы] он потрапезничал с нами...' или *f-hlk l-[x]*

uštū ly... (Икл. VIII, 135); [Müller D.H., 1877, с. 20] 'я пришла (приказала) к [x], [чтобы] он купил мне...'

3.5. Придаточные условно-следственные

Условно-следственные конструкции могут быть: а) с отрицательным условием *lw l'*: ...w *lw l' šrh b-th'mt l-yrn' b-l-bynwn l'mt* (Икл. VIII, 49); [Faris, 1938, с. 21—22, 37] '...и если бы не вопиющий в Тихаме, мы оставили бы в Байнуне знак'; *law lā m-'ibābu lam tanfuqi m-ka'ābu* (Н/Ш, 68) 'если бы не чванство, не сдох бы надутый';

б) с положительным условием: *f mn m' sm' by f-l-yhzn ly...* [Müller D.H., 1877, с. 20] 'и если кто-нибудь услышит обо мне, то пусть погрусит обо мне...' и (продолжение): *w 'uym' 'ntt lbst hlyty l-ykwnn mwt-h' hng mwtu* [Müller D.H., 1877, с. 20] 'а [если] какая-нибудь женщина наденет мои украшения, то пусть ее смерть будет подобна моей [Дибаджи] смерти'.

3.6. Способы подчинительной связи

Среди способов подчинительной связи в химьяритском выделяются:

(1) Местоимения: а) относительное *du*, б) неопределенные *mn*, *m'*, которые, выступая в качестве показателей подчинительной связи между двумя предикативными конструкциями, являются одновременно членами придаточных предложений.

(2) Собственно союзы: *k-* 'что', *'d'* 'когда', 'если'; *lw (tw)*: а) с личной формой имперфекта в значении «пока не», «до тех пор пока», б) *lw* с отрицанием *l'* и именной формой в значении «если бы не... то».

(3) Бессоюзная связь двух предикативных конструкций передает отношение зависимости (обстоятельственные цели, образа действия, одновременности действия) и соответствует функции бессоюзия повествовательного текста в КЛАЗ [Белова, 1985, с. 46, § 5.1].

3.7. Сравнительный анализ способов подчинительной связи в химьяритском и других семитских языках

3.7.1. Химьяритским относительному и неопределенным местоимениям соответствуют: саб. *mn (-mw) d/mnmw d* 'тот, кто', *mhn* 'то, что' [Бауэр, 1966, с. 95; Beeston, 1984, с. 44, § 26:9], геэз *tanpu* '(тот) кто', *ment* '(то) что' [Старинин, 1967, с. 50; Dillmann, 1907, с. 118—120]; мехри *mōn*; амх. *tan*; тна *zē/lē*, КЛАЗ

man '(тот) кто', mā '(то) что' (о современных йеменских диалектах см. II.1);

3.7.2. Союзу *k-*, вводящему дополнительное придаточное: саб. 1) *k-* + перфект (поздний период) в значении «тогда, когда»; 2) *k-* + имперфект в значении «чтобы» [Бауэр, 1966, с. 105] (отмечается также в позиции перед косвенным вопросом [Beeston, 1984, с. 51, § 32:9]), ср. также в значении «что» (Dict. Sab.); геэз *kama* 'что' (*wa-a'maru kama 'erāqān(i)-hōmu emuntu* 'и они узнали, что они голы' [Старинин, 1967, с. 50, 90, 93; Dillmann, 1907, с. 416]). В значении «чтобы» в семитских: акк. *kīma*, уг. *k*, др.-евр. *kī*, КЛАЯ *kay*; геэз *kama*; ср. также в древнееврейском для введения прямой речи — *kī*; см. сок. *ke* 'если' [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 44].

В йеменских диалектах союз на основе *k-* не отмечен, однако отмечается префикс имперфекта для выражения желания: *krawwiḥ* 'я хочу вернуться', *kiyawiḥ* 'он хочет вернуться'.

Ср. в диалекте хассанья союз *iyyāk* 'чтобы' [Завадовский, 1981, с. 56], в алжирском (*kīf*)*kī* 'когда', 'как' [Мишкур, 1982, с. 74, 97]; в марокканском *ka-* — префикс фреквентатива и показателя одновременности действия [Кямилев, 1968, с. 44—45].

Неполное соответствие приведенных морфем по значению и функции союзу *k-* в химьяритской фразе позволяет также сопоставить его с персидским союзом *ke*, вводящим придаточное дополнительное [Рубинчик, 1959].

В мехри дополнительное придаточное вводится бессоюзным способом после глаголов желания, восприятия и т.п., например: *ḥalmek ḥeybī ḥābū dilābdeṣeh* 'я видел во сне, [что] люди били моего отца' [Jahn, 1905, с. 141—142]. Однако в западном мехри отмечается союзное введение прямой речи с частицей *de^h* [Simeone-Senelle a.o., 1986, с. 262—263].

Аналогичная структура — бессоюзное введение придаточного дополнительного после глаголов желания, говорения и восприятия отмечается в йеменских диалектах, ср: *yibū yiqtolūh* (Land. Dat., 82) 'они хотят убить его', букв. 'они хотят — они убивают его' (ср. также структуру бессоюзной связи в марокканском диалекте [Кямилев, 1968, с. 99]) или с союзом *inn*: *uistaṭla'... uāggan inn en-nebi dāhil el-ḥayre* (Land. Hdr., 432) '...он осмотрел... и убедился, что пророк [находится] в скале'; ср. также *u-ba'ad en-nās yigūlūn inni šeyuāḥ fīl-bīr...* 'некоторые люди говорят, что в колодце [сидит] крикун...' (Land. Hdr., 436, 446); а также [Каримов, 1973, с. 14].

В сокотри после глагола желания в придаточном бессоюзном следует субъюнктив [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 58], после глаголов восприятия — также следует бессоюзное придаточное дополнительное: *kése'k mḥammed ber ḥfor ḥmah* 'я увидел, [что] Мухаммад уже накопал червей' [там же, с. 57].

В КЛАЯ следует отметить два вида связи придаточного дополнительного с главным: союзный — союз *'an(na)* и его производные

и бессоюзный, характеризующийся объектно-предикативной структурой: С—Д—Х (см. также в иракском диалекте [Белова, 1976, с.32—36]).

3.7.3. Союзы придаточных условия (а) и времени (б) имеют следующие соответствия в семитских языках.

(а) КЛАЯ *'idā*, *'in* 'если', геэз *enā, soba* [Старинин, 1967, с. 90, 97, 107], ЙДД *idā* 'когда', *in/law/lā/in kān* 'если' [Али б. Заид, с. 135]; (Land. Hdr., 524); саб. *k/bkn, ywm* 'когда', 'в то время как' [Бауэр, 1966 с. 105—106], *hm* 'если' [Beeston, 1984, с. 44].

(б) КЛАЯ *hattā*, саб. и др. ЭЮА *l-/d/'dāl* 'до тех пор, пока не', 'пока'; 'пока не' [Бауэр, 1966, с. 106], *tw* 'до тех пор'; 'так что' [Beeston, 1984, с. 53]; геэз *'əsəkä* 'так что'; 'до тех пор, пока...', *'əsəkä sobä* 'до тех пор, когда' [Dillmann, 1907, с. 416]; мехри *ta/ta bar* 'до, до тех пор, пока не' [Jahn, 1905, с. 139—140]; сок. *'af* [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 106—108]; в ЙДД отмечаются союзы *hattan/'ila hadd* (Land. Hdr., 251, 267, 505).

3.7.4. Союзы *k/ky/l, ldt* 'чтобы' используются для подчинения придаточного предложения цели в ЭЮА [Бауэр, 1966, с. 105—106; Beeston, 1984, с. 50—51]; бессоюзная связь осуществляется формами субъюнктива или пассива [Бауэр, 1966, с. 73, 77]. Ср. КЛАЯ *kay/likay/li/li-'an*, геэз *kama* + субъюнктив [Старинин, 1967, с. 50, 90, 107], *lä* [Dillmann, 1907, с. 416].

В мехри используются союз *le/li/lä* + субъюнктив (для 1-го и 3-го л.) или бессоюзная связь с субъюнктивом в придаточном цели [Jahn, 1905, с. 141—142]; ср. также в сокотри *kor* 'чтобы' + субъюнктив [Наумкин, Порхомовский, 1981, с. 57, 63].

В современных йеменских диалектах можно отметить бессоюзную связь придаточного цели или намерения с главным предложением, ср., например: *'ad amakkin al-yaum tisrah tibtil ba'd al-'atwār* [Diem, 1973, с. 132] 'я хочу сегодня, [чтобы] ты отправился, [чтобы] ты пахал на быках' или *sarahna nisti nitimm aḥ-ḥutbah* [там же, с. 136—137] 'мы отправились, [чтобы] закончить сватовство', *wāḥid urūḥ yištari kafan...* [там же, с. 142—143] 'кто-нибудь идет, [чтобы] купить саван...'.

Глава IV

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

В разделе приводятся тексты, классифицируемые арабоязычными авторами как: эпистолярные, эпиграфические (тексты «муснадов») и образцы фольклора.

Химьяритские тексты передаются в транслитерации арабскими буквами. Из имеющихся в публикациях вариантов избирается вариант, наиболее близкий особенностям химьяритского языка. Некоторые разночтения отмечаются в комментариях.

При отсутствии диакритических знаков в химьяритском тексте, записанном арабским шрифтом, он приводится в оригинальной графике.

Переводы текстов основаны на арабских переводах.

1. ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ

(из послания Курайба Зу Ма'зина)

1.1. *mn kryb dy m'dnm 'ly th'mt w ḥ'wdm ḥy hlm whd'[y]m b-'lfy ḡ'ym w-m'[y]ty r'kbtm drahām lnhm ywm ḥmwsm ḥy hlm whd'[y]m* (Икл. II, 354).

1.2. *mn kryb dy m'dnm 'ly th'mt w ṭwdm ḥyy hlm ḥd'ym b-'lfy ḡ'ym w m'ly r'kbtm drhm lnhm ywm ḥmwsm* (H/Кс, 183).

1.3. Арабский перевод

min kurayb 'ilā sākin tihāma wa ṭaw'damā ['an] 'īlū yawm 'al-ḥamīs 'al-'adnā ḥatman maḥtūman bi-'alfay ḥaṣabat wa mi'atay rākibat drah kullu-hā (переводы ал-Хамдани и ан-Нашуана идентичны).

1.4. Перевод

«От Курайба Зу Ма'зина к [жителям] Тихамы и Тауда: явитесь непременно и [доставьте] две тысячи деревянных катков и двести опорных балок из дерева *ḍaraḥ* [...] пятого дня (в пятый день, четверг) воистину, мы желаем [в]пятый день явитесь и [доставьте]».

1.5. Комментарий

- kryb* — Курайб (в огласовке ал-Хамдани) — имя собственное одного из йеменских правителей. Его полное имя приводится ан-Нашуаном: *wa ḍū ma'dn — kryb bn m'dn bn ḡyd'n bn 'l-h'rt bn zyd bn uryū dy r'yn* (Н/Кс, 183) 'а Зу Ма'зин — Курайб б. Ма'зин б. Джайдан б. ал-Харис б. Зайд б. Йарим Зу Ру'айн' (Ру'айн — один из центральных земледельческих районов Йемена [Пиотровский, 1985, с. 41]). Зу Ру'айн — прозвище, свидетельствующее о том, что данное лицо владеет областью Ру'айн [Пиотровский, 1985, 88].
- dy* — Nota genitivi (см. II. 5).
- m'dnm* — Ма'зин — «обширная область» к северо-западу от г. Сан'а (Грязневич, с. 42).
- 'ly* — предлог, обозначающий направление. В данной форме отмечается только в КЛАЯ и в арабских диалектах (ср. др.-евр. *'el* в том же значении).
- th'mt* — Тихама — прибрежная равнина, вытянувшаяся с севера на юг Аравийского п-ова вдоль побережья Красного моря.
- t'wdm* — Тауд (Икл. II, 354 — *ḥ'wdm*) — горы центрального нагорья между Сан'ой и Тихамой (Н/Кс, 183); в сабейских надписях V—VI вв. название упомянуто в сочетании «бедуины Тауда и Тихамы» [Пиотровский, 1985, с.175].
- ḥy hlm* (1.1),
ḥyy hlm (1.2) — усиленная форма ('явитесь [непременно]'). Арабские словари передают конструкцию *ḥayya halumma* как сочетание формы *ḥayya* 'сюда!' (ср. *ḥayya 'ala ṣ-ṣalōt* 'на молитву!' с формами основы *hl*: *ḥayya hala* / *ḥayyahal* / *ḥayya hallā*). Форма *ḥayyā* в изолированной позиции функционирует в диалекте Сан'ы: *ḥayyā 'suvvia'* [Rossi, 1939, с. 45].
- hlm* — в арабских словарях передается в форме *halumma* [Lane, 1863] и *hallum* [Dozy]. В

Хиджазе основа *hlm* используется в неизменной форме в функции императива как в значении интранзитива («явиться», «прибыть»), так и транзитива («доставить», «принести что-л.»). В североарабских диалектах (диалекты племени Тамим, Бану Са'д) основа *hlm* имеет парадигму спряжения по основе имперфекта и допускает присоединение окончаний «усиленного» наклонения (М/Н, 69—70; С/Д).

Мы рассматриваем основу *hlm* как производную от глагола *hl* 'быть', 'являться', 'присутствовать' (см. II. 2.7.) с суффиксом *-m*. Суффикс *-m* повторяется в той же функции в форме *hḏ'(y)m / hḏym*, которая связана с первой (*hlm*) сочинительным союзом *и-* и по смыслу также имеет глагольное значение. Эта же сочинительная конструкция повторена еще раз в конце текста.

hḏ'(y) / hḏym — форма не имеет соответствия в арабском переводе. По синтаксической позиции является однородным членом по отношению к конструкции *hy hlm* и также повторяется в конце текста.

По морфологической структуре может быть разложена на основу *hḏ'(y)* и суффикс *-m* по аналогии с *hlm*. Структура основы *hḏ'(y)* свидетельствует о вокалическом исходе ее на *-i* («подставка» под хамзой в одном варианте рукописи) (Икл. II, 354); см. написание *-u* в той же позиции в другом варианте (Н/Кс, 183). На этом основании слоговая структура основы может быть восстановлена как **ḥaḏā'i-*. Она соответствует основе химьяритского императива типа *zafāri* (см. II.2.3). Управляет (или обе формы?) предложным дополнением *bi-'lfy ḡ'ym*.

Контекст и значение всего отрывка позволяет предположить значение формы как «доставить, привезти, принести». В североарабском в этом значении глагол *hḏ'(y)/w* не отмечен (ср. *ḥzy bi-* 'получить что-л.'). В ЭЮА соответствующий корень не отмечается (ср. *h-wd'-n* 'вывести', 'угнать' [Бауэр, 1966, с. 77, 78], которую с некоторыми оговорками можно принять как искаженную арабской передачей; ср. также геэз *hḏy* 'делить' и соответствия в др.-свр., араб. *ḥsy/hss/hzz/hzy*).

b-lfy
'две тысячи'

- предложная конструкция в позиции сопряженного состояния. По форме может соответствовать форме дв.ч. от основы *'lf* в КЛАЯ и сабейском [Бауэр, 1966, с. 54]. В то же время следует отметить передачу значения «две тысячи» в сабейском описательным способом: *tnu 'lfm* 'две тысячи' [там же, с. 65]. При редукции форм двойственного в геэзе [Dillmann, 1907, с. 286] ср. описательное выражение «две тысячи»: *'ešrame't* 'двадцать сотен' [Старинин, 1967, с. 65]. Ср. сем.: акк. *lim*, уг. *'alp*, финик. *'lp*, др.-евр. *'elep-*, сир. *'alp-*, ЭЮА *'lf*, геэз *'əlf*, КЛАЯ *'alf-*.

ğyr-m

- в ЙДД 'изделие из дерева'; 'ворот', 'лебедка' [Selwi, 1987, с. 63]; 'вертящийся каток в оросительном колодце' [Али б. Заид, № 165: *'amma l-ğāṭr haqq dalḥah* 'что касается оси из дерева']. В арабской лексикографии данная форма не отмечена (ср. араб. *ḥašaba* 'балка', 'столб'), однако зафиксирована форма *ğī-ṭār* 'веревка, которую за один конец привязывают к колышку, а другим обвязываются для спуска в колодец'. Значение, несомненно связанное с йеменско-химьяритским *ğyr-*, но попавшее в корни *ğr* других значений. Связь корня *ğr* с оборудованием колодца отражена также в имени соб. в Йемене *ğāṭrah* 'название колодца в Хаугане' [Али б. Заид, с. 103].

В других семитских корень в данном значении не отмечен.

Форма *ğyr-m* снабжена мимацией, что соответствует правилам употребления имени исчисляемого после числительного в сабейском [Бауэр, 1966, с. 48]. Однако мимация отмечается также и в языке текста *Qaryat al-Faw* [Белова, 1994]. Иными словами, мимация на территории Аравийского п-ова не являлась признаком только ЭЮА.

w-m'[y]ty
'и двести'

- конструкция, аналогичная и однородная *b'lfy* (см. выше). Основа имени также общесемитская, ср.: акк. *me'at*, уг. *mit/mi't*, финик. *m't* (*m'tm* 'двести'), др.-евр. *me'ā(h)*, араб. *mā'a*, самар. *m'h*, КЛАЯ *mi'a(t)*, саб. *m't*, дв.ч. *m'tn*, п.-саб. *m'tyn*, геэз, те *mā'at*, тна *met/mi't*, мехри *miyet*, ЙДД *mīl/mi'eh/miyeh*, саф. *m't*. Формы дв.числа сопряженного состояния от

m't: араб. *mi'atā/ay*-, саб. *m'ty*, геэз *kəḷə'ə mət* [Старинин, 1967, с. 65], мехри *trūtemt̪ye* [Jahn, 1905, с. 75].

r'kbtm

- в значении 'несущая балка', 'опорная балка' [Selwi, 1987, с. 99] функционирует в ЙДД. В КИАЯ и других семитских в таком значении не засвидетельствована. Форма *r'kbtm* также снабжена мимацией, как и *ḡym*, по условиям аналогичной синтаксической позиции (см. выше). Однако связь формы *r'kbtm* на основе сабейского правила абсолютного состояния (*St. absol.*) со следующей формой *dr̥hm* остается неясной.

dr̥hm/daraḥam

- 'вид дерева с твердой ценной древесиной, растущего в Йемене на обводненных почвах' (Икл. II, 354, примеч. издателя); 'вид дерева, из которого изготавливаются опорные балки' [Selwi, 1987, с. 92—93], однако, по арабским словарям, 'вид дерева, из которого изготавливаются верблюжьи седла в районе Сан'ы' [Lane, 1863]. В ЭЮА основа *dr̥h* отмечена как имя собственное или составная часть имени, см. саб. *dr̥h*, *dr̥h'l*, *dr̥hm*, *dr̥hn* [Avanzini, 1977].

Форма *daraḥam* является единственной именной формой в тексте с огласованной основой и окончанием. По огласовке окончания *-am* можно заключить, что в языке данного текста мимация имела консонантный исход, характерный для аккадского и аморейского. Гласный, предшествующий окончанию *-a*, как морфологический показатель интерпретировать сложнее. Синтаксическая конструкция *m"/y)ty r'kbtm dr̥hm* во второй своей части, как говорилось выше, представляется неясной: если *dr̥hm* занимает позицию несогласованного определения (генитивного определения) или согласованного определения-приложения, то в обоих случаях форма *dr̥hm* должна быть в генитиве (также — и по согласованию в падеже с *r'kbtm*, которая после числительного *m"/y)ty* занимает генитивную позицию). В обоих указанных случаях гласный *-a* может отражать: а) косвенный падеж двухпадежной системы склонения **u* (Nom.) : **a*; б) неизменяемое гласное окончание *i*, соответственно — редукцию падежной системы в языке. Если же *dr̥hm* находится в той синтаксической позиции, которая соответствует позиции спе-

lnhm

цификации (тамийиз) в КЛАЯ, ср. [Caspari, 1881, с. 303—304], то окончание *-a-m* также оставляет возможность двойственного толкования: как показатель косвенного падежа (или Акк. при допущении трехпадежного склонения) или отражение неизменного гласного при редукции падежной системы.

- форма (или сочетание слов) не идентифицируется. В арабском переводе не имеет соответствия, по синтаксической позиции не имеет выраженной связи с окружением.

Если исходить из достоверности арабской передачи, эту конструкцию можно разложить на проклитическую частицу *l-* + имперфект 1-го л. мн.ч. *-nhm*. Модальная проклитика *la-* отмечена в КЛАЯ и языке Корана в приемной и приглагольной позициях в значении «поистине, так, воистину» [Белова, 1985, с. 40 : 4.6.1, с. 42 : 4.6.8.] и в ЭЮА — в приемной и приглагольной (перед имперфектом) позициях [Бауэр, 1966, с. 102] в том же значении. По смыслу текста глагольную основу можно выделить как *n-hm*, где *n-* — показатель 1-го л. мн.ч.; *-hm* — основа может быть отнесена к глаголу *primaе waw wḥm* 'хотеть', 'желать'. В форме перфекта этот глагол выделяется в одном из муснадов (Икл. VIII, 159) в значении «желать». Эта глагольная основа зафиксирована в арабских словарях в двух основах: *wḥm* (перфект) — *yaḥim* (имперфект) со значением 'сильно желать чего-л.' (о беременной); лексикографы приводят также при этом значении другие имперфектные формы: *تِيحَمُ — تَاخَمُ — تَوْحَمُ*.

Имперфектную форму *nhm* можно также сопоставить с аналогичной формой в мехри *naḥám* : *naḥám-eh yišalēl* [Jahn, 1905, с.84] 'мы хотим, чтобы он отнес'; ср. также перфектную основу в мехри *ḥām* 'хотеть'. [Wagner, 1970, с. 44], а также *ḥām l ḥārs b-īš* 'я хочу жениться на тебе' (GELLAS, 239—244).

В результате проведенного анализа мы переводим форму *lnhm* 'поистине (воистину, так) мы желаем'. Другие возможные варианты не соответствуют смыслу текста.

ywm

- ср. о.-сем.: КЛАЯ *yawm*, ЭЮА *ywm/yw* (геэз *yōt* 'сегодня'); акк. *ūm*, финик. *ym*, др.-евр. *yōt*, самар. *ywm* [*yōt/yūm*], сир. (арам.)

уwm-. В рассматриваемом тексте форма *uwm* составляет связанное словосочетание *uwm ḥmwsm* 'в четверг', 'в пятый день [недели]', что соответствует аналогичным конструкциям в ЭЮА [Бауэр, 1966, с. 65—66], где вторую позицию занимает количественное числительное с мимацией. Однако этому словосочетанию соответствует в арабском переводе *uwm 'l-ḥmys 'l-'dny* 'в ближайший четверг (пятый день)'. Соответственно обозначению дней недели в арабском можно предположить, что *uwm ḥmwsm* также представляет собой сопряженное словосочетание, где *uwm* занимает позицию определяемого и соответственно находится в сопряженном состоянии (без мимации). В этом случае позиция формы *ḥmwsm* с мимацией тождественна позиции генитивного определения в арабской конструкции *'al-ḥamīsi*. В арабском переводе подчеркнуто дополнительным определением *'al-'adnā* то, что имеется в виду «ближайший» четверг, т.е. совершенно определенный четверг, а не какой-то четверг вообще. Следовательно, форма *ḥmwsm* с мимацией занимает позицию «определенного» генитивного определения.

Анализ конструкции *uwm ḥmwsm*, а также мимация в именах собственных, ср. название местности (*m'dnm*) и горы (*twdm*), отсутствие нунации и арабского артикля *'l-* позволяют предположить, что в тексте отражен язык, где мимация имела особую функцию, сходную более с детерминирующей, что частично имеет место в ЭЮА, ср. [Бауэр, 1966, с. 46—48].

— в сочетании *uwm ḥmwsm* 'четверг', 'пятый день' [Selwi, 1987, с. 81]. В сабейском написание *ḥms* отражает форму как количественного, так и порядкового числительного. Однако вторая позиция в словосочетании и сабейская традиция датировки позволяют трактовать эту форму как форму количественного числительного (в ЭЮА порядковое числительное находится в препозиции к определяемому [Бауэр, 1966, с. 67]). Ср. эфиосемитские: геэз *ḥamus*, те, тна *ḥamus*, гафат *amusä*, амх., чаха, эджа, эннемор, мухер, гогот, аймелел, звай *amus*.

Модель числительного $C_1aC_2\bar{y}C_3$ отмечена в названиях дней недели в диалектах Йемена;

ḥmwsm

talūt 'вторник', *rabū* 'среда' [Rossi, 1937, с. 242] (см. также [Selwi, 1987, с.81]), однако в эфиосемитских название дня недели от основы *rb* образуется по другой модели: амх. 'arb, гафат *arbā*, гогот 'arb, тна 'arbi [Leslau, 1941, с. 137] (однако араб. 'arubta); ср. геэз *sadūs* 'шестой день недели или месяца'.

Далее, в заключении текста следует повторение приказа *hy hlm w ḥd'[y]m*. Расположение и смысл отрезков позволяет предположить, что конструкция *lnḥm* как бы отделяет вторую, синтаксически самостоятельную часть текста, в которой сообщается о времени выполнения приказа: «...воистину, мы желаем [в] пятый день, явитесь и [доставьте]».

2. МУСНАД «ИСТОРИЯ ШАМ'И, ДОЧЕРИ ЗУ МУРАСИДА»

2.1. *qāla l-ḥasanu l-hamdānī fi l-ḡuz'i t-tāsi' mina l-iklīl* «*wuḡida musnadun bi-ḥaql qatāb fī qabrin*»: 'сказал ал-Хасан ал-Хамдани в девятой части «ал-Иклил»: «в Хакл Катаб, в одном погребении, нашли муснад»: 'n' *šm't bnt dy mr'īd knk 'd' wḥmk 'wl f-'l-qšm (qsm) fy 'rd 'l-hnd bīlh z'hd* ' (Икл. VIII, 159; также Н/Кс, 160—161).

2.2. ...*wa wuḡida qabrun fīhi musnadun bi-ḥaql qatāb* «найденно было одно погребение, в котором муснад: 'ny *sm't bnt dy mr'īd kunku 'd' waḥamku 'uwwl ly 'n-qšm mn 'rd 'n-hnd b-īllt r'hd*» [Müller D.H., 1877, с. 21].

2.3. Перевод

«Я, Шам'а (Сам'а), дочь Зу Мурасида (Марасида), бывало, когда я желала, доставлялась мне [огородная] зелень из земли Индии с росой (по росе) свежей».

2.4. Комментарий

'n' (2.1.),

'ny (2.2)

— самостоятельное местоимение 1-го л. ед.ч. в изолированной позиции. Ср. соответствия 'n': КЛАЯ 'anā, саб. 'n(?) [Beeston, 1984, с. 38], геэз *āna*; 'ny: сев.-вост. ЙДД *anī* (общ. род), юго-зап. ЙДД *anī* (ж.р.), тна *anē* (ср. также др.-евр. 'anī).

^v*sm't* (2.1),

sm't (2.2)

— имя собственное, женское. Расхождение в передаче первого коренного сибиланта может

свидетельствовать о его фонетическом характере. Если арабская запись не является ошибочной, имя соб. *š/sm't* едва ли связано с корнем *sm'* 'слышать', который в ЭЮА и эфио-семитских имеет общие соответствия *š*:*s*. Первый сибилант должен соответствовать сибиланту, имеющему то же нерегулярное соответствие между северноарабским и ЭЮА, в таком корне, как саб. *š'm*; хим. *š(')m* (Икл. VIII, 135), КЛАЯ *sām* (*swm*), эфиосем. *seta* 'продавать', сок. *šiom* 'оценивать' (ср. др.-евр. *šwm*). Ср. также расхождение в передаче имени собственного: *maswar* — «у химьяритов *mīm* с фатхой», но *mišwar* — «у остальных племен» (Икл. II, 390).

bnt 'дочь'

- ср. о.-сем. : КЛАЯ, АДЦ *bint*, *bitt* (Land. Hdr., Land. Dat.), суд. *bitt*, саб. *bnt/bt*, др.-евр. *bat*, уг. *bt*, самар. *bt*, араб. *brt*, самуд. *bnt*, саф. *bnt/bt*. В некоторых химьяритских текстах отражена ассимилированная форма, ср. *w 'hth' btiw'r* (Сифат, 107—108) 'сестра ее — Бит Ва'ир...'

dy

- форма косвенного падежа от *dw* 'владелец', служащая основой для образования показателя с функцией *Nota genitivi* (II.5). В составных именах собственных сохраняет первоначальное именное значение и формообразование: парадигмы падежа и числа, ср., например, в арабских источниках: *'adwā'u ḥimyara mulūk...* (Н/Ш, 39) 'азва' Химьяра — цари...'

mr'id

- имя собственное, мужское. Вокализм имени различается: *murā'id* — «у химьяритов», *ma-rā'id* — «у остальных» (Икл. II, 389). О Зу Марасиде как исторической личности см. [Пиотровский, 1985, с. 147]. Имя образовано от сабейского корня *rīd* 'поставить под покровительство' [Бауэр, 1966, с. 70]. Входит в ряд химьяритских имен: *mr'id*, *mr'id'l*, *mr'id*.

knk (2.1),
kunku (2.2)

- форма перфекта 1-го л. ед.ч. от глагола *kwn* (см. II.2.1). Огласовка окончания *-ku* во втором варианте соответствует окончанию перфекта 1-го л. ед.ч. в геэзе *-ku*, в именных диалектах Таицца, сохранившейся в перфекте от глагольных основ *mediae infirmae* [Prochazka, 1974, с.439—441; Behnstedt, 1985,

с. 138]; см. также акк. *-ku* (1-е л. ед.ч.). Основа перфекта *kun-* с огласовкой *u* соответствует основе КЛАЯ *kun-tu*, диал. Таизза *kunku 'aqawwit* [Dietz, 1973, с.138—139; диалект *al-'udain*] 'я собирал кат' (листья наркотического растения, разводимого в Йемене). Возможно, имеет соответствие в позднесабейских стяженных формах, ср. перфект 3-го л. ед.ч. *kwn*, мн.ч. *kwnw*, но п.-саб. *kn* и *knw* соответственно. В мехри — стяженная форма *kān* [Jahn, 1905, с.101], в геэзе — *kona* (3-е л. м.р. ед. ч.), *konku* (1-е л. ед. ч.) [Старинин, 1967, с.85, 88].

'd'

- союз «когда», «если»; о.-сем. : КЛАЯ *'idā*, саб. *'d* 'когда' (ср. *hm/hmy/hn/l-*; *m'n-mw* 'если' [Beeston, 1984, с. 44—45], *ywm/ym* 'когда' [Бауэр, 1966, с. 106]); геэз *'am*, *'at* 'когда', 'если'; *'anza* 'пока', 'в то время как', *'amza* 'после того как' [Dillmann, 1907, с.417—420]; др.-евр. *'az* 'тогда', *min-'az* 'с тех пор как', 'с того времени как'; ср. мехри *hīs*, *hān* 'когда', 'если'.

whmk (2.1),
waḥamku (2.2)

- форма перфекта 1-го л. ед.ч. от глагольной основы *whm*. Вся конструкция *kunku 'idā waḥamku* с последующим глаголом в форме перфекта идентична синтаксической конструкции в КЛАЯ со вспомогательными глаголами *kāna* и т.п. и полнозначным глаголом в форме перфекта после союза *'idā*, которая характерна для повествовательных текстов о действиях и событиях, совершавшихся в прошлом, ср. *kāna 'idā takallama 'ablaḡa* 'когда он говорил, он был очень красноречив' [Caspari, 1881, с. 241].

'wl' (2.1),
'uwwil- (2.2)

- объяснение арабского автора: *'wl(ly)* — *'utiya bi-hi* 'был доставлен, привезен (мне)' — пассив перфекта 3-го л. ед.ч. м.р. от глагольной основы *'wl*: КЛАЯ *'wl* 'прибыть', 'достичь', *'wwl* 'вернуть', 'привести что-л. кому-л.' (с аккузативом и предлогом *'ilā*); саб. *'wl* 'получить', 'доставить', 'вернуть'; ср. также объяснение в другой части сочинения ал-Хамдани: *'wl-* — *ar-ruḡū*, *'wwl-h* — *rdd-h*, *'argā'a-hu* (Икл. X, 373); саб. инф. *'wl-n*; ср. также в эфиосемитских: геэз *wāla* 'провести день', харари *wāla* 'stay away'; 'give up', 'не прийти

сдаваться'; 'терять', 'посвящать', 'отдавать'. Возможно, 'wl связан со значением глагола 'wl 'быть впереди', 'awwalu 'первый'. Форма пассива подтверждается синтаксической конструкцией и смыслом текста 'wl ly 'n-qšm 'доставлялась мне зелень', где глагольное сказуемое в числе и роде согласуется с подлежащим qšm.

- ly (2.2) 'мне' — союз l- со значением принадлежности и адресата + местоименная клитика 1-го л. ед. ч. -у. О.-сем. : КЛАЯ li-/la- (союз); саб., кат. l- (ср. хадр. h-); геэз lā; мехри le 'против кого-л., чего-л.'; 'по', 'в соответствии' (ср. hā 'для, к'); о.-сем. предлог: уг. l-, акк. la-, др.-евр. l-.

'l-qšm/'l-qsm

(2.1),

'n-qšm (2.2)

- объяснение арабского автора yurīdu/turīdu 'l-fawāki'ha 'имеет в виду (хочет) — плоды' и далее wa īmāru l-ḥarīfī tusammā (yusammā) 'l-qušm īnda ḥimyarā... (2.1), (2.2) 'и плоды осени (осенние плоды) называются qušm у химьяритов...'.
В объяснении Нашуана: 'al- qušmu mā yu'kalu min al-buqūli ka-l-fuḡli wa naḥwa-hu biluḡati-l-yamani wa ḡam'u-hu 'aqšāmūn (Н/Ш, 76) 'qušm — то, что едят (съедобно) из овощей типа редиса и подобного этому — на языке Йемена; а множественное (число) от него — 'aqšām-'.
Лексема и ее соответствия в саб., геэзе и ЙДД рассмотрены в [Selwi, 1987, с.179—180]. Кроме того, ср. КЛАЯ qašm- 'корм', 'пища', qīšm-/qašam- 'белые финики, не вполне созревшие, но сладкие и съедобные'; ср. КЛАЯ корень с метатезой: qšm 'есть много', 'съедать лучшее' — mšq 'съедать лучшую часть корма' (на пастбище — о стаде) [Майзель, 1983, с. 181, № 12]; ср. также геэз qsm 'заготавливать впрок плоды, урожай от посева', qāsām 'варение', 'соление', 'приправа'; гураге (все языки) qāsām 'чечевица'; соддо, волане 'вид травы'; амх. qāsām 'тонкий тростник' (тна 'прут').
Параллельные семитские корни qsm/qšm с близким значением, передача в арабских источниках основы как qsm/qšm также могут свидетельствовать об особом фонетическом

характере $C_2 = s/\check{s}$, как и в основе имени соб. $sm\check{t}/\check{s}m\check{t}$.

'l- (2.1),

'n- (2.2)

- артикль, показатель определенного состояния имени, см. также ниже — 'l-hnd/'n-hnd — Индия; артикль 'n- повторяется в той же рукописи (2.2), об артикле см. (II.6).

mn

- предлог «из», «от». О.-сем.: КЛАЯ *min*, саб. *mn* > *bn* [Бауэр, 1966, с. 97, примеч.], геэз 'əməna/'əm; ИДД *min* [Dietz, 1973, с. 140—141]; др.-евр. (*min*) > *mi-/me-*.

'rd 'земля',
'страна'

- ср. о.-сем.: араб. (')*ard-*, саб. 'rd, саф. 'rd, ИДД (Асир) 'ard; ср. также акк. *eršet-*, уг. 'arš, финик. 'rš, др.-евр. 'ereš, араб. 'arq-, сир. 'ar'-ā. Однако геэз *mādr-*; те *mādr*, тна *mādrī/māret*, саб. *mdr* 'территория', 'земля', 'почва', ИДД *madar* (Land. Hdr.) 'обожженный кирпич'; КЛАЯ *madar* 'сухая грязь', глина (без песка)'.
— Индия; КЛАЯ 'al-hindu (с артиклем в отличие от имени соб. жен. — *hindu/hin-dun*).

'l-hnd/'n-hnd

bil(h) (2.1),

b-illt (2.2)

- конструкция не понята в работе Д. Мюллера и опущена в переводе Фариса [Faris, 1938, с. 98]. Разобрана и переведена Э. Росси [Rossi, 1939, с. 262—263]: *b-illt* 'с росой'. Ср. КЛАЯ *ill* 'слегка смочить почву (о росе и т.п.)', *ill-(at)* 'роса', 'легкий дождь'; ИДД *am-tall* 'утро', 'утром' [Rossi, 1937, с. 257—258]. Ср. сем.: уг. *il* 'мелкий дождь', др.-евр. *tal* (< *tall*), араб. (сир., иуд.) *tall-* 'роса', геэз *tal* 'роса', афразийские соответствия см. [СИСАЯ, вып. II, № 98].

b-

- предлог; о.-сем.: КЛАЯ *-bi-*, ЭЮА *-b-*, в том числе — временное значение «в», «в период» (*b wrḥ* 'в месяц', *b dr* 'во время войны', см. [Бауэр, 1966, с. 96]); геэз *ba* (также имеет и временное значение) [Старинин, 1967, с. 90].

z'hd' (2.1),

r'hd' (2.2)

- слово не понята Д. Мюллером и опущено в переводе Фариса [Faris, 1938, с. 98]. Объяснение автора «ал-Иклил»: *z'hd'* *yurīdu tarī'an* (Икл. VIII, 159), *r'hd'* *'ay tarīyan* [Müller D.H., 1877, с. 21] '*z'hd'/r'hd'* — имеется в виду (то есть) *tarī-/tarīu* «свежий, влажный, свежесорванный (о плодах, зелени)». Э. Росси, исходя из написания *r'hd'*, сопоставляет лексему с

арабским корнем *rhd*: *rahadat-/rahādat-/rahwadiyyat-* 'мягкость', 'нежность', 'свежесть' [Rossi, 1939, с. 262—263]. Селви, исходя из написания *z'hd'*, приводит комментарий М. Акуа к «ал-Иклилу» (VIII): *zāhid* употребляется в этом значении в одном из районов Йемена (*al-kaḥlā'* — между Иббом и Замаром) в современных говорах [Selwi, 1987, с. 106]. В этом значении лексема и сам корень *zhd* представляются изолированными.

3. МУСНАД «ИСТОРИЯ ДИБАДЖИ, ДОЧЕРИ НАУФА»

Издатель «ал-Иклил» приводит три варианта текста из трех разных экземпляров рукописи. Д. Мюллер приводит варианты рукописей, имевшихся в его распоряжении из Британского музея [Muller D.H., 1877, с. 15—16]. Варианты химьяритского текста имеют несколько разночтений, арабские переводы к ним идентичны.

Ниже приводится вариант муснада, частично реконструированный на основе текста Д. Мюллера, частично — на основе выявленных выше морфологических и лексических особенностей химьяритского языка, максимального соответствия арабскому переводу.

3.1. *wa wuḡida fī qabrin min maqābiri l-mulūk bi-l-yamani lawḥun min dahabin maktūbun fī-hi bi-l-musnadi:*

'n' dybḡt bnt nwf dy šqr(sfr) bn dy mr'īd f hlk l'dy yšīm (šmr/šīm) ly mnd dw (dw) ṭhyn b mnd (l mind) dy bhry f dw snh (qdwsh) ly f 'fḏk m'yry (mgyry) f-mn sm' b-y(ly) f l yhzny w'nm'... (арабский текст без диакритики. — А.Б.) *l-ykwn mwith' ḡnh (ḥḥ/hnh) mwtu* (Икл. VIII, 135).

3.2. *wa wuḡida fī qabrin bi-yarīma min maqābiri l-mulūki lawḥun min dahabin maktūbun fī-hi bi-l-musnadi :*

'ny dybḡt bnt nwf dy šqr(sfr) bn dy mr'īd f... (первая буква без диакритического знака. — А.Б.) *mlk (hlk) l'dy(dy) yšhr(smn/yšīm) mnd d(dy) ṭhn(ṭhyn) b-mnd d(dy) bhry f dw(fdw) lsyh (nsh/snh) ly f 'fḏk (f 'fḏsk/f 'fḏk) b-qbr-y(mgyry) f-mn-m' sm' by f-l-yhznn ly w-'yy-m' (f 'nm') 'nīt lbst (lyst/lst) hlyy (hlyty/hsty) l-ykwnn (lkn/lykwn) mwith' ḥḥ(hyḡ/hnh) mwtu* [Müller D.H., 1877, с. 20], (H/Kc, 160).

3.3. Арабский перевод

'mrt 'bdy yštry ly [fī ḥtmt wq't] mdd ṭhyn b-mdd lw'lw' f lm yḡd f'fḏt (f'fḏt) [y 'qfīt 'ly-h' b'b-h' ḥty m'īt im d't] 'ly kl 'mr't ilbs hly-h' b'd-h' 'n ykwn mwt-h' mīl mwt-h' (Икл. VIII, 135; H/Kc, 160).

Вариант арабского перевода: ...f'tfrk (f'tqdk) 'y 'glqt 'ly-h' b'b-h' htty m'tt... [Müller D.H., 1877, с. 20].

3.4. Перевод

«В одной из гробниц йеменских царей (в одной из гробниц Йарима) была найдена плита из золота, на которой было написано муснадом:

Я, Дибаджа (Диблага), дочь Наўфа Зу Шакара (Сафара) сына Зу Мурасида,

[я] приказала моему рабу купить (достать) мне [в неурожайный, голодный год. — *Пояснение арабского автора*] горсть муки за горсть жемчуга, и он не нашел (не достал), и я заточила себя [т.е. она заперлась изнутри, пока не умерла] в своей гробнице, [затем она воззвала. — *Пояснение арабского автора*]: и если кто-то услышит обо мне, то пусть погрустит обо мне, а [если] какая-нибудь женщина наденет мои украшения, то пусть ее смерть будет подобна моей [Дибаджи] смерти».

3.5. Комментарий

'n' (3.1),

'ny (3.2)

dyb'g't

— см. коммент. 2.4.

— *dībāḡat* (огласовка основы по [Faris, 1938, с. 81] и [Selwi, 1987, с. 40]). Однако возможна огласовка **daybāḡat* по аналогии с основой химьяритского имени соб. м.р. — *ḡaybān* (Икл. II, 400); корень *dbḡ* в арабских словарях отсутствует.

bnt

nwf

— см. коммент. 2.4.

— автор «ал-Иклил» (3.1) передает имя собственное (м.р.) в двух вариантах огласовки *nawf/nūf* (ср. также [Южная Аравия, 1978, с. 33—34]).

ḡy ṣqr(sfr)

(3.1)

— имя собственное (м.р.) — Зу Шакар (разночтения вызваны недостаточной диакритикой). В арабских словарях отмечен корень *ṣqr*, мсд. *ṣaqar* — 'быть рыжим' (о масти, о волосах); *ṣaqr* — 'неотложное дело', *ṣuqar* — 'петух', 'ложь' (ср. прозвище *ḡū ṣuqar wa buqar* 'лжец и обманщик'); ср. также *suqar* 'ложь': *ḡā'a bi-s-suqar wa-l-buqar* 'он только лжет'; ср. др.-евр. *sqr/ṣqr* 'подводить глаза', *ṣqr* 'обманывать' (акк., др.-евр.) *ṣqer* 'ложь'.

ḡy mr'ld

f hlk (3.1),

f...mlk (hlk)

(3.2)

— см. коммент. 2.4 к форме *ḡī murātid*.

— союз *f*-; ср. КЛАЯ *fa*, саб., саф. *f*-. За союзом следует форма перфекта с окончанием *-k*, т.е.

форма 1-го л. ед. ч. По смыслу арабского перевода глагол должен передавать распоряжение какому-то человеку. По первому варианту *f hlk* форма может быть интерпретирована как форма 1-го л. ед.ч. от глагола «бытия, существования или появления *hl*» (см. II.2.7). По второму варианту реконструируется как *bhl* [Selwi, 1987, с. 46] 'говорить', 'приказывать' с параллелями: геэз *bəhla* 'говорить', 'сказать', мехри *behlet*, харс. *behét* 'слово'. Этот корень — общеафразийский, ср. **bahl* [СИСАЯ, вып. I, с. 74, № 98], сем., акк. *bāl* 'молить', 'умолять', V пор. 'молить', те *bälä*, тна *bela* 'сказать' и т.д.

l'dy

- см. коммент. 2.4 по поводу предлога *l-*; 'du' соответствует в переводе 'моему рабу, слуге'. Рассматривается как дефектное написание **dmy* [Müller D.H., 1877, с. 20] и реконструируется как *ādamī* [Selwi, 1987, с. 40] на основе значения саб. 'dm (собр.) 'вассалы', 'паства' (КЛАЯ — «смуглый, красноватый», Адам; форма 'adamīуу- 'человек'); ср. др.-евр. 'dm 'человек', 'люди'. В социальной терминологии Южной Аравии — 'dm 'зависимый', 'раб', 'арендатор' [Пиотровский, 1985, с. 70—72].

yštm (šmr/štm)

(3.1),

yšhr (smn/yštm)

(3.2)

- по синтаксической конструкции и арабскому переводу форма должна представлять основу имперфекта 3-го л. ед.ч. м.р. (приказ, распоряжение — о каком-то действии, поступке). На основе арабского перевода может быть сопоставлена: 1) с основой *š'm/swm* — И. Селўи реконструирует ее как **yaš'am* [Selwi, 1987, с. 117] на основе о.-сем. корня : саб. *š'm*, акк. *šām*, мехри *šētem* 'купить', шахри *šēm*, сок. *šiom* 'продать' [Selwi, 1987, с. 117]. Ср. также соответствия этому корню КЛАЯ *swm* (VIII пор.) 'назначать цену продаваемому предмету' (VI пор. «торговаться»); *swm (sāma)* 'предложить на продажу', в эфио-семитских: харари *sēma*, юж. аргобба *assame* 'продавать', 'торговать'.

Однако для *yštm* следует предпочесть соотвествия именно основы VIII породы:

**yaštām-u* (по спряжению соответствующей основы в КЛАЯ). Этой основе соответствуют КЛАЯ *yastām-u*, мехри *setem*; ср. также кат. *š't'm* 'быть купленным'; 2) другие варианты написания данного слова наводят на мысль, что в некоторых экземплярах рукописи глагол со значением «купить» передавался основной *yaštārī*, соответствующей форме в арабском переводе. Является ли эта форма арабизмом или свойственна также и химьяритскому, на основе данного текста установить трудно. В древнем и средневековом Йемене и в современных йеменских диалектах корень *š'm* отмечен в значении 'Север'; 'отправляться на север', ср. саб. *š'mt* 'север', *š'm/š'ml* 'идти на север', ср. *ya'ī l-qawṭu min maṭmanatin wa maš'amah...* (Н/Ш, 78) 'придут люди с юга и севера...' и *'anta mišāyimin 'am mufri'um* 'ты идешь на север или на запад?' [Dien, 1973, с. 67, примеч.]. КЛАЯ *ša'm* 'север', но чаще — в более узком значении — Сирия, Дамаск.

mnd

- одна форма во всех вариантах текста; более всего соответствует именно той основе, которая использована в арабском переводе — *mudd-* 'мера сухого вещества, весом около фунта (или фунта с одной третью) в Хиджазе', 'мера, или вес вещества, уместяющегося в двух пригоршнях' [Grohman, 1955, с. 155]; ср. другую форму от той же основы в КЛАЯ *mudy-*, мн.ч. *'amdā-* — более крупная мера сухого вещества (= 172 или 192 мудда) [Grohman, 1955, с. 156], т.е. около 100 кг; ср. в эфиосемитских: гафат *muday*, амх. *muday*, харари *mudāy*, мухер *mude* 'корзина'; в кушитских: кабена *mudéta*. ИДД *matt* < *madd* 'горсть': *al-matt al-aḥḍar* 'горсть зелени', *mattain yābis* 'две горсти сухого' [Али б. Заид, № 108]. Форма *mnd* в химьяритском тексте может представлять результат диссимиляции геминированного согласного основы: **mudd-* > *mnd*. В позднесабейском отмечена только основа *mdt* 'период времени', как в КЛАЯ и АДД *muddat-*.

По другому предположению можно разложить *mnd* на *m-nd*, допуская, что *m-* отражает препозиционный артикль. Тогда последовательность *nd* может быть интерпретиро-

вана на основе арабского *nadd/nidd-* 'равный', 'сходный', 'подобный', т.е. «купить равное количество муки на равное <количество> жемчуга». Однако префиксальный артикль *m-* в данном и аналогичных текстах муснадов не отмечен.

Арабский перевод со значением «мудд» свидетельствует скорее в пользу того, что форма *mnd* представляет одну основу.

d/dw/dw/dy

- Nota genitivi (в сочетании *mnd d/dw/dw/dy ṭhyn* 'горсть муки' и далее *b-mnd d/dy bhry* 'за горсть жемчуга'). Словосочетание *mnd d/dw/dw/dy ṭhyn/ṭhn* занимает позицию прямого дополнения ('купить горсть муки'); второе словосочетание *b-mnd d/dy bhry* 'за горсть жемчуга' занимает позицию косвенного, предложного, дополнения. Варианты написания *dw/dw* в первой позиции и единственный вариант *dy* во второй позиции (предложной) могут отражать различие падежных окончаний аккузатива и генитива. Написание *d* может свидетельствовать о сабейской орфографии, не обозначающей долгие гласные. И. Селуи, анализируя данный отрезок текста, реконструирует его как **mandad ṭahīn bi-mandad bahri* [Selwi, 1987, с.117], принимая второе *d* (*ṭhyn*) как часть основы одной лексемы **mandad*. Однако все варианты (Икл. VIII, 135) и один из вариантов [Müller D.H., 1877, с. 17] снабжены в арабской передаче *matres lectionis* -w/-y, что свидетельствует о вокализме Nota genitivi и подтверждает синтаксическую конструкцию, идентичную ЭЮА [Бауэр, 1966, с. 93]. В позднесабейском Nota genitivi отмечена как *d/d*, т.е. с фонетическими перебивками.

ṭhyn (3.1),
ṭhn (3.2)

- общесемитский корень *ṭhn* 'мука': КЛАЯ *ṭahīn*, АДД *ṭahīn/ṭihīn*, саб. *ṭhn*; харс. *ṭehīn*, мехри *ṭehāyn*, шахри *ṭhīn* 'мука'; геэз *ṭəḥən* 'каша из маиса, муки'; КЛАЯ, др.-евр., те, тна, харари, харсуси, мехри, шахри, джиббали, сокотри *ṭhn* 'молоть', 'тонко молоть'. Ср., однако, в ЙДД названия 'муки' также: *burr* ('*feyn am-burr?* 'где мука?' [Каримов, 1973, с. 218]) и *ḥabb* (*ma fiš ḥabb* 'нет муки' [Каримов, 1973, с. 269]).

- bḥry* 'жемчуг' — реконструируется как *bahrī* и сопоставляется в геэз *bāhrəy* [Selwi, 1987, с. 40] 'жемчужина', 'драгоценный камень'; ср. также те *bāhrəy* (Schr., 376) 'драгоценный камень' (редко). В арабском и южноаравийских в этом значении форма *bahrī* не отмечена. Некоторые исследователи на основе комментария ан-Нашуана *ḡumānat-al-bahrī* [Selwi, 1987, с. 40] указывают на единственный пример в доисламской арабской поэзии, в муаллаке Лабиды (VI—VII вв.), который мог бы свидетельствовать об употреблении лексемы *bahrīyū* в сходном значении [Müller D.H., 1877, с. 20]: *wa tudū fī waḡhi-ḡ-ḡalāmi munīratan ka-ḡumānati l-bahrīyūi...* [аз-Заўзани, с. 237: Лабид, № 43] 'вначале, когда гущается тьма, она светит, освещая, подобно жемчужине...'. Однако уже первое имя в словосочетании — *ḡumānat*, по комментарию арабских филологов, значит «жемчужина, оправленная в серебро» (из перс. *kumānat*). Все словосочетание трактуется как «жемчужина морской <раковины>» или «жемчужина морского <залива>» (также см. [Фаузи, с.99]). Синтаксическая позиция лексемы *bḥry* в словосочетании *b-mnd dy bḥry* 'за горсть жемчуга' и арабский перевод (*lu'lu'*) свидетельствуют о том, что здесь форма *bḥry* функционирует как имя собирательное «жемчуг» в отличие от значения лексемы *bāhrəy/bāhri* в геэзе, где эта форма выступает как имя единичное, имеющее форму мн.ч. *bāhrəyat*.
- f dw/qdw* (3.1),
f dw(fdw) (3.2) — за исключением ошибочных написаний это сочетание союза *f*- и отрицательной частицы *dw*. Союз *f*- имеет соответствия в КЛАЯ, ЭЮА (*f*-) и выражает временную последовательность событий в значении 'и затем'; 'а именно'; 'то'; в той же функции употребляется в сафском [Winnet, 1957, с.186] (см. III.2.3). Частица *dw* — отрицание 'не' (см. II.7; также [Selwi, 1987, с.89—90]).
- snh* — В словосочетании *fdw snh* 'и не достал', 'не получил', в арабском переводе *fa lam yaḡid* 'и не нашел'. По синтаксической позиции и значению — перфектная основа глагола 3-го л. ед.ч. м.р. В комментарии ан-Нашуана встречается в аналогичном контексте в слово-

сочетании *sanna s-salafa* (Н/Ш, 73) 'получить ссуду, в долг'. В арабских словарях под корнем *snn* отмечено значение 'лить', 'налить'; 'отсыпать (зерно и т.п.)', также *sanna l-tā'a 'aw at-turāba* 'осторожно налить воды, насыпать земли и т.п. так, чтобы не разлить, не рассыпать'. Если основа данного глагола является геминированной, то форма в тексте должна представлять *sn-h*, т.е. *f dw sn-h* 'и не получил его' (т.е. не получил горсть муки).

В семитских корнях *sn/snn* с аналогичным значением не отмечается (ср. в наиболее близком значении в джиббали *ešné* 'иметь поле, сад', сокотри *hep* 'сеять семена').

ly 'мне'

- предлог *l* + местоименная клитика 1-го л. ед.ч.

f-' 'fdk (3.1),
f' 'fyrk/f' 'fdk/
f' 'fqdk (3.2)

- перфект 1-го л. ед.ч. 'и я закрылась, заперлась'. Объяснение в другой части сочинения ал-Хамдани: *' 'fd — 'idrāb 'an at-ṭa'ām* (Икл. X, 20). Ан-Нашъан объясняет глагол как химьяритское слово: *taqūlu ḥimyarū «'affada 'alay-hi bābahu» 'idā 'aḡlaqa-hu* 'говорят химьяриты «'affada за собой свою дверь», если он запер ее'; и далее *'al-'iṭfādu bi-luḡati ḥimyarā 'iḡlāqu r-raḡūli 'alay-hi bāba dāri-hi lā yaḥruḡu min-hā ḥattā yamūta...* (Н/Ш, 73) *'iṭfād-* на языке Химьяра <значит>: 'человек запирает дверь своего дома <изнутри> и не выходит из него, пока не умрет...'. Это поведение объясняется как обычай химьяритов в голодные, неурожайные годы. Поступок совершается из гордости, чтобы не просить помощи (см. также [Selwi, 1987, с. 155]). В некоторых словарях объясняется как обычай арабов-язычников. Корень *'fd* в арабской лексикографии отмечается в значении «прыгать, скакать», ср. также харс. *'afōd*, мехри *'āfōd*. В других семитских в первом значении не отмечается.

m'yry/mgyry
 (3.1),
b-qbr-y(mḡyry)
 (3.2)

- 1) 'в своей гробнице'. Данное словосочетание имеет несколько орфографических вариантов. В арабском переводе прямого лексического соответствия нет. Вариант Д. Мюл-

лера может соответствовать действительному словосочетанию по количеству букв и их форме, кроме того, не противоречит общему смыслу и содержанию текста. О.-сем. *qabr* : др.-евр. *qeber*, КЛАЯ *qabr*, араб. (наб.) *qbrw*, *Qaḡyat al-Faw qbr*, саф. *qbr*, саб. *qbr*, АДД *qabr/qbr̄*, харс. *qōber*, мехри *qouber*.

2) В двух экземплярах имеются варианты *m'ury/m'uryu*. Корень 'ур имеет среди своих значений: КЛАЯ (II пор.) «обесчестить», «оскорбить»; саб. «обидеть», «оскорбить, опозорить». На этом основании можно предположить другой вариант *m'ury* — 'оскорбленная', 'опозоренная', где конечный -у может передавать гласное окончание причастия страдательного залога женского рода. В контексте: «и я заперлась (уединилась) у себя, оскорбленная (будучи оскорбленной)» причастие *m'ury* занимает позицию предикативного определения (в арабском синтаксисе — халь). Второй вариант также не противоречит содержанию текста, тем более что глагол 'fd (VIII пор.) имеет значение «закрыться в своем доме» (не в гробнице). Следующему сложноподчиненному предложению соответствие в арабском переводе отсутствует.

f-mn (3.1),
f-mn-m' (3.2)

— представляет сочетание : союз *fa* + неопределенное местоимение *mn/mn-m'* (второй вариант усилен местоименной частицей неопределенности) 'и если кто-либо...', ср. КЛАЯ *-mā* [Юшманов, 1985, с. 107, 113], см. также (III.2.3); ср. ЭЮА *mn-mw/mn-m*.

sm'p-y

— форма перфекта в условном обороте *fmn* (*m'*) *sm'by* 'и если кто-либо услышит обо мне...', 3-го л. ед. ч. м.р. Корень общесемитский, ср.: др.-евр. *šm'*, КЛАЯ *sm'*, саб. *sm'*, харс. *hm'*, ср. также харс. *mešmē* 'ухо'. В КЛАЯ глагол в значении «услышать о чем-либо, о ком-либо» может иметь предложное управление *sami'a bi-*.

f-l-yhzn ly
(3.2)

— синтаксическая конструкция *l-yhzn* 'то пусть опечалится (погрустит) обо мне...' представлена пожелательной частицей *l-* : саб. *l-*, КЛАЯ *li-*. В ЭЮА и КЛАЯ пожелательная частица сочетается с основой имперфекта [Бауэр, 1966, с. 72—73, 106; Белова, 1985,

с. 31—32, 39]. *yǝznn* — форма имперфекта 3-го л. ед. ч. м. р. от глагольного корня *hzn*; ср. КЛАЯ *hazin*— ‘огорчаться’, ‘быть печальным’, ‘грустить о ком-л.’ с предложным управлением *‘ala-/li-*. Окончание имперфекта *-n* может соответствовать ЭЮА имперфекту на *-n* [Бауэр, 1966, с. 71—73, 76] или имперфектной основе усиленного наклонения в КЛАЯ [Белова, 1985, с. 42—43] (см. II.2.2). Имперфект с нунацией отмечается также в глагольной системе мехри [Jahn, 1905, с. 81—95]. Предварительный анализ позволяет предположить, что наличие/отсутствие в мехри *-n* в основе имперфекта определяется его вокалической и слоговой структурой. Кроме того, *-n* отсутствует в пожелательных и повелительных формах (ср. [там же, с. 92—93]).

w-‘yy-m’ (3.2),
w‘nm’ (3.1)

- неопределенное местоимение со значением ‘и если какая-либо...’ В первом варианте представляет арабизованную форму, ср. КЛАЯ *‘ayyu-mā* [Юшманов, 1985, с. 106—108]; вариант *w‘nm’* искаженно передает соответствующее неопределенное местоимение в ЭЮА: *yhn/‘hn/‘hnm/‘hnmw/‘hnnm* [Бауэр, 1966, с. 95].

‘ntt (3.2)
‘женщина’,
‘жена’

- согласно объяснению ан-Нашўана к другому тексту: *w ‘mr’t... w hy ‘l-‘ntt b-lǧt-hm* (Н/Ш, 60) ‘и женщина (жена), а она — *‘ntt* на их языке’. В этом значении зафиксировано в: КЛАЯ *‘untā* ‘жена’, ‘женщина’; ‘существо женского пола’; геэз *‘ansāt*, те *‘esīt* (мн.ч. *‘ánis*) ‘жена’, ‘женщина’; кат., саб. *tt/‘ntt*; ср. также в ЙДД производную форму от корня *‘nt* в противопоставлении: *ḥiṣā’ ḍakar — ḥiṣā’ naṭiy* ‘твердый камень — мягкий камень’, где *naṭiy < nīt < ‘anīt* (Land. Hđr., 402), см. также [Майзель, 1983, с. 166]. Ср. о.-сем.: акк. *aššat-u*, уг. *‘tt*, финик. *‘st*, др.-евр. *‘iša(h)*, ер. (арам.) *‘nt(h)*, араб. *‘itta(h)*, наб. *‘tth’*.

lbst
(*lyst/lst*) (3.2)

- форма перфекта 3-го л. ед.ч. ж.р. глагола *lbs* ‘одевать’, ‘надевать’, которой соответствует глагол арабского перевода *‘umma da‘at ‘ala kulli ‘imra‘atin talbas...* ‘затем она обратилась

(воззвала) ко всякой женщине, <которая> надеется...'. Ср. о.-сем. [Майзель, 1983, с. 182]: КЛАЯ *labisa*, саб. *lbs* ('*lbs* 'одежды' — мн.ч.), геэз *lbs*, амх. *lbs*, акк. *labāšu*, уг., др.-евр. *lbš*. Форма перфекта 3-го л. ед.ч. ж.р. — общесемитская.

hlyy/hlyty (3.2)

'мое украшение'

- форма. занимает синтаксическую позицию прямого дополнения при глаголе *lbsi*. В КЛАЯ имеет соответствия в двух формах *haly/haliyy/hiliyy* и *hilyat* 'женское украшение из золота или жемчуга'. В соответствии с содержанием текста должно иметь значение «жемчужное ожерелье».

l-ykwn (3.1),

l-ykwnn (3.2)

- пожелательная форма с нунацией и варианты без нунации, см. выше коммент. к *f-l-yhzn*. Глагол *kwn* 'быть' — общесемитский; имперфект в саб. *ukn/ikwn/ukwnn/uknn*, ср. *l-ykwnn* *l-bt-hmw* 'пусть будет принадлежать их дому' [Бауэр, 1966, с. 78—79]; мекри *yikōn*, геэз (субъюнктив) *yəkun* [Dillmann, 1907, с. 181].

mwth'

'смерть ее'

- ср. о.-сем.: КЛАЯ *mawt-*, саб. *mwṭ*, хар. *mōt*, мекри *mawt*, шахри *mīt*, сок. *miy*, геэз, амх. *mot*, акк. *mūt*, др.-евр. *mawet*, араб. (импер.) *mwṭ*, наб. *mwṭ*. Сочетание *mwṭ-h'* занимает синтаксическую позицию подлежащего по отношению к глагольной форме *l-ykwn(n)*: 'пусть будет смерть ее...'. Здесь следует отметить согласование глагольного сказуемого с именем *mwṭ* по мужскому роду (саб. *mwṭ* — имя ж.р.). В КЛАЯ согласование с *mwṭ* также по мужскому роду (ср. '*al-mawtu l-'abyad* 'белая смерть'). Графическая передача *-h'* 'ее' отмечена «алиф»'ом. В сабейском этой форме соответствует *-h/-hw-* [Бауэр, 1966, с.89]; маин., кат. *-s*, хадр. *-t*.

ḡnh(hh/hnh) *mwty*

(3.1),

hh(hyḡ/hnh) *mwty*

(3.2)

'подобно моей смерти'

- частица сравнения в арабском переводе *-mitla mawīṭ*. В комментарии ан-Нашуана:

...wa «l-*hiṅṣ*» al-mitlu bi-luḡati ḥimyara yaqū-lūna «humā *hiṅṡāni*» 'ayy mitlāni (H/Ш, 29) '...а *hiṅṣ* — 'подобие'; '...на языке химьяритов, они говорят: «они оба — *hiṅṡāni*», т.е. подобные один другому' (см. также [Selwi, 1987, с.74]).

Имеет соответствие в нескольких формах написания в ЭЮА: *ḥg/b-ḥg/ḥgn/ḥgm/k-ḥg/ḥgn-k/k-ḥgn/ḥngn* 'как', 'подобно', 'соответственно (чему-л.)'. Ср. геэз *ḥägga* «like, like as, just as, according to» [Leslau, 1987]; также гафат *ändä wälzəho* 'соответственно его действиям' [Leslau, 1956, с. 179], харари *ḥanṡe* 'all right', амх. *əngi* 'indeed' (где -*n*-может быть результатом фонетического расширения или диссимиляции [Leslau, 1956, с. 149]).

4. МУСНАД ЗУ ДУНЬЯНА

4.1. w wḡd m'dny'n fy qbrh lwḥ mktwb fyh: 'ny mrd dw dny'n 'ny w'...h (пропущенные буквы без диакритики) *stm*'[y]h *ḥryf* hyw'n b-*ḥgr-n mlwk*' *ḥ...ḥiṅṣ* 'b'n w'n-*šryf nḥdy'n w'n-ṡmym nlbsn* [Müller D.H., 1877, с. 17].

4.2. yaqūlu: 'n' w-'mr'ty why 'l-'nīt b-lḡt-hm ḥyyn' *stm*'t *ḥryf* b-*ḥgr-n*' *zfr mlwk*' *ḥ...ḥ* 'b'n yy *mīl* 'b(y)-n w-'n-*šryf* 'yy-ḥ-fidḡdatu *nḥdy'n w-nlbs* 'ṡmym [Müller D.H., 1877, с. 17].

4.3. wa wuḡida fī musnadin 'ala qabri dī dunyāna bni dī murā-tidin malikin min mulūki ḥimyara «'anā dū dunyāna 'iṣtu 'anā wa-mra'tī sittāmi'ati ḥarīfin min az-zamān 'aṭ-ṡamīma nalbasāni wa-ṣ-ṣarīfa nuḥḡdiyāni» 'ayy na'ālu-humā min al-fidḡdati (H/Ш, 60).

4.4. Перевод по вариантам 4.1—4.2.

«Найдена была при Дуньяне в его гробнице плита, на которой написано „Я, Мурасид Зу Дуньян, я и жена моя (а это — 'nīt на их языке) прожили 600 лет в нашем городе (Зафаре) царями подобно отцам нашим (*ḥ...ḥ*, т.е. подобно отцам нашим). Серебром мы обуваемся (а 'n-*šryf* — 'al-fidḡdat 'серебро') и шелком одеваемся“».

4.5. Перевод варианта 4.3.

«Найдено было в муснаде на гробнице Зу Дуньяна, сына Зу Мурасида, одного из химьяритских царей „Я, Зу Дуньян, прожил я

и жена моя 600 лет из времени. Шелком мы одеваемся, и серебром мы обуваемся“ (т.е. обувь их обоих из серебра)».

Текст 4.3 записан на арабском языке. Единственное слово, которое, по мнению автора сочинения, могло быть непонятно арабоязычному читателю — *ṣarīf*, — сопровождается объяснением.

Текст 4.1 содержит больше химьяритских элементов.

4.6. Комментарии к варианту 4.1.

'ny 'я' — местоимение 1-го л. ед. ч. м.р., см. коммент. 2.4.

mr̥d
(*murātid*) — имя собственное, м.р., в отличие от образцов текстов 3.1, 3.2 записано без показателя долготы второго слога /a/ (ср. *mr̥d*). см. коммент. 1.5, 2.4.

dw
dw dny'n
(*dū dunyāna* — Н/Ш) — сведения почерпнуты ан-Нашўаном из IX книги ал-Хамдани «ал-Иклил» (до настоящего времени не обнаруженной): *qāla l-hamdāniyyu fil-ǧuz'i t-tāsi'i min al-'iklīl: wuǧida qabrun bi-yarīm bi-l-qurbi min zāfār wa kānat al-mulūku taskunu-hā wa huwa qabru dī. dunyāna/dyb'n bni dī murātidi bni dī šhr/šǧr...* 'Сообщил ал-Хамдани в девятой части «ал-Иклил»: найдена была гробница в Йариме поблизости от Зафара, в которой жили цари. И это — гробница Зу Дуньяна (*dyb'n*), сына Зу Мурасида, сына *šhr/šǧr...*'

Далее, о самом химьяритском царе следует сообщение ан-Нашўана: *dū dunyān malikun min mulūki himyara qāla 'as'ad tubba' «wa dū dunyāna btanā qablanā fa ǧāra wa min qabli-hi yaharu»...* [Müller D.H., 1877, с.15—16] 'Зу Дуньян — один из химьяритских царей. Сказал о нем Ас'ад Тубба': «...и Зу Дуньяна, который построил себе прежде нас дворцы, замки и правил как тиран, а до него — Йахар»'.

w-nft-y
'и жена моя' — см. коммент. 3.6.

stm"[y]h
'шестьсот [лет]' — составное числительное соответствует правилам КЛАЗ *sittami'ati(n)*, ср. ЭЮА *ilt*

m'tm — 300 [Бауэр, 1966, с. 65], *hms m'tm* — 500 [Beeston, 1984, с. 35] с мимацией, если исчисляемое находится в неопределенном состоянии, или *'rb'n m'nhn* — 400, если исчисляемое — в определенном состоянии (ср. геэз *sedestu m'əṣ*). Занимает синтаксическую позицию обстоятельства времени. Падежное окончание не отмечено (ср. КЛАЯ *ḥayya l-ḥamsīna* 'он прожил 50 лет').

ḥryf 'год'

— в значении «отрезок времени»: саб. *ḥrf/ḥryf*, геэз *ḥarīf/ḥarīf* 'текущий год'; в значении «сезон»: саб., геэз *ḥryf*; КЛАЯ *ḥarīf* 'осень'; др.-евр. *ḥorep* 'осень', 'время урожая'; акк. *ḥarp-и* 'урожай'; 'лето' (см. также [Selwi, 1987, с. 77; Белова, 1988, с. 31, 3.3]). Занимает синтаксическую позицию генитивного определения при числительном. Падежное окончание и показатель неопределенного состояния не отмечены.

ḥuw'n

'мы жили'

— форма перфекта 1-го л. мн.ч. Корень *ḥu* общесемитский: уг. *ḥu*, др.-евр. *ḥuh*, саб. *ḥuw*, геэз *ḥuw* 'жить'. Основа перфекта передана с особенностями, отличающими ее от КЛАЯ основы 1-го л. мн.ч. *ḥayīnā* (др.-евр. *ḥayīnu*); ср., однако, геэз *ḥayawna* (мехри *ōṣen* < 'yś).

b-ḥgr-n

'в нашем городе'

— *ḥgr* (субстантив) включен в арабскую лексикографию в форме *ḥaḡar*-'город' как название из химьяритского и языка *al-'arab 'al-āriba* (С/Д); саб. *hgr/hgrt* 'поселок, город, где находится правитель или его наместник'; геэз, тна *ḥagär*, амх., аймеллел *agär* 'город'; гафат *agärä* 'страна' (ср. также куш. кемант *agär*); ИДД *ḥaḡar* — название, связанное с развалинами древних поселений на территории Йемена [Selwi, 1987, с. 211—212]; ср. также *ḥaḡarun/ḥaḡar* — название столицы Бахрейна.

mlwk'

'царями',
'как цари'

— субстантивная форма мн.ч. внутреннего образования. Корень о.-сем.: др.-евр. *melek*, мн.ч. *mālākīm*; сир. (арам.) *talk-*,

мн.ч. *talkīn*; саб. *mlk*, мн.ч. *'mlk*; КЛАЯ, АДД *malik-*, мн.ч. *mulūk*, *'amlāk-* (редко); мехри *telek*, мн.ч. *molūk*; текст из ан-Намары *mlwk*. Ср. также по отношению к химьяритским царям — *'umlūk* (II.4.9.3). Занимает синтаксическую позицию предикативного определения при глагольном сказуемом *ḥuw'n* 'мы жили'. Алиф в конечной позиции может свидетельствовать об окончании аккузатива (см. II.4.10).

h...h-ḥiṅṅ
'подобно', 'как'
'b'n

— см. коммент. 3.6.
— субстантивная форма мн. числа '(подобно) отцам нашим'. О.-сем. основа *'ab-* (Gr. I, 331); основы мн. числа: др.-евр. *'abōt*, самар. *'bhn* [*ābān*], *'bht* [*ābāta*]; КЛАЯ *'abā-*, АДД *abbāt/(a)babāt*, саб. *'bh/-'bw*, геэз *'abaw*. В предложной конструкции **ḥiṅṅ 'abā-na* занимает синтаксическую позицию предложного дополнения. Падежное окончание не отмечено.

'n-ṣryf 'серебро'

— субстантив с препозиционным артиклем *'n-* (арабская форма *aṣ-ṣarīf*); арабоязычные авторы и лексикографы переводят на арабский как *fiḍḍat* 'серебро'; однако в КЛАЯ существуют производные формы: *ṣarrāf/ṣayraf/ṣayrafiyy* 'меняла'; саб., кат. *ṣrf* 'серебро'; ср. *šlmn ḏ-ṣrfn* 'статуя из серебра' (см. также [Selwi, 1987, с.132—133]); об артикле *'n* см. II.6. Форма является беспредложным дополнением к глаголу *nḥdy'n*. Падежное окончание, которому в арабской конструкции соответствует аккузатив на *-a*, не отмечено.

nḥdy'n
'обуваемся'

— форма имперфекта 1-го л. мн. ч. Корень и производные данного значения в КЛАЯ: *ḥidā* 'обувь'; *ḥdḥw* 'обуваться'; 'примерять обувь'. Однако морфонология формы *nḥdy'n* — если корень *ḥdḥw(n)* — свидетельствует о гласном имперфектной основы *-i-*. Такой гласный может быть также обусловлен производной породой (в КЛАЯ — IV пор., деноминативная). Именно основа IV пор. соответствует химьяритской форме в арабском варианте текста *nḥḏiyāni* (Н/Ш, 60). Однако позиция беспредложного дополнения *'n-ṣryf* при данном гла-

гольном сказуемом допускает беспредложное управление как основы IV пор., так и основы I пор. (по правилам КЛАЯ). Окончание глагольной формы *-’n* (так же как и следующей — *nlbs’n*) может соответствовать имперфекту с нунацией в ЭЮА (см. также II.2.2). Алиф, следующий за *-y-*, свидетельствует о консонантной функции *y-*, а также о вокализме окончания *āl*. В арабском переводе первая глагольная форма *nhdy’n* передана в идентичной транслитерации, однако вторая глагольная форма *nlbsn* передана в немаркированной форме имперфекта *nlbs*. Напротив, в арабской записи данного варианта (Н/Ш, 60) обе глагольные формы переосмыслены как имперфект I-го лица, сочетающий показатели множественного числа — префикс *n-* и двойственного числа — *-āni*: *nālbisāni* (*ānni*), *nuhdiyāni* (*ānni*), что является nonsensом для правил КЛАЯ.

w-n-tmym
‘шелк’

- субстантив с артиклем *’n-* (см. коммент. выше), занимающий синтаксическую позицию беспредложного дополнения. У ан-Нашуана объясняется как «шелк», в арабской лексикографии до сочинения ан-Нашуана не отмечается [Selwi, 1987, с.140]. КЛАЯ *tamtīm-* ‘изобильный’; ‘быстрый в беге’, ср., однако, геэз *tmm* ‘окружать’; ‘обертывать’, ‘завертывать’, ‘закутывать’ (‘cover’, ‘close’, ‘cover over’) [Leslau, 1987].

nlbsn
‘одеваемся’

- форма имперфекта I-го л. мн.ч. от *lbs*; см. коммент. 3.6. об окончании *-n*. В целом параллельные синтаксические конструкции *w-n-sryf nhdy’n w-n-tmym nlbsn*, где беспредложные дополнения *sryf* и *tmym* занимают препозиции к переходным глаголам, могут, так же как и окончание *-’* в форме *mlwk’*, свидетельствовать о наличии падежного окончания, соответствующего аккумулятиву. Арабский вариант текста (Н/Ш, 60) также сохраняет препозицию соответствующих именных форм с передачей аккумулятивного окончания.

5. МОЛИТВА ХИМЬЯРИТА

Ал-Хамдани приводит текст со слов одного из своих информантов, ал-Лабхи, с объяснением отдельных слов и переводом на арабский (Икл. X, 14—15).

5.1. *qāla l-labḥī «qāla l-ḥimyarīyū fi kalāmi-l-ḥimyarīyūyati wa dakara ḥabara l-'anwā'i :...»*

Сказал ал-Лабхи: «сказал химьярит по-химьяритски, сообщая о заходящих звездах:

5.2. *'qsmn 'ngwm 'brb' d w tgyb lw yrwy sd bt' m' byn ḥ'z w byt df'».*

5.3. Арабский комментарий

dw bi-ma'nā «lā» wa lw bi-ma'nā «ḥatta» dakara-hu l-ḥasanu fi t-tāsi'i min al-'iklīl

'ayy 'aqsamtu l-kawākiba l-'arba'ata wa hiya aṣ-ṣawābu lā taḡība ṣalātu-l-ḡadāt ḥatta yaṣraba saddu bata' min al-ḡaytī bi-'ādār, haḍā 'ala ḥaddi l-'ādātī

5.4. Перевод фрагмента 5.2.

Заклинаю четыре звезды не заходить, пока не напоит (оросит) плотина Садд Бата' то, что между Хазом и Байт Дф'.

5.5. Перевод арабского комментария 5.3.

d w — в значении «нет, не»; *lw* — в значении «пока не». Сообщил об этом ал-Хасан в девятой части «ал-Иклил», т.е. я заклинял (?) четыре светила, и это *aṣ-ṣawāb*, — не заходить, < а это > — молитва утренняя (между зарей и восходом солнца), пока не напьется плотина Садд Бата' от ливня в марте, это — по обычаю.

5.6. Комментарий

'qsmn

‘заклинаю’ —

форма имперфекта 1-го л. ед.ч. Ср. о.-сем.: иуд. (арам.) *qsm*, сир. *qsm*, манд. *kṣ'm*, геэз *qsm* ‘спрашивать о чем-л. у оракула’, КЛАЯ ‘клясться’; ‘заклинать’; др.-евр. *qesem* ‘проорицание’; ср. также КЛАЯ, саб. *qsm* ‘делить’; ‘доля’; об окончании -н см. II.2.2.

'ngwm

‘звезды’ —

субстантив в форме множественного числа внутреннего образования. КЛАЯ *naḡm-*, мн.ч. *niḡim/niḡūt/'anḡim/'anḡām* ‘звезда’, ‘небесное светило’; форма мн.ч. в АДД *n(V)ḡūt* (о формах мн.ч. см. II.4.9.3).

Форма *'nġwm* с алифом в первой позиции может быть рассмотрена: 1) как особая форма множественного числа внутреннего образования по модели *'uf'ūl*; 2) однако определение, следующее за именем *'nġwm* — *'brb'*, перевод данного словосочетания на арабский, некоторые аналогии в йеменском фольклоре (см. ниже) свидетельствуют в пользу того, что данное словосочетание является устойчивым, обозначает определенное и известное местным жителям созвездие. В последнем случае *'nġwm* представляет собой имя с препозиционным артиклем **'n-*, который не отражен в написании в связи с совпадением с первым коренным субстантива *nġwm* (об артикле *'n-* см. II.6). Субстантив занимает синтаксическую позицию беспредложного дополнения. Падежное окончание не отмечено. переводится арабским автором как «четыре». Это именная форма в синтаксической позиции согласованного определения (ср. *'al-ka-wākibu l-'arba'at-*) по форме состояния. Первые две буквы *'b-rb'* являются искаженной передачей определенного артикля *'n*.

Числительное общесемитское: КЛАЯ *'arba'-*, ж.р. *'arba'at-*; геэз *'arba'*, ж.р. *'arbā'tū*; саб. *'rb'*, ж.р. *'rb'ī*; харс. *'ōrba*, ж.р. *rebōt*; мехри *'ārba*, ж.р. *rebōt*; шахри *'ōrba'*, ж.р. *'arba'ōt*; сок. *'orbe'*, ж.р. *'erba'ah*; ср. также акк. *'arba'ī*, ж.р. *erbitti*; др.-евр. *'arba'*, ж.р. *'arbā'a*; араб. *arba'*, ж.р. *'arba'ū*.

В позиции согласованного определения числительное имеет форму мужского рода. По правилу КЛАЯ и ЭЮА [Бауэр, 1966, с. 64], числительное в позиции определения должно быть в форме женского рода, если форма единственного числа исчисляемого мужского рода. В связи с этим можно предположить, что: 1) в химьяритском *nġm* 'звезда' (ед.ч.) относится к именам женского рода (ср. КЛАЯ *šams-* 'солнце' [Юшманов, 1985, с. 92]); 2) искаженно записана форма женского рода самого числительного; 3) однако скорее всего неправильно понята искаженная форма *-rb'* 'весна', т.е. не «четыре звезды», а «звезды весенние» (см. ниже 5.7).

химьяритское отрицание, переданное с искажением *d > ḍ* (см. II.7).

'brb'

ḍw 'не'

tgyb

—

1) форма имперфекта 3-го лица ед.ч. ж.р.;
2) возможно, в данном тексте сочетается с отрицанием *dw* (*dw*) и является пожелательно-запретительной формой 2-го л. ж.р. Глагол *gyb*, КЛАЯ *gyb(i)*, мсд. *gayb(at-)/gyyūb(at)/gayāb(at-)*, *maḡīb-* 'отсутствовать'; 'исчезать', 'скрываться'; 'заходить (о небесном светиле)'.

lw 'пока не'

—

переводится на арабский *hattā*. В семитских языках — союз и пожелательная частица в значении «если бы»: КЛАЯ *law* (+ perf./imperf./sub.), др.-евр. *lū*, сир. *laway*, геэз *la*, акк. *lū* (Gr. II, 26—27, 31—32). Однако ЭЮА *l-* 'чтобы', 'пусть' и 'пока не', 'до тех пор, пока не': *lysbh* 'пока не наступит утро' [Бауэр, 1966, с. 106]. К. Робэн в соответствии с арабским переводом трактует *law* [*lw*] как ошибочное написание вм. *lw* (саб. *lw* 'до, до тех пор пока') [Robin, 1989]. Форма имперфекта 3-го лица ед.ч. м.р. КЛАЯ *rwu(i)* 'напоить кого-либо, что-либо'; II, IV пор. 'напоить', 'оросить в достаточной степени'; арам. *rwu/rw*, ЭЮА *rwu* 'оросить', геэз *rwu* 'напоить кого-л.'. Конечный -у в форме *уrwу* может иметь консонантную функцию перед гласным окончанием, ср. сабейскую производную форму (имперфект) от того же корня: *yhrwu* 'снабдить водой', 'оросить'.

уrwу

—

Арабский текст в части *htty yšrb sd bt' mn* 'l-gyt b-'d'r 'пока не напьется (не напоит?) плотина Садд Бата' от мартовского ливня' является, по-видимому, вольным пересказом с добавлением пояснительных элементов. В химьяритском тексте синтаксическая структура *lw urwu sd bt' m' byn h'z w-byt df* предполагает переходный глагол *уrwу* 'напоить', 'оросит' *m' byn h'z w-byt df* 'то, что между Хазом и Байт Дф', т.е. последняя часть конструкции является прямым дополнением к глаголу *уrwу*. Соответственно значение его не «напиться», но «напоить». Можно предположить, что глагол *yšrb* в арабском переводе (без огласовок) может представлять производную основу II или IV пор., однако в этом случае в арабской синтаксической конструкции отсутствует прямое дополнение, необходимое при II или IV пор.

<i>sd</i> 'плотина' —	ср. араб. посткл. <i>sadd-/sudd-</i> 'плотина'.
<i>bt'</i> —	имя собственное [Avanzini, 1977]. Плотина Садд Бата' находится поблизости от города Хаз (<i>hāz</i>). Названа по имени рода Бану Бата' (Грязневич, с. 30).
<i>m'</i> 'то, что' —	относительно-неопределенное местоимение (II.1; III.3.1).
<i>bun</i> 'между' —	предлог: <i>m' bun h'z w byt df'</i> ; ср. КЛАЯ <i>bauna</i> , саб. <i>bun</i> ; ср. (<i>winn d-bun brd w dthth</i> 'межевой камень, который между Б. и <i>d</i> Т.' [Бауэр, 1966, с. 97]); др.-евр. <i>bēn/bēnōi</i> , уг. <i>bn/bnt</i> , геэз <i>bauna</i> , сир. <i>bauna</i> , мехри <i>beun</i> , сок. <i>mēbīn</i> .
<i>h'z</i> —	название населенного места — Хаз, город в 44 км к сев.-зап. от Сан'ы (Грязневич, с. 12, 27—31).
<i>w byt df'</i> Байт Дф' —	название населенного места. Возможно, Дф' — искаженная передача названия селения Бейт Гуфр (в 1,5—2 км сев.-зап. от г. Хаз) (Грязневич, с. 28—30).

5.7. Заклинание четырех весенних звезд и особое отношение к ним земледельца отражено позже в йеменском фольклоре, ср. *fī maḡīb az-zawāfir, ya llāh ḡarak min maḡīb az-zāfir* 'во время захода звезд аз-Заўафир, да спасет тебя Аллах от захода аз-Зафир!' [Али б. Заид, № 132]. Аз-Заўафир — «звезды, появляющиеся на небе в конце марта — начале апреля после захода солнца на западе и вскоре заходящие» [Али б. Заид, № 132].

Ср. также примечание издателя (Икл. X, 14—15): '*ayu 'an-nuḡūt al-tumṭira...* 'т.е. звезды, приносящие дожди...'. О них сказано также у Лабиды (см. выше): *ruziqat marābī'a n-nuḡūmi wa-ṣāba-hā wadqu r-rawā'idi ḡawdu-hā fa rihāmu-hā* [аз-Заузани: Лабид, № 4] 'наделены они <селения, края> были весенними звездами, и обрушились на них обильный ливень с громовыми тучами и легкие дожди...', где *marābī'* *an-nuḡūt* 'весенние звезды, появляющиеся сразу после захода солнца и быстро заходящие'. Ср. *mirbā'* 'весенний дождь'; 'земля, покрытая весенней растительностью'; *marābī'* 'дожди, начинающиеся с началом весны'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фонетические особенности химьяритского языка не выходят за пределы фонологической системы, сохраняющей основные оппозиции, трехчленные: f (Ф) : b : $*\dot{p}$, t : $\dot{t}$: d , $\dot{t}$: $\underline{d}$: z , $\dot{s}$: $\underline{d}$: l , $*s^3$: s : z : $\dot{s}$, k : g : q ; двухчленные: $\dot{h}$: $\dot{g}$, $\dot{h}$: $'$, $\dot{h}$: $'$, и инвентарь сонантов m , n , r , y , w . Арабская передача некоторых примеров через b/f или $s/\dot{s}$ может свидетельствовать как о том, что в химьяритском фонемы $\dot{p}$, s^3 еще существовали, так и о том, что они находились в процессе разложения. Однако сабейский алфавит, имеющий специальный знак для фонемы s^3 , не обозначает фонему $*\dot{p}$. Остальные фонетические характеристики химьяритских фонем: латеральный характер $\dot{s}/\underline{d}$, придыхательный или палатализованный $*g$ (передаваемый как $[k/h]$) не изменяют фонологическую систему, общую для сабейского и североарабского. Палатализация — явление как позиционное, так и ареальное — характерна не только для химьяритского и некоторых йеменских диалектов, но и других диалектов арабского языка.

Таким образом, химьяритская фонологическая система может быть отнесена к наиболее полным фонологическим системам типа сабейского и североарабского языков.

Диагностические признаки морфологической системы химьяритского языка : k -перфект, особые модели отыменного и отглагольного образования; имперфектные формы на $-n$; формы множественного числа внутреннего образования, способы выражения артикля.

Лексико-морфологические особенности химьяритского языка: система личных местоимений; *Nota genitivi*; относительное местоимение; частица отрицания dw ; глагол бытия и глагол-связка hl .

Особый пласт местной химьяритской лексики, которая не имеет семитских соответствий, не учитывается нами в данном аспекте. «Химьяритская» лексика представляет собой, по-видимому, гетерогенный слой, состоящий частично из ареальной лексики, а частично отражающий несемитский субстрат, который требует специального рассмотрения.

Принадлежность химьяритского языка к семитским языкам является очевидной по всем параметрам фонологической и морфологической систем и по основному словарному фонду.

Дальнейшая классификационная принадлежность химьяритского языка внутри семитской семьи будет зависеть от критерия, положенного в основу классификации*. В данной работе мы учитываем только фонологические и морфологические критерии.

1) По максимальному составу фонологической системы химьяритский входит в группу эпиграфических южноаравийских, эпиграфических северноаравийских (сафский и самудско-лихьянский) и северноарабского языков.

С точки зрения фонетической реализации диагностических семитских фонем *g, *ḏ, *q химьяритский входит в основную группу языков, сохраняющих фонетическую реализацию *g как [g]. Палатализация *g в языках Аравийского ареала остается характерной чертой северноарабского языка и арабских диалектов, охватывая их с IX в. н.э.

Латеральное произношение фонемы *ḏ включает химьяритский в ареальную группу языков и диалектов Южной Аравии, где не только современные южноаравийские языки, но и арабские диалекты характеризуются по этому признаку. К группе «латерального ḏ» относится также и северноарабский периода до IX в. н.э.; ср. рефлекс латерального ḏ в арабской адстратной лексике испано-арабского ареала: *alqald* < *al-qāḏi* 'судья' и т.п.

Произношение *q как глухого заднеязычного в химьяритском не является особой приметой в сравнении с фонологическими системами семитских языков, однако отграничивает химьяритский от ряда арабских диалектов Аравийского п-ова, где в группе кочевых диалектов *q > g*, в городских *q > ʔ*, в восточноаравийских *q > ǧ* (как позиционное чередование).

Некоторые позиционные чередования, отмеченные в работе для химьяритско-йеменского ареала, являются местными и не могут быть включены в фонологическую систему химьяритского. В то же время ареальные чередования межзубных и простых сибиллянтов, а также '>' и ḡ > ' могут свидетельствовать о начале фонетических процессов редукции фонологической системы (ср., например, фонологическую систему геэза [Старинин, 1967, с. 21]).

2) В области морфологии наиболее четким нам представляется признак *k*-перфекта в глагольной системе химьяритского. Наличие форм 1-го и 2-го л. ед.ч. по системному правилу позволяет постулировать *k*-перфект и для форм 2-го л. мн.ч., что отмечается

* В одной из последних работ Р. Фогт показывает, как различные основы морфологической классификации отражаются на группировке и перегруппировке семитских языков, например наличие или отсутствие двух имперфектных основ в глагольной системе [Voigt, 1987]. О классификации языков на лексико-статистической основе см. также [Милитарев, 1984, ч. 3, с. 44—50, сх. 2].

в субстратных глагольных формах йеменских диалектов. Парадигма *k*-перфекта включает химьяритский в группу южноаравийских эпиграфических и современных языков, а также эфиосемитских (в аккадском эта форма отмечена только для 1-го л. ед.ч.). По парадигме *k*-перфекта всю группу можно было бы назвать «южносемитской», если бы в нее (по другому признаку) не был бы по традиции отнесен и северноарабский язык.

Второй признак химьяритской морфологии — внутренний способ образования множественного числа («ломаное множественное»). Этот грамматический способ и основные модели форм множественного включают химьяритский язык в группу южносемитских языков: северноарабский, классический и эпиграфический (сафский, самудско-лихьянский), эпиграфические южноаравийские, современные южноаравийские и северные эфиосемитские (геэз, те, тна).

Имперфектные формы на *-n* (1-е л. ед. и мн.ч.) имеют соответствия в эпиграфических южноаравийских (3-е л.) и в так называемом усиленном наклонении классического арабского. Этот морфологический признак составляет узкую изоморфу в пределах языков Аравийского п-ова.

Категория артикля, или показателя состояния, определенности/неопределенности, может быть рассмотрена по двум параметрам: наличие/отсутствие в морфологической системе и способы выражения. По первому из них химьяритский язык относится к семитским языкам, характеризующимся категорией артикля (КЛАЯ, арабские диалекты, северноарабский эпиграфический, западносемитский, ЭЮА, амхарский [Титов, 1971, с. 58—61]), но противостоит современным южноаравийским и геэзу. По второму параметру химьяритский представлен как текстами с постпозиционным артиклем *-m*, так и с препозиционным артиклем **am/*an*. Постпозиционный артикль сближает химьяритский с ЭЮА и тем древним северноарабским диалектом, который представлен текстом из Qaryat al-Faw. Препозиционный артикль *'am/'an* относится к более позднему периоду, представленному в арабских источниках записью устной формы химьяритского. Химьяритский этой стадии входит в группу языков препозиционного артикля (как арабский и арабские диалекты — *'al* и северноарабский эпиграфический, древнесеврейский — *hn/h*).

В системе личных местоимений фонетическая форма местоимения 3-го л. ед.ч. *hw* (м.р.) и *hu/h'* (ж.р.) противопоставляет химьяритский эпиграфическим: кatabанскому (маинскому), хадрамаутскому и современным южноаравийским.

3) В области лексико-морфологических признаков функционирование частицы-показателя принадлежности (*Nota genitivi*), объединяя химьяритский с большой группой южно- и западносемитских языков, противопоставляет ему классический арабский и арабские диалекты, за исключением указанных выше северноафриканских.

Системная связь между артиклем и относительным местоимением автоматически противопоставляет химьяритский всем семитским, имеющим относительное местоимение **dV*, классическому арабскому и арабским диалектам.

Глагол-связка, глагол бытия *hl* объединяет химьяритский с эфиосемитскими; следует подчеркнуть, однако, что в геэзе наряду с глаголом *hlw* функционирует и глагол *kwl*, как и в химьяритском.

Приглагольное отрицание *dw* характерно только для химьяритского. Тот факт, что частица *d'* в значении отрицания отмечена в некоторых позднесабейских и аксумских текстах, выполненных сабейским шрифтом, может лишь отражать «химьяризмы» в традиционной сабейской эпиграфике.

Все перечисленные признаки, хотя и пересекаются, тем не менее более всего сближают химьяритский: а) с южноаравийской группой (в широком смысле); б) теснее всего с сабейским. Последнее сближение может быть оправдано также экстралингвистическими (историческими) критериями.

Данные лингвистического атласа Северного Йемена [Behnstedt, 1985] показывают, что в настоящее время нет ни одной достаточно определенной территории, где бы все субстратные «химьяритские» изогlossы сошлись в один «пучок». Так, например, зоны распространения *'am*-артикла и *k*-перфекта не только не совпадают, но почти не пересекаются (ср. [Behnstedt, 1985, с. 64, 116]); напротив, отрицание *da / daw' / duwayu* употребляется там же, где артикль *am* (ср. [Behnstedt, 1985, с. 64, 170]) и реликты глагола *hl* [Behnstedt, 1985, с. 173]. Рассеянный химьяритский субстрат может свидетельствовать о различной степени проницаемости морфологических и лексических уровней йеменских диалектов.

Рассмотренные нами материалы свидетельствуют о том, что химьяритский язык арабских авторов не фикция исторического предания, но реальный язык, занимающий свое место в группе языков Южной Аравии.

Семья семитских языков пополняется еще одним «родственником» — родственником южносемитского типа. По отношению к истории арабского языка и арабских диалектов сравнительное описание и классификация химьяритского материала представляется ареальным исследованием. Однако это исследование дает возможности выявить ряд субстратных форм и лексем в классическом арабском и в арабских диалектах, древних и современных, обнаружить общие ареальные изогlossы, изоморфы, изогlossы и те особенности, которые четко отграничивают химьяритскую морфологическую систему от северноарабской. Существование химьяритского языка по времени и территориально с арабскими диалектами доисламского и раннеисламского периодов объясняет целый ряд фонетических, морфологических и лексических особенностей классического арабского языка первых веков ислама, не получивших своего объяснения из арабского материала.

Отсутствие письменных памятников химьяритского языка и ограниченность доступного материала позволяют лишь в самых общих чертах или фрагментарно обрисовать старого, но забытого «родственника» южносемитских языков. Более широкое привлечение сравнительного материала современных южноаравийских языков и языков эфиосемитской ветви, открытие и дешифровка новых эпиграфических материалов Южной Аравии и древней Эфиопии будут способствовать дальнейшему восстановлению основных особенностей этого языка и определению его места в генетической классификации семитских языков.

На общем историческом фоне поэтапного разделения семитского языка-основы, процесса, занимающего более пяти тысячелетий, период существования химьяритского языка не представляется очень длительным. Его функционирование завершается где-то на рубеже I—II тысячелетий нашей эры. Однако материал химьяритского языка может стать одним из звеньев в процессе постепенного заполнения пробелов между предлагаемыми схематическими вехами в языковой истории Южной Аравии. Учитывая гипотезы развития языковой истории Аравийского п-ова, можно оценить значение химьяритского материала в более широком масштабе.

Результатом первого разделения языка-основы около IV тысячелетия до н.э. [Милитарев, 1984, ч. 3, с. 44] наряду с аккадским оказывается язык (или группа диалектов), потомками которого являются современные южноаравийские. История и путь их миграции остаются пока за пределами наших знаний.

Результатом более позднего (конец II тысячелетия до н.э.) распада «аравийского» языка оказываются эфиосемитские, ЭЮА и североарабский. Датировка этого разделения в основном совпадает с упомянутой гипотезой Дж. Гарбини о волне протоарабоязычного населения, частично достигшей юга Аравийского п-ова на рубеже II и I тысячелетий до н.э. [Garbini, 1984, с. 111, 145—149].

Не только лексикостатистическая, но структурно-морфологическая близость североарабского с ЭЮА подтверждает не столь отдаленную эпоху разделения их предка. Однако остается ряд вопросов: какие из близкородственных языков ближе к своему предку («аравийскому» или «протоарабскому»), с какими языками контактировали отделившиеся и мигрировавшие предки ЭЮА? Насколько тесны были языковые контакты этих более поздних пришельцев с потомками носителей языка, отделившегося на две тысячи лет ранее?

Высказываются также гипотезы и о существовании несемитского субстрата языков Южной Аравии, в частности о кушитском субстрате, при этом основной упор делается главным образом на экстралингвистические (археологические и др.) данные (обзор последних гипотез см. [Petráček, 1988, с. 260—263]). В этой области химьяритский материал, особенно лексический, записанный арабскими лексикографами, открывает возможности для установления слоя контактной и субстратной лексики, субстратных морфологи-

ческих явлений в арабском языке и в арабских диалектах [Белова, 1994; Bélouva, 1989].

Таким образом, в языковой истории Аравийского п-ова химьяритский язык можно представить в качестве посредника в передаче более древнего южноаравийского субстрата северноарабским диалектам и классическому арабскому языку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Грязневич — Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 1. М., 1978.
- Йакут — Jaqut's Geographisches Wörterbuch. Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd III. Lpz., 1868.
- Икл. — *ал-Хамдани*. Книга ал-Иклил (на араб. яз.).
- М/И — *Наххад ал-Муса*. Фи т-та'рих ал-арабийя (на араб. яз.).
- И/Кс — *Нашуан ибн Са'ид ал-Химьяри*. Касыда (Мулук Химьяр...).
- И/III — *Нашуан ибн Са'ид ал-Химьяри*. Мунтахабат фи 'ахбар ал-Йаман (на араб. яз.).
- С/Д — *Дайд Саллум, Джамил Саид*. Му'джем лугат ал-кабил ўа л-амсар (на араб. яз.).
- Сифат — *ал-Хамдани*. Книга сифат джазирати л-'араб (на араб. яз.).
- Т/Х — *Хашим ат-Та'ан*. Та'ассур ал-арабийя би-л-лугат ал-йаманийяти-л-кадима (на араб. яз.).
- Таб. — *ат-Табари*. Та'рих ар-русул ўа л-мулук (на араб. яз.).
- GELLAS — Groupe d'études de linguistique et de littératures arabes et sudarabiques. Matériaux arabes et Sudarabiques. P., 1984.
- Gr. — Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd I, II. B., 1908—1913.
- Dict. Sab. — Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J. Dictionnaire sabéen. Beyrouth, 1982.
- EI — The Encyclopaedia of Islam. T. I—III. Leiden—London, 1960—1971.
- Introduc. — An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages. By S. Moscati, A. Spitaler, E. Ullendorf, W. von Soden. Wiesbaden, 1964.
- Land. Daṭ. — Landberg C. Études sur les dialectes de l'Arabie méridionale. Vol. II. Daṭina. Leide, 1901—1913.
- Land. Hdr. — Landberg C. Études sur les dialectes de l'Arabie méridionale. Vol. I. Ḥadramout. Leide, 1901—1913.
- Schr. — Dictionnaire de la langue Tigrāi par P.S. Coulbeaux et J. Schreiber. Wien, 1915.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Я з ы к и и д и а л е к т ы

АДД	—	арабские диалекты	манд.	—	мандейский
акк.	—	аккадский	пун.	—	пунический
амор.	—	аморейский	саб.	—	сабейский
амх.	—	амхарский	самар.	—	самаритянский
араб.	—	арабский	самуд.	—	самудский
арам.	—	арамейский	саф.	—	сафский
арам. (иуд.)	—	арамейский иудейский	сир.	—	сирийский
аввил.	—	аввиленский	сок.	—	сокотри
джиб.	—	джиббали	суд.	—	суданский
др.-евр.	—	древнееврейский	те	—	тигре
ег.	—	египетский	тна	—	тиграй
йДД	—	йеменские диалекты	уг.	—	угаритский
йем.	—	йеменский	финик.	—	финикийский
кат.	—	катабанский	хар.	—	харари
КЛАЯ	—	классический литературный арабский язык	харс.	—	харсуси
куш.	—	кушитский	эбл.	—	эблайтский
маин.	—	маинский	ЭЮА	—	эпиграфические южноаравийские

П р о ч и е с о к р а щ е н и я

вост.	—	восточный, -ые	мет.	—	метатеза
др.	—	древний, -ие	мн.	—	множественное (число)
ед.	—	единственное (число)	мсд.	—	масдар (имя действия)
ж.р.	—	женский род	перф.	—	перфект
зап.	—	западный, -ые	пор.	—	порода
имперф.	—	имперфект	сев.	—	северный, -ые
кауз.	—	каузатив	юж.	—	южный, -ые
л.	—	лицо	Akk.	—	Akkusativ
ЛМ	—	ломаное множественное (число)	Gen.	—	Genitiv
м.р.	—	мужской род	Nom.	—	Nominativ
			Subj.	—	Subjunctiv

ЛИТЕРАТУРА

на русском языке

- Айхенвальд — Айхенвальд А.Ю. Структурно-типологическая классификация берберских языков. Вып. 7. М., 1986; вып. 8. М., 1987; вып. 9. М., 1987.
- Али б. Заид — Али ибн Заид. Стихи. Изд. А. Агарышева и А. Санчеса. М., 1968.
- АИЯ — Африканское историческое языкознание. М., 1987.
- Бауэр, 1966 — Бауэр Г.М. Язык южноаравийской письменности. М., 1966.
- Белова, 1985 — Белова А.Г. Арабский язык в доисламский и раннеисламский периоды. Опыт функциональной реконструкции. — Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- Белова, 1989 — Белова А.Г. Названия сезонов в Южной Аравии. — Мероз-6 (в печ.).
- Белова, 1976 — Белова А.Г. Прямое дополнение и халь в иракском диалекте. — Семитские языки. Вып. 3. М., 1976.
- Белова, 1985 — Белова А.Г. Синтаксис письменных текстов арабского языка. М., 1985.
- Белова, 1982 — Белова А.Г. Формы ломаного множественного числа в восточноаравийских диалектах. — Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. III. Афразийские языки. М., 1982.
- Белова (б/г) — Белова А.Г. Химьяритский субстрат в арабских диалектах Йемена. — Материалы XIV Конференции по Мероз (ноябрь 1987 г.) (в печ.).
- Белова, 1987 — Белова А.Г. Химьяритский язык по арабским источникам. — Проблемы арабской культуры. М., 1987.
- Белова, 1994 — Белова А.Г. Историческая морфология арабского языка. М., 1994.
- Ветошкина, 1987 — Ветошкина Т.Л. Отрицание в агавских языках: вопросы реконструкции. АИЯ. М., 1987.
- Гиясов, 1987 — Гиясов Н.И. Языковая ситуация и языковая политика в Народно-Демократической республике Йемен. Автореф. канд. дис. М., 1987.
- Грунтфест, 1966 — Грунтфест Я.Б. Глагол в южноарабском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1966.
- Грунтфест, 1965 — Грунтфест Я.Б. Инфинитив в южноарабском языке. — Семитские языки. Вып. 2 (ч. 1). М., 1965.
- Дьяконов, 1965 — Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки. М., 1965.
- Ернштедт, 1986 — Ернштедт П.В. Исследования по грамматике коптского языка. М., 1986.
- Жвания, 1985 — Жвания Н.Д. Дистрибуция согласных в корневых морфемах семитских языков Эфиопии. Тб., 1985.
- Завадовский, 1981 — Завадовский Ю.Н. Мавританский диалект арабского языка (хассания). М., 1981.

- Завадовский, Смагина, 1986 — *Завадовский Ю.Н., Смагина Е.Б.* Нубийский язык. М., 1986.
- Каримов, 1973 — *Каримов А.У.* Йеменский диалект арабского языка. Автореф. канд. дис. М., 1973.
- Кобищанов, 1980 — *Кобищанов Ю.М.* Северо-восточная Африка в раннем средневековом мире. М., 1980.
- Коран — Коран. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1963.
- Коростовцев, 1963 — *Коростовцев М.А.* Введение в египетскую филологию. М., 1963.
- Коростовцев, 1961 — *Коростовцев М.А.* Египетский язык. М., 1961.
- Крачковский, 1955 — *Крачковский И.Ю.* Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.
- Кямилев, 1968 — *Кямилев С.Х.* Марокканский диалект арабского языка. М., 1968.
- Лекиашвили, 1963 — *Лекиашвили А.С.* Образование форм рода и числа имен в семитских языках. Тб., 1963.
- Лекиашвили, 1964 — *Лекиашвили А.С.* Род и число имен в семитских языках. Тб., 1964.
- Липин, 1964 — *Липин Л.А.* Аккадский язык. М., 1964.
- Лундин, 1961 — *Лундин А.Г.* Южная Аравия в VI веке. — Палестинский сборник. Вып. 8 (71). М.—Л., 1961.
- Майзель, 1983 — *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
- Милитарев, 1984а — *Милитарев А.Ю.* Афразийско-шумерские лексические связи. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.
- Милитарев, 1973 — *Милитарев А.Ю.* Варьирование согласных в семитском корне. Автореф. канд. дис. М., 1973.
- Милитарев, 1976 — *Милитарев А.Ю.* О предполагаемом прасемитском *р. — История и филология Древнего Востока. XI Годичная научная сессия ЛО ИВАН. М., 1976.
- Милитарев, 1983 — *Милитарев А.Ю.* Об одном общеафразийском земельном термине (новые лингвистические данные о происхождении земледелия). — ВДИ. 1983, № 4.
- Милитарев, 1984б — *Милитарев А.Ю.* Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.
- Милитарев (б/г) — *Милитарев А.Ю.* Хронология разделения афразийских языков. — Проблемы лингвогенеза: сравнительно-историческое языкознание и глоттохронология (в печ.).
- Милитарев, 1984в — *Милитарев А.Ю.* Язык мероитской эпиграфики как исторический источник в свете его генезиса. — ВДИ. 1984, № 2.
- Милитарев, Старостин, 1984 — *Милитарев А.Ю., Старостин С.А.* Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.
- Милитарев, Шнирельман, 1984 — *Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А.* К проблеме локализации древнейших афразийцев: опыт лингвоархеологической реконструкции. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.
- Мишкuroв, 1982 — *Мишкuroв Э.Н.* Алжирский диалект арабского языка. М., 1982.
- Наумкин, Порхомовский, 1981 — *Наумкин В.В., Порхомовский В.Я.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981.
- Парадигмы, 1904 — Парадигмы глагольных форм арабского классического языка. Сост. проф. СПб. Ун. Н.А. Медников. СПб., 1904.
- Пиотровский, 1985 — *Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. М., 1985.

- Родионов, 1987 — Родионов М.А. Поэтическое слово: материалы из Западного Хадремаута. — Проблемы арабской культуры. М., 1987.
- Рубинчик, 1959 — Рубинчик Ю.А. — Природа и функции персидского подчинительного союза *ke*. — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. № 36, 1959.
- Пигулевская, 1951 — Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в V—VI вв. М.—Л., 1951.
- Полосин — Полосин Вл.В. Словарь поэтов племени 'абс (VI—VIII вв.). М., 1995.
- Сегерт, 1965 — Сегерт С. Угаритский язык. М., 1965.
- Смирнова, 1966 — Смирнова М.А. Язык хауса. М., 1966.
- СИСАЯ — Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Под ред. И.М. Дьяконова. Вып. I. М., 1981; вып. II. М., 1982; вып. III. М., 1986.
- СИФКЯ — Долгопольский А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М., 1973.
- Старинин, 1967 — Старинин В.П. Эфиопский язык. М., 1967.
- Титов, 1971 — Титов Е.Г. Современный амхарский язык. М., 1971.
- Фрондзароли, 1985 — Фрондзароли П. К трактовке эблайтской морфологии. — Древняя Эбла. М., 1985.
- Шифман, 1963 — Шифман И.Ш. Финикийский язык. М., 1963.
- Церетели, 1982 — Церетели К.Г. Арамейский язык. Тб., 1982.
- Церетели, 1979 — Церетели К.Г. Сирийский язык. М., 1979.
- Южная Аравия, 1978 — Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 1. М., 1978 (см. библиографический список — Грязневич).
- Юшманов, 1959 — Юшманов Н.В. Амхарский язык. М., 1959.
- Юшманов, 1985 — Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Изд. 3-е. М., 1985.
- Юшманов, 1938 — Юшманов Н.В. Структура семитского корня (1938) (в печати).

на западноевропейских языках

- AMM, 1988 — Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. М., 1988.
- Avanzini, 1977 — Avanzini A. Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud 1950—1973. Vol. I, II. Univ. di Firenze, 1977.
- Barbier de Meynard, 1874 — Barbier de Meynard. Le Seld Himyarite. Recherches sur la vie et les oeuvres d'un poète hérétique du II-e siècle de l'hégire. P., 1874.
- Beeston, 1981 — Beeston A.F.L. Languages of Pre-Islamic Arabia. — Arabica. T. 28, fasc. 2—3, 1981.
- Beeston, 1984 — Beeston A.F.L. Sabaic Grammar. Manchester, 1984.
- Beeston, 1985 — Beeston A.F.L. Two Bi'r Himā Inscriptions Re-examined. — BSOAS. Vol. 48, pt. 1. L., 1985.
- Behnstedt, 1985 — Behnstedt P. Die nordjemenitischen Dialekte. T. 1: Atlas. Wiesbaden, 1985.
- Behnstedt, 1986 — Behnstedt P. Les atlas linguistiques de l'Egypte et du Jemen. — III-ème colloque International de linguistique. Tunis, 1986.
- Behnstedt, 1988 — Behnstedt P. Lexicalisches aus dem Jemen. — Die Welt des Orients. Bd XIX, 1988.
- Bélova, 1989 — Bélova A.G. Isoglosses yéménites-couchitiques. — Papers of the Second International Symposium on Cushitic and Omotic Studies. Turin, 1989 (в печ.).
- Belova, 1988 — Belova A.G. The Position of Himyaritic within the South Semitic Group of Semitic Languages (Yemenit-Ethiopians Isoglosses). — Proceedings of the IX-th International Congress of Ethiopian Studies. Moscow, 26—29 August 1986. T. V. М., 1988.
- Biella, 1982 — Biella J.C. Dictionary of Old South Arabic. Chico, 1982.

- Bloch, 1967 — *Bloch A.A.* The Vowels of the Imperfect Preformatives in the Old Dialects of Arabic. — ZDMG. Bd 117, H.1, 1967.
- The Book of the Himyarites — The Book of the Himyarites. Ed. by A. Moberg. Lund, 1929.
- Brockelmann, 1916 — *Brockelmann C.* Semitische Sprachwissenschaft. Lpz., 1916.
- Caspari, 1881 — *Grammaire arabe* de C.P.Caspari. P., 1881.
- Cohen, 1963 — *Cohen D., el-Chennaft M.* Le dialecte arabe ḥassāniya de Mauritanie. P., 1963.
- Conti, 1940 — *Conti R.C.* Lingua Tigrina. Roma, 1940.
- Corriente, 1978 — *Corriente F.C.* Die Lateralität von arab. *ḏ* in Südarabien. — JSS, 23, 1978.
- Diakonoff, 1988 — *Diakonoff I.M.* Afrasian Languages. M., 1988.
- Diem, 1973 — *Diem W.* Skizzen Jemenitischer Dialekte. Beirut—Wiesbaden, 1973.
- Diem, 1979 — *Diem W.* Studien zur Frage des Substrats im Arabischen. — Islam. Bd 56, № 1, 1979.
- Dillmann, 1907 — *Dillmann A.* Ethiopic Grammar. 2-nd ed. enlarged and improved (1899) by Carl Bezold. L., 1907.
- Dillmann, 1865 — *Dillmann A.* Lexicon Linguae Aethiopiae. Lipsiae, 1865.
- Doum, 1983 — *Doum W.* Märchen aus dem Jemen. Köln, 1983.
- Doum, 1987 — *Doum W.* A Pre-Islamic Rite in South Arabia. — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1987, № 1.
- Dozy — *Dozy R.* Supplement aux dictionnaires arabes. T. I—II. Leyden, 1881; 3-e ed. Vol. 1—2. P., 1967.
- Faris, 1938 — *Faris N.A.* The Antiquities of South Arabia, being a Translation from the Arabic with Linguistic Geographic and Historic Notes of the Eighth Book of al-Hamdānī's al-Ikhl. Princeton, 1938.
- Fischer, 1956 — *Fischer W.* K > š in den südlichen semitischen Sprachen. — MSOS. Bd VIII, H. 25, 1956.
- Fischer, 1968 — *Fischer W.* Die Position von *ḏ* im Phonemsystem des Gemeinsemitischen. Wiss. Zeitschr. der Univ. Halle. Jg. 17, H. 2—3, 1968.
- Garbinbi, 1984 — *Garbini G.* Le lingua semitiche. Studi di storia linguistica. 2 ed. Napoli, 1984.
- Ghanem, 1958 — *Ghanem M.A.* Aden Arabic for Beginners. 2-nd ed., Aden, 1958.
- Glaser, 1923 — *Glaser E.* Altjemenitische Studien. Hrsg. von O. Weber. Lpz., 1923.
- Goitein, 1934 — *Goitein S.D.F.* Jemenica. Sprichwörter und Redensarten aus Zentral Jemen. Lpz., 1934.
- Goldenberg, 1977, 1979 — *Goldenberg G.* The Modern South Arabian Prefix—Conjugation. — Addendum to BSOAS. Vol. XL, pt. 3, 1977; BSOAS. Vol. XLII, pt. 3, 1979.
- Grohmann, 1955 — *Grohmann A.* Einführung und Chrestomatie zur arabischen Papyruskunde. Praha, 1955.
- GAPh — Grundriss der arabischen Philologie. Wiesbaden, 1982.
- Hetzron, 1978 — *Hetzron R.* The Limits of Cushitic. Santa Barbara (Cal.), 1978.
- Ibn al-Muğāwir — *Ibn al-Muğāwir.* Descriptio arabiae meridionalis (praemissis capitibus de Mecca et parte regionis Ḥiğāz). Qui liber inscribitur ta'riḥ al-Mustabšir. Ed. Oscar Löfgren. Leiden, 1954.
- Jahn, 1905 — *Jahn A.* Grammatik der Mehri-Sprache in Südarabien. Wien, 1905.
- Johnstone, 1970 — *Johnstone T.M.* A Definite article in the Modern South Arabian Languages. — BSOAS, Vol. XXXIII, pt. 2, 1970.
- Johnstone, 1977 — *Johnstone T.M.* Harsūsi Lexicon. London—New York—Toronto, 1977.
- Johnstone, 1981 — *Johnstone T.M.* Jibbali Lexicon. L., 1981.
- Johnstone, 1987 — *Johnstone T.M.* Mehri Lexicon and English Mehri Word-List. With Index of the English definitions in the Jibbali Lexicon compiled by G. Rex Smith. Univ. of London: School of Oriental and African Studies, 1987.
- Kofler, 1940 — *Kofler H.* Reste altarabische Dialekte. — WZKM. Bd 47, H. 1—4, 1940.

- Kremer, 1867 — *Kremer A. von. Altarabische Gedichte über die Volkssage von Jemen als Textbeilage zur Abhandlung «Über die südarabische Sage»*. Lpz., 1867.
- Kremer, 1866 — *Kremer A. von. Über die südarabische Sage*. Lpz., 1866.
- Lane, 1863 — *Lane E.W. — Maddu-l-Kamoos. An Arabic-English Lexicon. Book I, pt. I—VIII. L., 1863* (Beirut, 1968).
- Leslau, 1887 — *Leslau W. Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden, 1987.
- Leslau, 1941 — *Leslau W. Documents tigrigna (ethiopiens septentrionaux) grammair et textes*. P., 1941.
- Leslau, 1968 — *Leslau W. Ethiopians Speak. III. Soddo*. Univ. of California. Berkeley & Los Angeles, 1968.
- Leslau, 1956 — *Leslau W. Etude descriptive et comparative du gafat (éthiopiens méridionale)*. P., 1956.
- Leslau, 1936 — *Leslau W. Lexique soqotri*. P., 1936.
- Lexicon, 1958 — *Lexicon in Veteris Testamenti Libros*. Ed. L. Koehler, W. Baumgartner. Leiden, 1958.
- Lewin, 1978 — *Lewin B. A Vocabulary of the Hudailian Poems*. Göteborg, 1978.
- Maltzan, 1871 — *Maltzan H.F. Über den Dialekt von Mahra, genannt Mehri, in Südarabien*. — ZDMG. Bd 25, 1871.
- Militariw(a) — *Militariw A. Afrasian Phonetics as viewed today by the Comparative Vocabulary of Afrasian team* (in collaboration with Prof. J. Diakonoff, Dr. O. Stolbova) (в печати).
- Militariw(b) — *Militariw A. Towards a decent home for Proto-Afrasians* (in collaboration with Dr. V. Shnirelman) (в печати).
- al-Mokaddasi — *al-Mokaddasi. Descriptio imperii moslemici*. Ed. M. de Goeje. Lugduni Batavorum. Vol. III, 1877.
- Murad Kamil, 1963 — *Murad Kamil. Beiträge zur Entstehung der Vierradikaligen Verben in den gesprochenen semitischen Sprachen*. Le Caire, 1963.
- Müller D.H., 1877 — *Müller D.H. Südarabische Studien. — Sitzungsbericht der Phil.-hist. Klasse. Vol. LXXXV, Bd I, Wien, 1877*.
- Müller — *Müller W.W. Äthiopische Marginalglossen zum sabäischen Wörterbuch* [6.r.].
- Müller W.W., 1961 — *Müller W.W. Äthiopisches zur semitisch-ägyptischen Wörtvergleichung*. — Le Muséon. T. 74, 1961.
- Müller W.W., 1978 — *Müller W.W. Abessinier und ihre Namen und Titel in vorislamischen südarabischen Texten. — Proceedings of the V International Conference on Ethiopian Studies. Session B, april 13—16, 1978. Chicago, 1979*.
- Müller W.W., 1964 — *Müller W.W. Über Beziehungen zwischen den neusüdarabischen und abessinischen Sprachen*. — JSS. Vol. 9, 1964.
- Müller W.W., 1980 — *Müller W.W. Zur Wortschatz des neusüdarabischen Har-süsi*. — Islam. Bd 57, № 1, 1980.
- Nebes, 1985 — *Nebes N. Zwei Miscellen zur sabäischen Verbalmorphologie. — Bibliographia Orientalis. Jg. 42, № 1/2, 1985*.
- Petráček, 1988 — *Petráček K. Pour une stratigraphie linguistique de la péninsule arabe*. — SULMU. Papers on the Ancient Near East. Ed. by Petr Vavroušek and Vladimír Souček. Praha, 1988.
- Prochazka, 1974 — *Prochazka Th. Perfect -k in Ta'izz Dialect. — BSOAS. Vol. 37, pt. 2, 1974*.
- Rabin, 1951 — *Rabin Ch. Ancient West Arabian. L., 1951*.
- Ricks, 1982 — *Ricks S.D. A Lexicon of Epigraphic Qatabanian*. Berkeley, California, Ann Arbor, 1982.
- Robin, 1976 — *Robin Ch. Résultats épigraphiques et archéologiques de deux brefs séjours en République arabe du Jemen. — Semitica. T. XXVI, 1976*.
- Robin, 1989 — *Robin Ch. [Peu. na:] [Selwi, 1987]. — Bulletin critique des Annales islamologiques, № 6. Le Caire, 1989*.
- Rossi, 1937—1938 — *Rossi E. Appunti di dialettologia del Jemen. — RSO. Vol. 17, fasc. 1—4, 1937—1938*.
- Rossi, 1939 — *Rossi E. L'arabo parlato a Šan'a. Roma, 1939*.

- Rossi, 1938—1939 — Rossi E. Nuove osservazioni sui dialetti del Jemen. — RSO. Vol. 17, 1938—1939.
- Rossi, 1964 — Rossi E. Terminologia della costruzioni nel Jemen. — A Francesco Gabrieli. Roma, 1964.
- Rossi, 1939—1940 — Rossi E. Vocaboli Sud-Arabici nelle odierne parlate arabe del Jemen. — RSO. Vol. 18, 1939—1940.
- Rossi, 1940 — Rossi E. Vocaboli arabi sopravvivenuti nelle parlate arabe del Jemen. — Actes du XX-e Congres International des Orientalistes. Bruxelles, 5—10 Septembre 1938. Louvain, 1940.
- Ryckmans — Ryckmans J. Himyaritica. — Le Muséon. T. 69, №1—2, 1956; T. 79, № 3—4, 1967.
- Saliba, 1985 — Saliba G. A Medieval Note on the Himyarite dialect. — JAOS. Vol. 105, № 4, 1985.
- Salonen, 1952 — Salonen A. Alte Substrat- und Kulturwörter im Arabischen. — Studia Orientalia. Vol. 17, 1952.
- Schneider, 1973—1979 — Schneider R. Quelques remarques linguistiques sur l'inscription de W'zb, fils de Kaleb. — Comptes rendus du Groupe Linguistique d'études chamito-sémitiques. № 18—23, 1973—1979.
- Schneider, 1974 — Schneider R. Trois nouvelles inscriptions royales d' Axoum. — IV Congresso Internazionale di studi Etiopici. T. 1. Roma, 1974.
- Selwi, 1987 — al-Selwi Ibrahim. Jemenitische Wörter in den Werken von al-Hamdānī und Naṣwān und ihre Parallelen in den semitischen Sprachen. B., 1987.
- Strelcyn — Strelcyn S. Les noms des plantes guèzes et leurs correspondants amhariques dans les traductions bibliques, dans les écrits médicaux et dans la tradition [6.r.].
- Simeone-Senelle a.o., 1984 — Simeone-Senelle M.-C., Lonnet A., Mohamed-Bakheit S. Histoire de Sald, Saïda, la méchante femme et l'ange. Un conte mehri suivi de Remarques linguistiques. — Groupe d'études de linguistique et de littératures arabe et sudarabiques. Matériaux arabes et sudarabiques. P., 1984.
- Simeone-Senelle a.o., 1986 — Simeone-Senelle M.C., Lonnet A. Lexique des noms parties du corps dans les langues sudarabiques modernes. — Groupe d'études de linguistique et de littératures arabes et sudarabiques. Matériaux arabes et sudarabiques 1985—1986. P., 1986.
- Voigt, 1987 — Voigt R.M. The Classification of Central Semitic. — JSS. Vol. 32, № 1, 1987.
- Wagner, 1970 — Wagner E. Der Jemen als Vermittler aethiopischen Sprachgutes nach Nordwestafrika. — Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies. II. Addis-Ababa, 1970.
- Winnet, 1957 — Winnet F.V. Safaitic inscriptions from Jordan. Toronto, 1957.
- Wright, 1933 — Wright W. A Grammar of the Arabic Language. 3rd Ed. Vol. I—II. Cambridge, 1933.

на арабском языке

- Бакр Я'к'б بكر يعقوب دراسات مقارنة في المعجم العربي. بيروت. ١٩٧٠
- ал-Гинди احمد علم الدين الجندي. اللهجات العربية في التراث. ليبيا - تونس، ١٩٧٨
- ал-Гул Махмуд الغول محمود. مكانة لغة نقوش اليمـن القديمة في تراث اللغة العربية الفصحى. الندوة العالمية لدراسة الحضارة اليمنية. عدن، ١٩٨٥

аз-Заузани

الروزني، شرح المعلقات السبع، بيروت، ١٩٧٢

ал-Кали

القالبي، كتاب الأمال، القاهرة، ١٢٢٤ هـ .

Камил Мурад

كامل مراد، اللهجات العربية في اليمن

المحاضرات، القاهرة، ١٩٦٨،

Коран

القرآن الكريم، دمشق، ١٩٦٣،

ибн Хаджар

ابن حجر، الاصابة في تميز الصحابة .

القاهرة، ١٢٢٣ هـ

Лисан

لسان العرب المحيط لمنظور بن مكرم بن

محمد، تحقيق يوسف الخيات و نديم مرشلي .

بيروت، ١٩٧٠،

ал-Музхир

السيوطي عبدالرحمان بن جلال الدين، المزهر

في علوم اللغة و انواعها

ал-Мунджид

تحقيق محمد جادى المولى، على محمد

البجاوي و محمد ابي الفضل ابراهيم .

القاهرة المنجد، بيروت، ١٩٦٥،

ал-Муса Наххад

الموسى نهاد، في تاريخ العربية، ابحاث

في الصورة التاريخية للنحو العربي .

عمّان، ١٩٧٦،

ملوك حمير وأقيال اليمن، قليلة...

Нашуан, Н/Кс

نشوان بن سعيد الحميري، وشرحها المسمى
خلاصة السيرة الجامعة لعجائب اخبار الملوك
التبابعة. القاهرة. ١٩٥٨

Нашуан, Шамс

نشوان بن سعيد الحميري، منتخبات فنى
اخبار اليمن من كتاب شمس العلوم و دوا'
كلام العرب من الكلوم. تحقيقه عظيم الدين
احمد. الطبع الثاني. دمشق، ١٩٨١

ар-Рази

الرازى، تاريخ مدينة صنعاء، تحقيقه
حسين العمري و عبد الجبار. دمشق، ١٩٧٤ .

Саллум Дауд, 1976

سلوم داود. دراسة اللهجات القديمة
لاهور - الكويت، ١٩٧٦

Саллум Дауд, 1978

سلوم داود، جميل سعيد. معجم لغات
القبائل و الامصار، بغداد، ١٩٧٨

ас-Салих С.

الصالح، صبي. دراسات فى فقه اللغة
ط٢، بيروت، ١٩٦٢

ат-Та'ан Хашим

الطعان هاشم. تأثر العربية باللغات
اليمنية القديمة. بغداد، ١٩٦٨

ат-Табари

الطبري أبوجعفر محمد بن جرير. تأريخ
الرسل و الملوك، ج ١، القاهرة، ١٩٦٠

Тадж ал-'арус

تاج العروس من جواهر القاموس لمحمد مرتضى
الزبيدي، ١-١٠م. القاهرة، ١٣٠٧هـ

Фаузи

فوزى عطوى. شرح المعلقات العشر. بيروت،
١٩٦٩

كتاب الاكليل للسان اليمن لأبي محمد الحسن

ال-Хамдани, Икл. II

بن أحمد بن يعقوب الهمداني المتوفى نحو
سنة ٣٥٠ هـ. الجزء الثاني. حققه و علقه
عليه محمد بن علي الأكويع الموالي .
بغداد، ١٩٨٠

ال-Хамдани, Икл. VIII

كتاب الاكليل للسان اليمن لأبي محمد الحسن
بن أحمد بن يعقوب الهمداني المتوفى نحو
سنة ٣٥٠ هـ. الجزء الثامن. حققه و علقه عليه
الأب أنستاس ماري الكرملّي البغدادي.
بغداد، ١٩٣١

ال-Хамдани, Икл. X

كتاب الاكليل للسان أبي محمد الحسن بن
أحمد بن يعقوب الهمداني المتوفى نحو
سنة ٣٥٠ هـ. الجزء العاشر. تحقيقه محي
الدين الخاطب . القاهرة ، ١٣٦٨ هـ

ال-Хамдани, Сифат

الهمداني. كتاب صفة جزيرة العرب .
تحقيقه محمد النجدي. القاهرة ، ١٩٥٣ . .

ال-Хилالي Хади

الهلالى هادي عطية مطر. دلالة الألفاظ
اليمانية في بعض المعجمات العربية ،
صنعاء ، ١٩٨٧

Шараф ад-Дин

شرف الدين أحمد حسين. لهجات اليمن قديما
و حديثا . مطب الجيلاوي . ١٩٧٠

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Доисламский период в истории арабского и южноаравийских языков ..	3
2. Источники	6
2.1. Первичные источники	6
2.2. Вторичные источники	7
3. Химьяриты и химьяритский язык. Термин, гипотезы, проблемы	8
3.1. Химьяриты — племя, этнос в истории Южной Аравии	8
3.2. Химьяр — государство. Химьяритская династия правителей Йемена ..	10
3.3. Химьяритские надписи, химьяритские тексты	11
3.4. Язык химьяритов	11
4. Химьяритский язык и его носители	13
4.1. «Языковая ситуация» в раннесредневековой Южной Аравии	15
4.2. Химьяритский язык и язык южноаравийской эпиграфики	17
4.3. Собственно химьяритский язык	24
5. Химьяритский — язык или диалект?	26
6. Источники и литература	28
7. Методика	29
Глава I. Фонетика и морфология	31
1. Консонантизм	31
1.1. Губные	31
1.2. Дентальные	32
1.3. Сибиллянты	33
1.4. Латеральные <i>ʃ, l, d</i>	34
1.5. Среднеязычный <i>k</i>	35
1.6. Заднеязычные <i>*g, q</i>	36
1.7. Увулярные <i>g, ħ</i>	37
1.8. Фарингальные	37
1.9. Ларингальные <i>ʕ, h</i>	37
2. Вокализм и полугласные	38
2.1. Долгие гласные	38
2.2. Дифтонг <i>*au > ā</i>	38
2.3. Дифтонг <i>aw < *ā</i>	39
2.4. Замещение <i>w / u</i>	40
3. Ударение и просодия	40
3.1. Пеузальные позиции	41
3.2. Комбинаторные изменения	42

4. Морфология	42
4.1. Гласные окончания	42
4.2. Морфология артикля (V)t	43
Глава II. Морфология	45
1. Местоимения	45
1.1. Личные местоимения	45
1.2. Указательные местоимения	55
1.3. Относительное местоимение	56
2. Глагол	60
2.1. Перфект. Личные формы	60
2.2. Имперфект. Личные формы	61
2.3. Императив	64
2.4. Породы	66
2.5. Пассив — безличная форма	68
2.6. Некоторые особенности глагольной морфологии	68
2.7. Глагол-связка <i>hl</i>	69
3. Отглагольные имена	72
3.1. Имя действия	72
3.2. Причастие страдательного залога	74
4. Имя	75
4.1. Простейшие основы	76
4.2. Простейшие основы с суффиксами	76
4.3. Двухгласные основы	76
4.4. Основы с геминированным C_2	78
4.5. Четырехсогласные основы	79
4.6. Именные основы с префиксами	83
4.7. Именные основы с суффиксами	87
4.8. Глагольные и именные основы с морфологическими дифтонгами	91
4.9. Образование форм числа	93
4.10. Падежная система	103
5. Nota genitivi	111
5.1. Структурно-семантическая характеристика основы * <i>dū</i>	113
6. Артикль	115
7. Отрицание	121
Глава III. Синтаксис	125
1. Словосочетание	125
2. Простое предложение	129
2.1. Именное предложение	129
2.2. Глагольное предложение	130
2.3. Союзы	134
3. Сложное предложение	134
3.1. Придаточное относительное	135
3.2. Придаточное дополнительное	135
3.3. Придаточные временные	135
3.4. Придаточные целевые	135
3.5. Придаточные условно-следственные	136
3.6. Способы подчинительной связи	136
3.7. Сравнительный анализ способов подчинительной связи в химьяритском и других семитских языках	136
Глава IV. Образцы текстов	139
1. Эпистолярный текст (из послания Курайба Зу Ма'зина)	139
2. Муснад «История Шам'и, дочери Зу Мурасида»	146
3. Муснад «История Дибаджи, дочери Науфа»	151

4. Муснад Зу Дуньяна	161
5. Молитва химьярита	166
Заключение	170
Библиографические сокращения	176
Условные сокращения	177
Литература	178

Белова А. Г.

Б43 Химьяритский язык: Ареальные исследования к истории арабского языка. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — 190 с.
ISBN 5-02-017705-9

В монографии исследуется неизвестный до настоящего времени химьяритский язык, распространенный на территории Южной Аравии в доисламский период. Этот язык существовал в устной форме, его письменная фиксация обнаружена в раннесредневековых арабских источниках. На основании этих свидетельств автор реконструирует фонетику и грамматическую систему химьяритского языка.

Б 4602020000-05
013(02)-96

Без объявления

ББК 81.2

Научное издание

Белова Анна Григорьевна

**ХИМЬЯРИТСКИЙ ЯЗЫК
АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
К ИСТОРИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *С.В.Веснина*

Младший редактор *Л.Б.Годунова*

Художник *С.А.Киреев*

Художественный редактор *Б.Л.Резников*

Технический редактор *М.Г.Гущина*

Корректор *Е.В.Карюкина*

ЛР № 020910 от 02.09.94
ИБ № 17272

Сдано в набор 26.06.91.
Подписано к печати 17.01.96.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.п.л. 12,0
Усл.кр.-отт. 12,25. Уч.-изд.л. 11,8
Тираж 400 экз. Изд. № 7284
Зак. № 17. «С»-1

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

А.Г.Белова

ХИМЬЯРИТСКИЙ ЯЗЫК

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ К ИСТОРИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Химьяритский язык — один из южносемитских языков, распространенный на территории юга Аравийского полуострова в доисламский и раннеисламский периоды. Он существовал в устной форме, и лишь следы его письменной фиксации обнаружены в трудах средневековых арабских историков. Однако реконструкция фонетической и грамматической систем химьяритского позволяет определить его место в группе родственных ему языков южноаравийской письменности, южных диалектов арабского языка и северной группы эфиосемитских языков.